

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

3
ВЫПУСК

НАЛЬЧИК • 2014

УДК – 902(470.6)+39(470.6)
ББК – 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А – 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов.
А – 87 Выпуск 3. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 140 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Издание рассчитано на научных и музейных работников, преподавателей, краеведов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины из горита с золотыми накладками (Семибратний курган, № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

ISBN 978-5-91766-091-2

© КБИГИ, 2014

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY OF THE NORTH CAUCASUS

3
ISSUE

NALCHIK • 2014

UDK – 902(470.6)+39(470.6)
BBK – 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A – 87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A – 87 Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of research
papers. Issue 3. – Nalchik: Issuing office of KBIHR, 2014. – 140 p.

Subject collection includes articles developing topical questions of archeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. The Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovka town, 1968. Krasnodar museum).

ISBN 978-5-91766-091-2

От редакторов

Статья Б.Х. Бгажнокова «Касы и страна касов на Северном Кавказе» продолжает серию публикаций по исторической этнонимике народов Кавказа*. Автор останавливается на рассмотрении слабо изученных сторон культурного взаимодействия древних адыгов с населением Ближнего Востока и юга Восточной Европы. Б.Х. Бгажноков опирается на данные изучения древних языков, анализ этнонимов, археологические находки.

Работа Я.Б. Березина посвящена вводу в научный оборот материалов одного из археологических памятников Пятигорья – поселения сарматского времени у железнодорожного моста в г. Кисловодске. Памятник изучался местными краеведами, а материал хранится в Кисловодском историко-краеведческом музее.

В статье О.Б. Бубенка говорится об истории касогов. Автор приходит ко мнению, что «...этноним касоги или кас- в хазарское время использовался не только для обозначения адыгоязычного населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедренного хазарской администрацией в адыгскую среду...». Кроме того, как предполагает О.Б. Бубенок, «...одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено хазарами в низовья Дона, а их место заняли носители кремационного обряда». С этим можно согласиться. С учетом расселения части адыгоязычного племени кабаров в низовьях Дона и в других районах Приазовья (см. статью Б.Х. Бгажнокова. С. 9–10) мы считаем вполне возможным, что памятники Закубанья хазарского времени, в том числе и погребения по обряду кремации, оставлены предками адыгов.

Статья С.Б. Буркова продолжает серию публикаций, обобщающих находки предметов из «египетского фаянса» на Северном Кавказе. Нынешнее исследование этого автора подводит итог изучению находок фигурных форм из «египетского фаянса» и стекла эпохи раннего железного века на территории Чечни.

Н.Д. Кодзоев публикует исторический очерк о путях сообщения и средствах передвижения в Ингушетии (с древнейших времен до наших дней). В работе приводится ряд интересных сведений, наблюдений и обобщений. Например, подчеркнута роль Дарьяльского ущелья (инг. «Даьри Аьли» – «Ущелье шелка») в системе перевальных торговых путей Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

В публикации В.А. Кузнецова рассматриваются сведения о находках трех фрагментов каменных плит с арабскими куфическими надписями XI в. на территории раннесредневекового Нижне-Архызского городища X–XII вв. (Карачаево-Черкесия). Одна из надписей скорее всего строительной, другая (с датой 1044 г.) – с погребальной эпитафией. Автор ставит вопрос: «... не свидетельствует ли первая надпись о присутствии на Нижне-Архызском городище мусульманской мечети, а вторая надпись – о мусульманском кладбище около мечети?». В.А. Кузнецов допускает также, что «... южная оконечность городища была в XI в. заселена мусульманским населением» и эта «часть Нижне-Архызского городища была заселена восточными купцами...».

В заметке археолога А.М. Новичихина опубликована редкая для Северного Кавказа находка бронзового котла т.н. сибирского типа. Котел датируется предскифским временем и имеет аналогии в древностях Кабардино-Пятигорья (Бештау и Кызбурун).

В статье Ю.А. Прокопенко анализируются данные о земледельческой культуре населения Центрального Предкавказья в середине и второй половине I тыс. до н.э. Автор совершенно обоснованно предполагает, что «уже в середине I тыс. до н.э. земледелие наряду со скотоводством практиковалось достаточно хорошо и было основой для последующего развития сельскохозяйственного производства местных народов в последние века до н.э. – первые века н.э. и в эпоху Средневековья».

* Бгажноков Б.Х. Следы элемента кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы конференции. Нальчик, 2014. Ч. 1. С. 5–10; Бгажноков Б.Х. О роли миграций в этногенезе адыгов // Там же. С. 11–29; Бгажноков Б.Х. Кассито-абхазо-адыгские культурные параллели // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 1 (21). С. 7–13.

Известный узбекский археолог и общественный деятель Эдвард Васильевич Ртвеладзе недавно опубликовал книгу воспоминаний*. В этой своеобразной и душевной автобиографии содержатся ценные сведения об истории становления и развития археологической науки в Кабардино-Балкарии. Дело в том, что начало научной деятельности Э.В. Ртвеладзе связано со Ставропольским краем и Кабардино-Балкарией. Потому редакторы сборника «Археология и этнология Кавказа» сочли необходимым в несколько сокращенном виде повторно привести воспоминания Э.В. Ртвеладзе об археологах Кабардино-Балкарии и об археологических экспедициях 1961–1962 гг. в Верхнем Чегеме.

М.В. Семендяев продолжает наращивать количество публикаций, посвященных археологическим памятникам района Пятигорья. В своей статье автор описывает историю изучения памятников эпохи ранней и средней бронзы на территории г. Пятигорска в первой половине и середине XX в.

А.В. Сивер в своей работе анализирует данные родословных легенд об этногенетических процессах на Северо-Западном Кавказе. Автор приходит к выводу, что «родословные легенды и патронимические, генеалогические предания, являясь продуктом коллективной памяти, отражают не столько реальную ситуацию тех времен, о которых говорится в легенде, сколько представление о ней, обусловленное положением дел времен рассказа и фиксации, но при этом, несомненно, содержат в разной степени искаженные воспоминания о действительно происходивших событиях». А.В. Сивер допускает, что при условии научного анализа этих легенд с привлечением данных других исторических источников они (легенды и предания) послужат ценным источником по этнической истории местных народов.

Во второй публикации Б.Х. Бгажнокова рассматривается роль визитов в культуре общения адыгов. Анализируются цели визитов, договоренность и оповещение о визите, состав (распределение ролей) и общая численность посетителей, дарообмен, временные характеристики, костюм и снаряжение, стандарты общения. Автор справедливо считает, что визиты в традиционном адыгском обществе образуют особую систему социально заданных норм или правил общения и являются особым социальным институтом, приспособленным для производства и воспроизводства социальных связей и отношений.

Работа В.А. Фоменко посвящена памятникам предскифского и скифского времени на территории Пятигорска. Автор статьи отмечает, что к настоящему времени на территории Пятигорска выявлено не менее 11 поселений и 15 могильников VIII–IV вв. до н.э. Однако некоторые из этих археологических объектов, к сожалению, полностью или частично разрушены в ходе строительных и других земляных работ.

Очередной третий выпуск «Археологии и этнологии Кавказа» объединил на своих страницах усилия ученых Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, коллег из Украины, Узбекистана, Северной Осетии, Ингушетии, Краснодарского края и Ставрополья. Приглашаем всех ученых принять активное участие в следующих выпусках сборника, который, как нам кажется, востребован не только узкими специалистами, но и всеми, кто интересуется историей и культурой народов Северного Кавказа.

*Б.Х. Бгажноков,
В.А. Фоменко*

* Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Ташкент, 2012. Кн. I.

КАСЫ И СТРАНА КАСОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В наших прежних публикациях мы рассматривали вопросы кассито-абазо-адыгских культурных и языковых параллелей. Подчеркивалось кроме всего прочего, что в основе широко известного названия адыгов – *черкес* – лежат прямо друг с другом связанные обозначения двух родственных народов Древней Передней Азии – *касситов* и *касков*¹.

В Античное время и в период Средневековья, как показывает имеющийся материал², элемент *кас* в различных формах и модификациях постоянно использовался не только для названия адыгов Северного Кавказа и Крыма, но также для обозначения страны или местности, в которой этот народ обитает. Суммируя эти данные, можно предположить, что уже во второй половине I тыс до н.э. на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединенный похожими или однотипными названиями: *кисы, кизы, каси, аккисы, кизики, касаки, кашаки, акасы, касаги, касконы*. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной и кобанской культур, которые затем, уже в раннем Средневековье, объединились в этнополитическое целое под названиями Каса, Касак, ал-Каскан, Касахия, Касогдиана, Касогы, ал-Акасара, Джаркасия, Черкесия.

В VI в. касы заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа объединении адыгских этнических групп. В своде грузинских летописей есть сообщение о народе *хаскун* (*каскун*; осет.-аланск.: *каскон, кашкон*), живущем между аланами и *авазгами* (абазинами). Отмечается, в частности, что, находясь в зените своей славы, византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсети (Алании. – *Ред.*) стране, на границах Авазгии, с племенем, называемым хаскун, восставшим против греков»³. По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 гг., когда адыги (*каскун*) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В наказание за это по приказу Юстиниана каскуны «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей»⁴.

К рубежу VIII–IX вв. относятся сообщения святого Епифания, в которых он упоминает наряду с зихами и Зихией народ под названием касогдиан, а также Сугду горную и равнинную⁵. В данном случае касогдиане и сугды – это, несомненно, различные названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма. Сугдами называли адыгов греки, а касогами – русские. В русских летописях X в. касогдиане Епифания всплывают в виде названия *касог*. Сообщается о том, что летом 965 г. Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), а затем победил ясов (алан) и касогов и многих из них привел в Киев на поселение⁶. Как коренное население Таманского полуострова предстают касоги и в летописях, повествующих о борьбе за Тмутаракань в 1022 г. русского князя Мстислава и касожского (черкесского) князя Редеди⁷.

Судя по источникам, начиная с X в., название *касы, касоги, кашаки* закрепляется практически за всеми племенами Центрального и Северо-Западного Кавказа. В первой половине X в. к западу от Алании располагалась Страна Каса.

Об этом пишет хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»⁸. Сегодня мы уже точно знаем, что речь идет в данном случае об адыгских, или касожских, черкесских общностях.

В то же самое время и о той же самой стране – Касахии, но гораздо подробнее пишет византийский император Константин Багрянородный. В описании Кавказа, отражающем ситуацию 930-х гг. (само сочинение закончено в 948–952 гг.), он выделяет наряду с Аланией, к западу от нее, еще три страны: на юге Зихию, на севере – Папагию и простирающуюся до «Кавказских гор» (до Эльбруса) Касахию⁹. Жители этих стран были, бесспорно, адыгами. Но Зихия была обособлена от Касахии и Папагии. Она занимала восточный берег Черного моря, на юго-западной оконечности Главного Кавказского хребта. Зихи – это, условно говоря, жители Закавказья, находившиеся в тесном контакте с абхазскими и особенно абазинскими племенами (Отсюда, надо полагать, воспринятое северокавказскими адыгами общее название абхазо-абазинских племен – *азгу/азега*¹⁰, которое в этом значении продолжает функционировать и по сей день в среде черкесской диаспоры в Турции).

В отличие от этого, касы или касоги, а также соединившиеся позже с ними *папаги* (*паги*, *петеги*) занимали северные склоны Главного Кавказского хребта, включая степное Предкавказье и Юго-Восточный Крым. При этом страна, именуемая Касахией, простиралась далеко на восток по направлению к Каспийскому морю. Правильно еще Ю. Клапротом замечено, что Касахия является «страной восточных черкесов внутренних областей Кавказа»¹¹.

В период господства хазар Касахия представляла собой западную, собственно кавказскую, или касскую (касожскую) область Хазарии. По мнению А.В. Гадло, Касахию отделяла от восточной Каспийско-Волжской Хазарии Алания, или страна Ирхан, которая в VIII–IX вв. занимала горы и предгорья за Сунжей к юго-востоку от Дарьяльского ущелья¹². О том же, но с учетом усиления позиции алан в середине X в., писал в свое время Д.И. Иловайский, ср.: «Судя по тому, что аланы могли заграждать сообщение Каспийско-Волжским хазарам с кавказскими, то есть с Кабардою, или Папагией и Казахией, а также затруднять сообщение с Саркелом, надо полагать, что аланы были ограничены той горной областью, в которой обитают предполагаемые их потомки, то есть нынешние осетины»¹³.

По мнению Г.А. Кокиева, восточные пределы Касахии «доходили до Эльбруса и далее на восток, до Аланских ворот»¹⁴, то есть гораздо дальше, чем это показано на карте, прилагающейся к изданию сочинения Константина Багрянородного в 1989 г. Возможно, Г.А. Кокиев имел здесь в виду ситуацию более позднего времени – XIII–XIV вв. Но, скорее всего, его позиция отражает состояние взаимопроникновения племен Алании и Касахии в ранний период XI–XII вв. При этом необходимо учитывать особый статус той части *касов/акасов/касенов, касогов*, которые оказались с самого начала (уже после падения Хазарии) в составе Алании. Иначе говоря, речь должна идти не о миграции касов в Центральное и Восточное Предкавказье, а о смене условий их длительного пребывания в данном регионе, о множественном взаимопроникновении или скрещивании языков и культур внутри Хазарии и Алании.

В 956 г. арабский географ Масуди дает относительно точные и подробные сведения о стране и народе *Кашиак*¹⁵. Так же точно, как и его предшественники, он пишет, что эта страна находится за царством кавказских аланов. Характеризуя внешний облик, быт, нравы кашаков, Масуди подчеркивает, что по своей военной мощи кашаки превосходят алан. Это очень важное замечание, позволяющее сравнить территорию, численность и военный потенциал Алании и Касахии, исходя из имеющихся данных о численности аланских войск. По свидетельству

Масуди, в случае надобности Алания была способна выставить 30 тыс. всадников¹⁶. По другим данным, отражающим ситуацию XI в., еще больше – без малого до 50 тыс.¹⁷. Это означает, что кашаки, или черкесы (без зихов) могли бы выставить еще большее число воинов. А общая численность народа могла достигать от 500 тыс. до 1 млн. Что же касается причин слабости кашаков по сравнению с аланами, то они, по словам Масуди, в том, что племена, говорящие на языке кашаков, не могут объединиться под властью одного царя. Если бы это произошло, продолжает он, то ни аланы, ни какой-либо другой народ не смог бы одержать над ними верх. Тем самым лишний раз подчеркивается, что по численности и, вероятно, по занимаемой территории кашаки не уступали аланам.

О разобщенности адыгов свидетельствуют и сведения Ибн-Рустэ. Он пишет, что аланы «состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому Д.хсас»¹⁸. Судя по всему, речь идет о черкесах – джаркасах¹⁹. По всей вероятности, к этому времени в Кавказской Алании касы, так же как до этого в Хазарии, находились в привилегированном положении. По-видимому, и столица Алании – *Магас* (адыг. *Махузгъэпс*²⁰) находилась в районе, где преобладало касское население.

В сочинениях арабских географов X и затем XIII–XIV вв. элемент *кас/каш* присутствует неизменно в составе названий городов, стран, областей и народов Северного Кавказа. Например, о городе *Касак* на Таманском полуострове упоминает анонимный автор книги «Худуд-аль-Алем», написанной в 982–983 гг.²¹. По мнению А.В. Гадло, этот город вырос еще раньше под защитой хазарского Тументархана (Тамтаракая, Тмутаракани) вследствие подъема окружавших Хазарский каганат автохтонных – адыгских – социально-политических образований²². Что же касается сообщений о том, что г. Касак находится в Алании, то это лишь характерные для данного времени обобщения, навеянные возвышением аланского царства после падения Хазарии. На самом деле прочная связь Таманского полуострова, а также юго-восточного Крыма (от Керчи до Херсонеса) с адыгским населением не прерывалась, по крайней мере, со времен проникновения в этот район киммерийцев.

Хорошо отображает ситуацию и один из промежуточных этапов формирования Касахии, или Черкесии во взаимодействии с Аланией карта-схема XI–XIII вв., составленная А.В. Гадло²³. Согласно этой карте, в обозначенный период самостоятельной областью, составлявшей ядро Аланского царства или «Аланской конфедерации»²⁴, была Кабарда. Но название *Кабарда* для междуречья Малки и Терека (Баксана и Малки) сформировалось, скорее всего, еще в хазарский период. По данным Моисея Хоренского, отражающим этническую ситуацию VI–VII вв., преобладающим населением северо-восточного Кавказа были хебуры²⁵. Безусловно, это одно из самых могущественных касских племен, получивших затем известность под названием кабаров или кабардинцев.

Известно, что кабары были одной из самых влиятельных групп туземного (адыгского, касского) населения Хазарии, правящим классом государства, политической и военной опорой его правителя – бега, затем кагана. С этим связано одно из значений термина *кабар* – древнеевр. «товарищ», основанное, быть может, на народной этимологии²⁶.

В 870 г. кабары восстали против кагана, узурпировавшего верховную власть в стране и ограничившего возможность участия кабаров в ее политической жизни. Восстание не было успешным, часть кабаров была истреблена, а уцелевшая часть разделилась на две группы. Одна группа осталась в Кабарде, то есть в Центральном Предкавказье, главным образом в междуречье Чегема и Баксана. Другая часть, непосредственно вовлеченная в конфликт, покинула Хазарию, фактически была изгнана из страны. Присоединившись к венграм, враждовавшим с хазарами,

кабары-изгнанники расселились на нижнем Дону, в соседних районах Приазовья, а также в Крыму – в стране Леведия²⁷.

При этом Кабарда в Центральном Предкавказье продолжала свое существование и сохраняла статус этноконтактной зоны, как самостоятельной и в то же время органической и жизнеспособной структуры сначала в составе Хазарского каганата, а затем, начиная с конца X в. – Аланского царства. Тем самым она обеспечивала равновесие эволюционного развития территории, последовательную смену политической системы и культурного облика народов Хазарии, Алании, Черкесии. Любые, сколько-нибудь значительные события в Кабарде неизбежно отражались на ситуации во всем северо-кавказском регионе. Так, ослабление позиций кабаров (кабардинцев) в Центральном Предкавказье, последовавшее за 870 г., способствовало позднее, уже в X в. усилению позиций алан в этом районе и падению Хазарской державы²⁸.

В предмонгольский период касы, или черкесы распространяются постепенно в Предкавказье – от Черного и Азовского морей до Каспийского. В 1822 г. на это указывал известный российский историк С. Броневский. По его словам, в конце XI в. – после падения Тмутараканского княжества – в пространстве между устьями Дона и Волги распространились черкесы и половцы²⁹. О том же еще раньше, в 1784 г., писал проф. Тунманн, ср: «...К концу одиннадцатого столетия, вследствие внутренних беспорядков, потрясающих Россию, Таманское княжество было, по-видимому, для этого государства потеряно. Северо-восточную часть Кубани взяли во владение команы, или половцы, южную и западную – цихи и другие черкасские племена, все более распространявшиеся к северу и жившие тогда уже у устьев Дона и Волги»³⁰.

Но, однако, и в этом случае не стоит сводить данные процессы к простому переселению. По мнению целого ряда авторитетных ученых, еще до прихода половцев в Прикаспие, в междуречье Терека и Сулака жили касы, касоги, или черкесы, составлявшие одно из двух «колен хазарских». Так, Ф. Брун, ссылаясь на французского востоковеда Ж.Т. Рено, писал, что представители первого хазарского колена отличались смуглостью и казались почти черными. За это они получили название *кара-джур*. Между тем представители второго колена (по мнению Ф. Бруна и Ж. Рено, адыги) «были белы, прекрасны и стройны»³¹. Такого же мнения придерживался Фр. Боденштедт, Д.И. Иловайский, Д.М. Дунлоп³² и некоторые другие ученые. В.В. Григорьев писал в этой связи, что изначально «хазары не были турецкого происхождения, ибо языком и наружностью отличались от турков»³³.

Прямо связана с этим положением поддержанная многими историками гипотеза участия касов (черкесов) в этно- и культурогенезе хазар, в образовании на этой почве самого этнонима *хазар*. Вспомним в данной связи проводимое Д.И. Иловайским разделение хазар на «пришлый, турецкий элемент и туземный хазаро-черкесский», который, по его мнению, происходит от *хазиров* Моисея Хоренского или *акациров* (акасов, касов?) греческого историка Приска³⁴. Мнение Д.И. Иловайского и его последователей насчет того, как была устроена Хазария и каким образом в течение VIII–IX вв. развивались в ней этнополитические процессы, сводится к четырем основным положениям:

- 1) внутри Хазарской державы «турко-хазары» жили главным образом около Каспийского моря и Нижней Волги,
- 2) собственно хазары, или «хазаро-черкесы» (а также некоторое время черные булгары) занимали Северо-Западный Кавказ и Юго-Восточный Крым,
- 3) между Волжско-Каспийской и Крымско-Западно-Кавказской Хазарией пролегалла зависимая также от «турко-хазар» Алания, выполняя роль связующего звена между двумя областями Хазарии,

4) восстания и выселение из Центрального Кавказа «части кабар» (кабардинцев) постепенно «подрывали крепость Хазарской державы» и усиливали позиции алан, что в конечном итоге стало одной из внутренних причин распада Хазарии и становления независимой Алании и Касахии (Черкесии).

Остается сказать, что в основе концепции двойственной природы хазар лежат сообщения, взятые из сочинения «Книга путей царств», написанного Ибн-Хаукалем в середине X в. В этом труде сказано, в частности, что язык живущих в Прикаспии так называемых чистых хазар «не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов»³⁵. Отмечается также, что один из двух классов этого народа, называемый *карахазары*, отличается смуглостью, а другой класс – «белый... видный по красоте и совершенству»³⁶.

Не исключено, что и в самом деле ядро «второго, туземного класса» хазарского населения составляли хебуры, или кабары (то есть кабардинцы) и другие, тесно связанные с ними касские (черкесские) племена. В основе своей это потомки многих десятков меотских племен, которые упоминаются в трудах античных писателей³⁷. По данным грузинских хроник и по свидетельству хазарского царя Иосифа, которое приводилось выше, в начале X в. все эти племена получают известность под общим названием *каскуны*, *касы*. Отсюда известные по раннесредневековым источникам хоронимы – *Страна Каса*, *Касахия*, *Касаг*, *Касек*, *Акасара*. Вслед за этим, уже в XI–XII вв. на смену этнонимам *каскуны/касы*, *акасы*, *касаги* приходит этноним *чаркас/черкес* – от перс. «четыре [племени] каса».

К числу собственно касских (касожских, черкесских) следует отнести, кроме кабардинцев, еще три племени, занимавшие земли западней кабардинцев вплоть до Черного моря. Рядом с кабардинцами располагались темиргойцы – *кIэмгуий*, получившие свое название от киммерийцев (протомеотов), объединившихся с меотами. Далее следовали хатукайцы – *хъэтыкъуей*, букв. «принадлежащие сыновьям (потомкам) хаттов». Еще дальше, на Тамани, в окрестностях Анапы, а также, видимо, на юго-востоке Крымского полуострова, жили хегаки – *хэгакIэ*, название которых означает: «жители конечных, нижних земель» или «жители окраины». Хегаки были и длительное время (вплоть до XVII в.) оставались одним из самых авторитетных, знатных и многочисленных касских племен³⁸. Под названием *хегайк* они представлены в Армянской географии, в списке народов Сарматии. Под тем же самым названием – *хегайк* – остатки этого племени фигурируют в списке западно-адыгских племен середины XIX в.³⁹

Таким образом, в раннем Средневековье касы Северного Кавказа состояли из четырех племен: кабардинцев (хебуров, кабаров), темиргойцев, хатукайцев и хегаков, что лишний раз подтверждает версию персидского названия адыгов: «чахар-Кас» – «четыре [клана] Кас»⁴⁰. Под воздействием персидского названия адыгов Северного Кавказа этноним *кас* приобретает постепенно форму *чаркас*, *чаргаз*, *джаркас*, *джаркис*, *черкес*.

При этом вариант *черкес* сформировался на тюркской почве. А вариант *чаркас/джаркас* был принят и распространен с самого начала среди некоторых народов Востока и у итальянцев. Известно, что с такой огласовкой вошло название адыгов в персидский язык. Иногда этот вариант встречается и в армянских письменных источниках. Так, в одной из армянских памятных записей 1412 г. в числе народов, «состоящих в роду Христианском», упоминаются *чаргазы* наряду с *руссами*, *аланами*, *хыпчаками*, *асами* и др.⁴¹. У грузин точно такое же обозначение черкесов сохранилось в этническом имени (фамилии) *Чаргазия*⁴². У европейцев-фарангов, прежде всего у итальянцев (генуэзцев, венецианцев), модифицированное название адыгов прижилось в форме *джаркас* (*jarkass*). В генуэзских (из Перры и Кафы) нотариальных актах купли-продажи рабов-кавказцев, относящихся к концу XIII в.⁴³, данный этноним используется неоднократно в сочетании с аналогичными

этническими именами. Например, в актах 18 и 20 (CCLIX, CCLXV), написанных, как и все другие документы, на *lingua franca*, найдены следующие записи:

18. Руффино де Рубаско продает Боннино де Гверчио де Вальдеттаро раба 14 лет, Джарказа по имени Джарказ (*Jarсахium nominatum Jarсахiус*), белого, за 750 аспров барикатов. Свидетели: нотариус Андриоло де Бартоломео и Лукко, секретарь суда коммуны Кафы.

20. Кафа, 20 июля 1289 г. Мясник Гильельмус (Гильельмо) продает нотариусу Бернабо де Порте раба 12 лет, светловолосого, джарказа, по прозвищу Джарказ, белого, за 300 аспров барикатов. Свидетели: нотариус Андреоло де Бартоломео и Гильельмо де Финарио.

Встречаются наряду с этим этнические имена *Джаркас* для рабов, *Джарказия* для рабынь в сочетании с соответствующим названием области – *Джарказа*, *Черкесия*, из которой вывезены эти рабы: «раб из области Джарказа по прозвищу Джаркас 12 лет», «рабыня 12 лет Джарказия из области Джарказа» и т.д.⁴⁴

В XIII–XV вв. этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, земли или страны северокавказских адыгов все еще встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабо-персидских писателей, но теперь, как правило, попеременно или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак*, *джаркис*, *чаргаз*, *черкес*. К примеру, итальянец Плано Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 гг. в числе множества земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы* и *Чиркасы* в одном ряду с *Комуки*, *Аланы*, *Обезы*, *Команы* и др.⁴⁵

Во второй половине XIII в. Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*⁴⁶. По его словам, жители этой страны – акасы – совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Далее следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Дарьяльском ущелье. Таким образом, есть все основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, *кассы/акасы* (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»⁴⁷.

Но не следует воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае – на врагов, занявших Аланские ворота. Можно вспомнить в этой связи и сообщения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII в. Он пишет о *сергах*, *акасах* или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами⁴⁸. Под названиями *акасов* или *сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – *черси*) Пахимер объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение касов, касконов, (кабардинцев) в Алании усилилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* мог восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Видимо, уже во второй половине XIII в. некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов) как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каски* или *Ас-Касия* (*Аикусийа*). На этой почве возникает составной этноним *аскаска* или *акасы*. Отсюда также производные от этих имен оронимы *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийа* (ал-Хоризми, Ибн-Саид, Абульфед). На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно *асы* (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города Матриха (Матрега,

Темрюк. – Б.Б.) и впадает там между ним и городом Русийа (Керчь. – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом Исил в море ал-Хазар (Каспийское море. – Б.Б.)»⁴⁹.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскасия* охватывает цепь кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно реки, о которых идет речь (Кубань и Терек), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус, и живут два близких по культуре народа – асы и касы. Там, где берут начало все основные, великие реки Кавказа и Закавказья. Недаром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать той или иной важной детали поистине эпический размах, дает свое собственное – следующее определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «*Кавказская, Касская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор Главного хребта*» (курсив мой. – Б.Б.)⁵⁰. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) центральную или материковую – на верховьях Терека и Арагвы, со включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами – на севере Аргуна, на юге Андийского Койсу⁵¹.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII в. достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность вблизи, где-то справа от Дарьяльского ущелья, и, насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья, что, конечно, не случайно, так же как и то, что в современной Осетии осетины называют это ущелье *Къасара*, почти дословно повторяя одно из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Спустя несколько десятилетий после Пахимера и Ибн-Саида другой средневековый писатель – Абульфед (1321), выделяет справа от страны ал-Булгар (Вожская Булгария) государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия. – Б.Б.) и ал-Лан⁵². Сообщается также о стране *ал-Джаркис*. Абульфед ставит ее в один ряд со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – пишет он, – многочисленные страны, великие и очень обширные»⁵³.

Выстраивается таким образом целый ряд однотипных названий одной и той же северокавказской страны – *Каскун/ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас*.

Эти и некоторые другие упомянутые названия являются отражением специфики и различных этапов этнического развития адыгского народа. Например, страна *ал-Анджаз* в нашем понимании – это Жаннетия, населенная зихским племенем *жанэ* (санигами древних античных писателей). Под названием *Sania* княжество Жаннетия отмечено впервые в 1311 и в 1318 г. на морском атласе Пьетро Висконте в районе Туапсе и Джубги. Сания, или Жаннетия расположена на этой карте между Черной Зихией (Maugo Zega), покоренной монголами, и Белой Зихией (Alba Zega), сохранившей независимость⁵⁴.

На картах последующего времени в том же районе наряду с названием *Sannia/Sanna* фигурирует название *Sanna Zichia* (Бенанказа, 1480)⁵⁵. Это свидетельствует лишний раз о том, что жанеевцы были изначально южнокавказским, зихским племенем, входившим в состав страны под названием *Зихия*⁵⁶. По сведениям Эвлия Челеби в 60-х гг. XVII столетия Большая Жаннетия располагалась еще за Кавказским хребтом, то есть в Зихии. А Малая Жаннетия находится уже на Северном Кавказе – в низовьях рек Абин, Хабль, Иль и Абурган⁵⁷, а также на правом берегу Кубани, в прибрежных районах Азовского моря. При этом несмотря на то, что Жаннетия в Зихии все еще называется Большой, Малая Жаннетия, по словам Эвлия Челеби, «более заселена», чем Большая⁵⁸.

Все это нужно понимать таким образом, что *зихи* (*зеги, азги, азеги*), включая сюда и жанеевцев, изначально представляли южную, закавказскую ветвь адыгского народа. В период Золотой Орды Зихия воспринималась как страна, разделенная на две области. Первая, северо-западная область, включала в себя Черную Зихию, входящую в состав Золотой Орды, вторая, юго-восточная область, называлась Белой Зихией, так как она не была завоевана татаро-монголами и в состав Золотой Орды не входила.

В отличие от этого страна (государство), которую Ибн-Саид и Абу-л-Фида называют *ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*, располагалась на Северном Кавказе и была населена другой ветвью адыгского народа – касами, кашаками, черкесами. Страна ал-Акасара, как следует из сочинения Ибн-Саида, простиралась от Таманского полуострова (восточного побережья Черного и Азовского морей) на юго-восток как минимум до крепости ал-Алан в Дарьяльском ущелье⁵⁹. При этом в Восточном Причерноморье, в пространстве между Таманью, Цемесской бухтой и Геленджиком, располагалось касско-зихское пограничье.

Но Абульфеда, закончивший свое сочинение в 1321 г., наряду с хоронимом *ал-Касак* и, по всей вероятности, в том же значении использует название *ал-Джаркис*. Видимо, уже в этот период под золотоордынским влиянием складывалось постепенно представление о Черкесии как о единой стране, объединяющей Зихию и Касу (Касогию), зихов и касов, то есть касогов, или черкесов.

После татаро-монгольского нашествия и погромов Тимура резко возрастает самосознание адыгских обществ, ускоряются объединительные процессы. Термин *адыгэ/адыхэ*, который сначала применялся зихами по отношению к своим северокавказским соплеменникам, постепенно, под влиянием прежде всего их массового переселения на северный склон Кавказского хребта, становится общим самоназванием как для зихов, так и для касов. А термин «черкесы», который возник как обозначение северокавказских адыгов – касов, распространяется ускоренными темпами также и на зихов.

Этот процесс своего рода этнонимического обмена и семантического преобразования начался, видимо, в конце XV в., о чем свидетельствуют сведения Дж. Интериано: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (*lingua franca*, – Б.Б.), греческом и латинском – татарами же и турками, именуемые черкесы, сами себя называют – «адига»⁶⁰. В XVI–XVII вв. использование терминов *зихи* и *Зихия*, а также хронологически и географически связанных с ними терминов *аланы* и *Алания*, *авазги* и *Авазгия* становится анахронизмом, отживающим свой век западноевропейской традицией. Этой традиции следует еще А. Ламберти, который в опубликованном в 1654 г. труде о путешествии в Мингрелию пишет, что соседями Мингрелии являются Абхазия, Сванетия, а также Алания (*Alani*), Зихия (*Gichi*) и Черкесия (*Circassi*)⁶¹.

Что же касается этнического термина *кас*, то к числу последних его упоминаний можно отнести относящееся к началу XV в. сообщение Ибн Тагриберди о происхождении мамлюкского султана Баркука ал-Черкаси, правившего Египтом с 1382-го по 1399 г.: «Он – выходец из страны черкесов и его род называется каса. Он был похищен со своей родины и продан в Крыму»⁶². Тем самым подчеркивается, что Баркук родом из северной части «страны черкесов», которая тогда, в начале XV в. еще была известна под названием *Каса*.

Все это в соединении с множеством других аналогичных данных почти неопровержимо свидетельствует о том, что культурно-языковое родство абхазов и адыгов с хаттами и касками преломляется через их близость и тесные контакты с древними касситами и их потомками. Отсюда следы корневой морфемы *кас/каи* в древних и средневековых обозначениях адыгских племен и народов, в дошедшем до наших дней этнониме *черкес*, а также в гидронимах, оронимах, в других именах и названиях, распространенных в большом количестве в Крыму и на Северном Кавказе.

Примечания
(Endnotes)

1. *Бгажноков Б.Х.* Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели // Вестник КБИГИ. 2014. № 1 (21); *Он же.* Этноним *кас* в топонимике Евразии // Вестник КБИГИ. 2014. № 2 (21).
2. *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая культура адыгов // Материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. Ч. I. С. 8.
3. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
4. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.
5. *Василевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 226, 275.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.
7. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
8. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101.
9. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 175.
10. *Люлье Л.И.* Черкесия (историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927. С. 10; *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 8.
11. *Klaproth J.* Reise in dem Kaukasus nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. II. Halle und Berlin, 1812. S. 557.
12. *Гадло А.В.* Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984; *Он же.* Известия о хазарах и Хазарии в позднесредневековой дагестанской хронике «Дербент наме» // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998.
13. *Иловайский Д.И.* Болгаре и Русь на Азовском Поморье // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1975. № 1–2. С. 78.
14. *Кокиев Г.А.* Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 14.
15. Масуди о Кавказе // В кн.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 206, 207; См. также: *Масуди.* Из книги «Луга золотые и рудники драгоценных камней». Глава 13 // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 54, 55.
16. Там же.
17. Согласно грузинским источникам, аланский (овсский) царь Дургулель прибыл на помощь грузинскому царю Баграту с 48-тысячным ополчением; *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 33.
18. *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 221.
19. По мнению В.Ф. Минорского, название *черкес/джаркас* «состоит из *чахар-Кас* – четыре [клана] Кас» (Указ. соч. С. 206). В.М. Аталиков выдвигает другую, на наш взгляд, менее убедительную версию, согласно которой *джаркас* восходит к тюркскому *жарказ*: *жар* – земля, *каз/кас* – копать, резать, пахать (*Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 27).
20. *Маржохов Х.И.* Город Магас – столица Алании // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II.
21. *Худуд-ал-алем.* Рукопись А. Туманского. Л., 1930. С. 31.
22. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 21, 25.
23. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 202.
24. Термин «Аланская конфедерация» А.В. Гадло употребляет наряду с терминами «Аланское царство», «Алания». См., напр.: *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 48.
25. *Габриэлян Р.А.* Армянские источники об аланах. М., 1985. С. 47.
26. В российской историографической традиции кабаров идентифицируют обычно с касогами древнерусских летописей, а также с современными кабардинцами и Кабардой.

Поэтому кабардинцем принято считать касожского князя Редедю, с которым в 1022 г. за обладание Тматороканским княжеством вступил в единоборство внук Святослава Мстислав Владимирович. О том, что кабары Приазовья – это те же касоги (черкесы), восставшие против кагана и затем выселившиеся или изгнанные из Центральной Хазарии, писал Ф. Брун, ссылаясь в данной связи на то, что боярин Хабар Симский, как сказано у Н.М. Карамзина, вел свой род от Редеди, князя касогов. – *Брун Ф.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Одесса, 1879. Ч. I. С. 113; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т. VIII. Прим. 224. С. 36.

27. *Gyorffy Gy.* Landnahme, Ansiedlung und Streifzüge der Ungarn // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae* 1985. S. 31; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // *Материалы по истории и этнографии Таврии.* Симферополь, 1997. Вып. VI.

28. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 118.

29. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 49.

30. *Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1994. С. 61.

31. *Брун Ф.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // *Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России.* Одесса, 1880. Ч. II. С. 119.

32. *Bodenstedt Fr.* Volker des Kaukasus. Frankfurt-am-Main. 1848. S. 238; *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 56. 70, 75, 80; *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243.

33. *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // *Россия и Азия.* СПб., 1876. С. 74.

34. *Иловайский Д.И.* Указ.соч. С. 56.

35. *Ибн Хаукаль.* Книга путей царств // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 113.

36. Там же.

37. Примерный список этих племен см. в книге: *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 105.

38. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 63–64.

39. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1974. С. 196–197; *Люлье Л.Я.* Черкесия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 5–6.

40. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 206.

41. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь, 2008. С. 201.

42. *Табидзе М.Ш.* Лексические варианты этнонима «черкес» в грузинском языке // *Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Материалы VI международной научной конференции.* Майкоп, 2008. С. 269.

43. *Bratiani (G.I).* Actes des notaries genois de Perra et Caffa de la fin du treizieme siècle (1281–1290). Bucarest, 1927.

44. Переводы актов купли-продажи см. в статье: *Аталиков В.М.* К истории рабства на Северном Кавказе // *Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии.* Нальчик, 1987. С. 182–183.

45. *Карпини П.* История монголов // *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука.* М., 1957. С. 57.

46. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.

47. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 46.

48. *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // *Осетины глазами русских и иностранных путешественников.* Орджоникидзе, 1967. С. 112.

49. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.

50. *Marr H.Y.* Племенной состав населения Кавказа. Пгд., 1920. С. 16.

51. Там же. С. 16–17.

52. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 119.

53. Там же. С. 84.

54. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в.
55. Там же. С. 300.
56. Однако, расширив границы своей территории до Цемеза, одна из жанеевских групп перевалила через хребет и заняла земли по р. Адагум. Здесь уже в середине XVI в. она стала одной из самых сильных адыгских княжеств, соперничавших с Кабардой. См. об этом: *Люлье Л.Я.* Черкесия: Историко-этнографические статьи. Киев, 1991. С. 13–14.
57. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия... С. 63–64.
58. Там же. С. 63.
59. Указ. соч. С. 173.
60. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 46.
61. *Lamberti A.* Relatione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.
62. *Буниятов З.М.* К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1985. Т. XLI. № 12. С. 79.

ПОСЕЛЕНИЕ У ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО МОСТА В г. КИСЛОВОДСКЕ

Памятник был обнаружен кисловодскими краеведами под руководством Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича в 1960-х гг. В 1968 г. оно было обследовано В.Б. Виноградовым (Чечено-Ингушский НИИИЯЛЭ), который вскрыл на поселении 24 кв.м площади. Тогда же первая информация о поселении была опубликована¹, памятник был осторожно датирован «рубежом – началом новой эры». В 2004 г. опубликованная информация была повторена в своде памятников археологии кисловодской котловины², при этом без дополнительного обоснования указана датировка I–III вв. н.э. Есть также расхождения с первоначальной публикацией по истории исследования: указано, что шурф 1968 г. принадлежал Н.Н. Михайлову, а В.Б. Виноградов в 1969 г. ограничился осмотром поселения и сборами подъемного материала.

В 2010 г. мне по роду службы пришлось ознакомиться с состоянием памятника в данное время и констатировать, что он практически уничтожен. Через его территорию прошла автомобильная дорога – въезд в г. Кисловодск и прилегающая часть нового автомобильного моста через р. Подкумок. Отстоящая от речного края территория занята многоэтажным домом, постом ГИБДД и окружающими их площадками для парковки автомобилей. Фактически от 80 000 кв.м, указанных в публикации В.Б. Виноградова и А.П. Рунича, сохранилась только узкая полоска, непосредственно примыкающая к речному обрыву, которая постепенно разрушается вследствие размыва.

Грозненский сборник с публикацией 1969 г. давно уже сам стал большой редкостью, а приведенные в ней рисунки керамики из поселения по техническим причинам были сильно уменьшены, низкого полиграфического качества и поэтому очень малоинформативны. В свое время В.Б. Виноградовым мне были переданы зарисовки находок с территории поселения, сделанные им и Н.Н. Михайловым. Опираясь на них и небольшую коллекцию, хранящуюся в Кисловодском музее «Крепость»³, я решил попытаться определить место поселения у железнодорожного моста г. Кисловодска в панораме памятников сарматского времени Центрального Предкавказья, учитывая последние разработки по этому вопросу. Из числа находок, хранящихся в музее «Крепость», только фрагмент птероморфного сосуда (рис. 2;5) имеет инвентарный номер № 2528 основного фонда. Остальные предметы на момент моей работы в фондах музея таких номеров не имели. Должен также отметить, что фрагмент керамического сосуда, названный авторами публикации 1969 г. «культовым сосудом» (курильница?)⁴, в музейной коллекции отсутствует, как и целый кувшин с коленчатой ручкой.

Различными источниками информации объясняется и различное качество рисунков. Сосуды из музея зарисованы с возможно лучшим качеством, в случае с рисунками из архивов пришлось довольствоваться тем, что имелось.

При работе с поселенческим материалом возникают проблемы с поиском аналогий. Сарматская эпоха Центрального Предкавказья, что хорошо видно по обобщающей монографии М.П. Абрамовой⁵, представлена, в основном, погребальными памятниками. Сколько-нибудь значительным раскопкам подвергались только Зилгинское городище в Северной Осетии (раскопки Аржанцевой И.А.), Новопавловское городище 1 (Березин Я.Б.), поселение «Энергетик» и поселение «Георгиевская станица 2» (Чухаркин А.Л.) в Ставропольском крае. Опубликована только

малая часть материала из этих памятников; первые три связаны с раннеаланской культурой и датируются концом сарматской эпохи – началом раннего Средневековья, третий относится к более раннему времени, II–I векам до н.э.⁶ Подготовлены к публикации исследования Татарского 1-го городища на окраине г. Ставрополя, (В.Н. Каминский, В.Ю. Малашев), значительная часть культурного слоя которого связана с сарматским временем⁷.

Керамика поселения у железнодорожного моста г. Кисловодска изготовлена по одной технологии: на медленном гончарном круге (об исключениях ниже), в тесте значительная примесь песка, поверхность заглажена или залощена, черного, серого, реже – коричневого цвета. По этим параметрам она относится к группе керамики из районов, прилегающих с востока к Ставропольской возвышенности (бассейн р. Кумы), или из районов предгорной полосы Центрального Кавказа, выделенной В.Ю. Малашевым для Татарского городища⁸. Это вполне естественно, учитывая место расположения памятника.

К числу немногих целых форм керамических сосудов, обнаруженных на поселении, относится кувшин с коленчатой ручкой, орнаментированный по корпусу вертикальными пролощенными «полотенцами», а по горловине – горизонтальными и волнистой вдавленными линиями (рис. 3;3). К сожалению, найти сам кувшин я не смог. Данный кувшин характерен для выделенной М.П. Абрамовой группы кувшинов I – начала II вв. н.э. по форме и орнаменту, за исключение «полотенец», более свойственных предыдущему хронологическому периоду⁹. Вероятнее всего, также кувшину принадлежит крупный фрагмент серолощенного сосуда, покрытый геометрическим пролощенным орнаментом (рис. 3;2). Рисунок этого фрагмента взят из бумаг В.Б. Виноградова, где его сопровождает пометка «и еще много аналогичных фрагментов». Орнамент на сосуде совершенно идентичен орнаменту на кувшинообразном сосуде из Кабангорского склепа¹⁰. Склеп датирован рубежом н.э.

К числу так называемых «корчагообразных» сосудов, вероятно, нужно отнести крупные фрагменты (рис. 1;1 и рис. 1;4). По поводу последнего необходимо отметить, что его поверхность серая, шероховатая. Сосуд крупный, скорее всего, тарный. К бытовой керамике относится также фрагмент горшка с отогнутым венчиком и насечками по краю последнего (рис. 1;5). Подобные сосуды как подъемный материал обычны на поселениях сарматского времени, регулярно встречаются они и при раскопках¹¹.

Значительную часть собранной на поселении керамики составляют фрагменты мисок (рис. 4;1,2,4–7). Как правило, они серого или, чаще, черного цвета и тщательно залощены. Они четко подразделяются на две основных разновидности: сосуды с загнутым внутрь краем (рис. 4;5) и миски с горизонтальной или скошенной внутрь площадкой по краю венчика (рис. 4;1,2,4,6,7). Последние зачастую украшены пролощенной «змейкой» или группами коротких поперечных полосок. В целом эта группа керамики имеет многочисленные аналогии в предкавказской керамике III–I вв. до н.э.¹², однако она продолжает существовать и в последующем хронологическом периоде, теряя орнамент¹³. Несколько необычной выглядит миска, имеющая выступ с внешней стороны венчика и горизонтальную площадку, украшенную волнистой линией (рис. 4;1). Такое оформление венчика сосуда на материалах из других памятников мне неизвестно. Вместе с тем эти фрагменты были осмотрены мной в фондах музея и выглядят они именно так.

Чаша с усеченно-коническим, расширяющимся вверх туловом (рис. 4;3), аналогична такой же чаше, найденной в Ханкальском могильнике, погр. 68¹⁴. М.П. Абрамова склонна считать такие чаши ритуальными¹⁵. Судя по ханкальской находке, чаша из поселения у железнодорожного моста г. Кисловодска должна датироваться «двумя последними веками до н.э. – началом н.э.»¹⁶. Ритуальный сосудик (рис. 4;1) сохранился полностью, на его дне имеется пометка Н.Н. Михайлова, сделанная тушью «ж/д мост, 1964». Сосуд лепной, с толстыми стенками и дном,

поверхность серого цвета, шероховатая. В верхней части тулова проведена широкая вдавленная круговая полоса. Судя по находкам в могильных комплексах, такие сосудики бытовали в течение довольно ограниченного времени: в I – начале II в. н.э.¹⁷. Единственный металлический предмет в коллекции – небольшой бронзовый браслет (рис. 3;4). Он сделан из круглой в сечении проволоки, концы не сомкнуты, один конец расплюснен. Подобные простейшие по конструкции украшения бытовали в Предкавказье на протяжении всей эпохи раннего железа, да и в более ранние и более поздние периоды.

Самой яркой находкой с поселения, безусловно, является фрагмент птероморфного керамического сосуда (рис. 2;5). На фрагменте имеется пометка Н.Н. Михайлова. выполненная тушью «жд мост, 4/XII 64», вероятно, день находки. Сохранилась только задняя, хвостовая часть предмета. Он вылеплен от руки, стенки довольно толстые от 0,6 см до 1 см. В тесте значительная примесь мелкого песка. Судя по сохранившемуся внутри сосуда незаглаженному шву, предмет собирался из отдельных фрагментов. Внутренняя поверхность шероховатая, неровная, заглажена небрежно. Внешняя, напротив, отделана тщательно. Она серая и темно-серая, очень аккуратно залощена. Пролощенными полосками моделировано оперение птицы, трапециевидным выступом – хвост. Судя по технологическим признакам, сосуд был изготовлен в Предкавказье. Однако его форма полностью чужда местным традициям, вероятно, образцом для мастера послужила импортная вещь.

Традиция изготовления сосудов в виде животных и птиц существовала в культуре Кавказской Албании¹⁸. Два сосуда в форме утки были найдены в Мингечауре и в Хыныслы¹⁹. Они датируются в пределах IV–III вв. до н.э. Еще два более поздних сосуда из Мингечаура, датирующихся около рубежа эр²⁰, схематично передают образ птицы, какой именно – неясно. На месте головы животного у этих сосудов была устроена горловина.

Наша находка позволяет вновь говорить о влиянии на культуру северокавказских племен сарматского времени закавказских традиций, причем не только для Восточного, но и для Центрального Предкавказья. Об этом еще в 1979 г. говорила М.П. Абрамова²¹. Впрочем, практика изготовления сосудов в виде животных и птиц существовала и в античной и эллинистической культуре. На нынешнем уровне вопрос об происхождении птеро- и зооморфных сосудов с территории Центрального Предкавказья, наверное, не может быть решен, только поставлен.

Точную датировку памятника на основании подъемного материала, как чаще всего и бывает, дать невозможно. Она, безусловно, ограничивается рамками сарматского времени; приведенные аналогии позволяют сузить ее до I–II вв. н.э., возможно, с заходом в предыдущее столетие. Никаких оснований для отнесения поселения к более позднему времени я не вижу. Поселение занимает свое место в ряду бытовых памятников сарматского времени Предкавказья, которых постепенно становится все больше. Культурно и хронологически оно находится между поселением Георгиевская станица 2, твердо датируемым II–I вв. н.э. и группой поселений и укреплений ранней аланской культуры (Зилгинское, Новопавловское, «Энергетик»), нижняя дата которых начинается от III в. н.э. Материалы этих памятников демонстрируют вызревание основных компонентов материальной культуры северокавказских алан в среде автохтонных племен, плотно заселявших северные предгорья Кавказа и прилегающие плоскости, начиная со скифского времени. Роль различных сарматских племен в этом процессе важна и безусловна, однако говорить о принесении в Предкавказье аланской культуры в сформировавшемся виде (кого бы ни «назначали» ее носителем) не стоит.

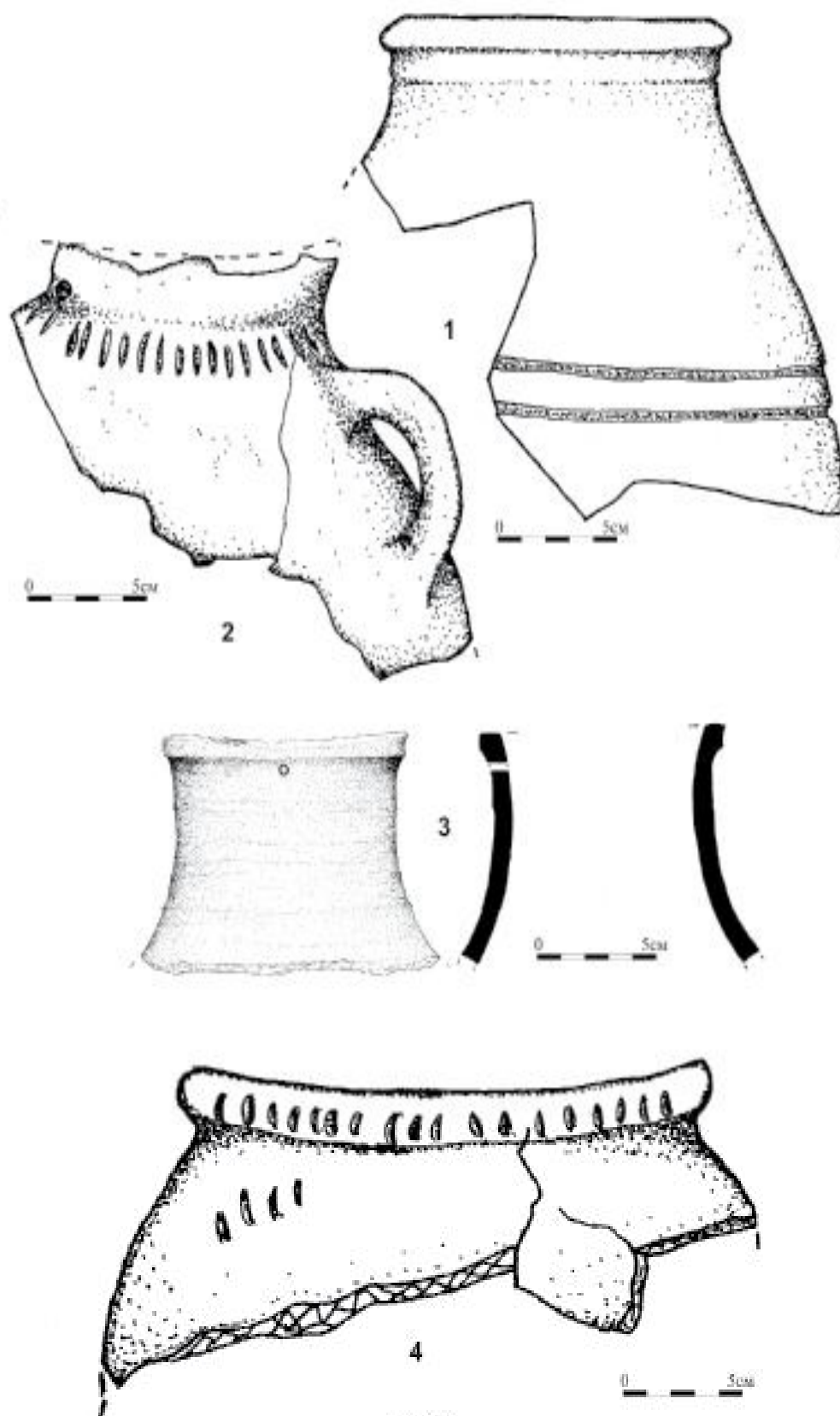

Рис. 1.

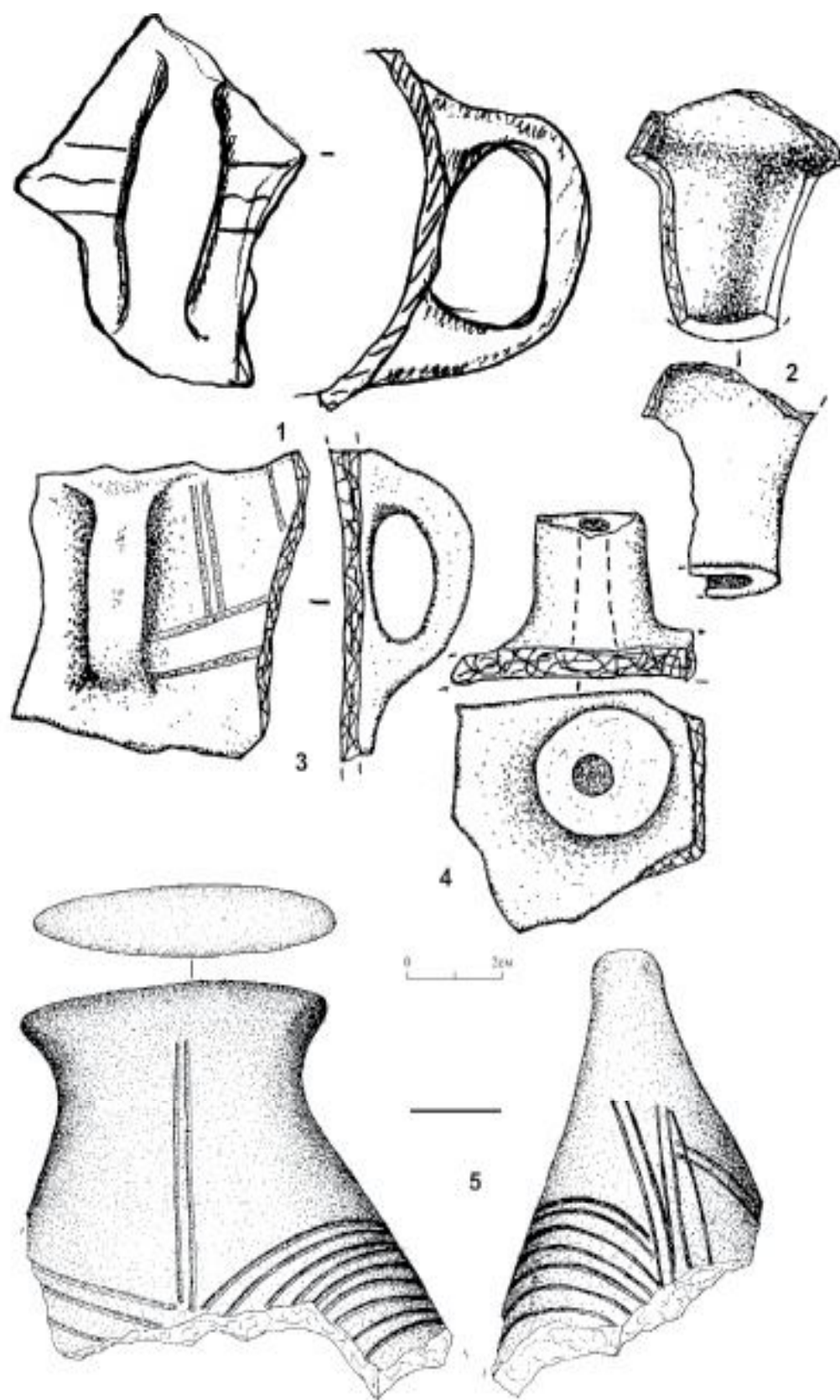

Рис. 2.

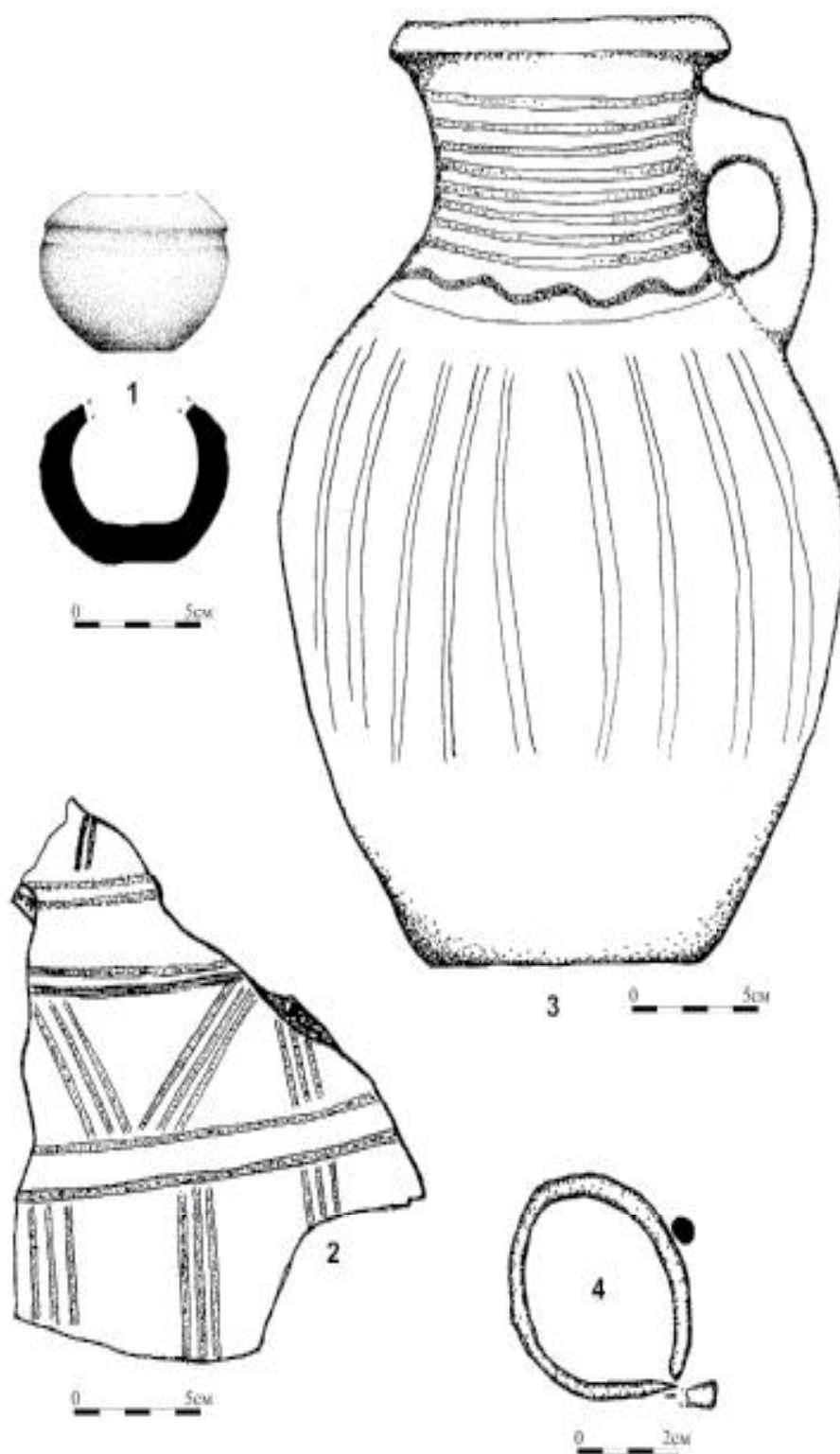

Рис. 3.

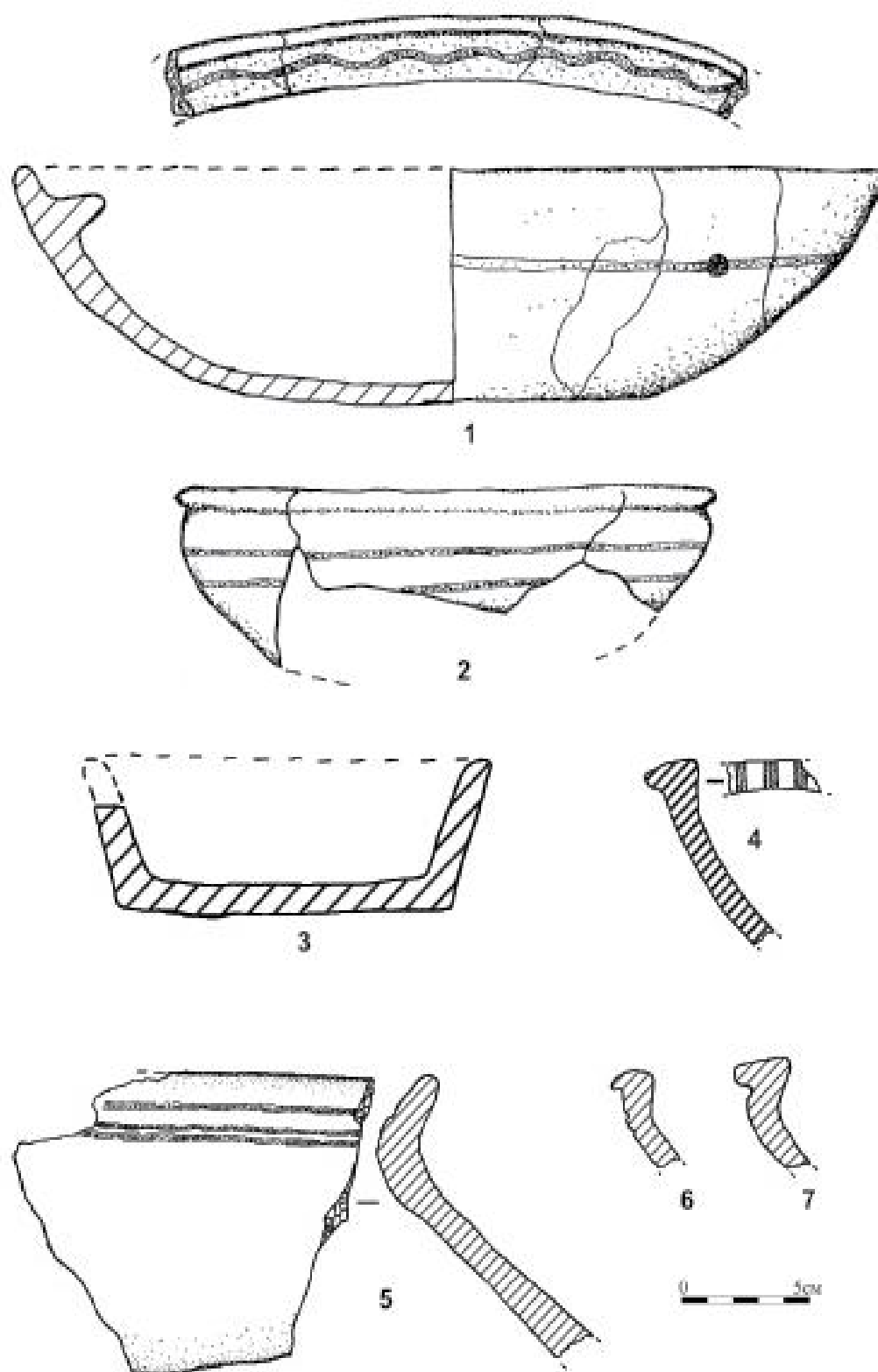

Рис. 4.

Примечания
(Endnotes)

1. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Т. III. С. 117–118. Рис. 16: 99–103.
2. *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М., 2004. С. 117.
3. Материалы публикуются с разрешения В.Б. Виноградова. Большое спасибо Е.И. Зайцевой (Кисловодский музей «Крепость») за помощь в работе над коллекцией.
4. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные ... С. 118. Рис. 16:102.
5. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
6. *Аржанцева И.А., Деопик Д.В.* Зилги – городище начала I тыс. н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989. С. 76–197; *Березин Я.Б., Колесниченко К.Б.* Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станица – 2» // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–М., 2009. Вып. 9; *Березин Я.Б., Швырева А.К.* Фауна поселения «Энергетик» II–IV вв. н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2007. Вып. VIII. С. 208–218.
7. *Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю.* Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012.
8. *Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю.* Татарское городище ... С. 55–57.
9. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье ... Рис. 8; Рис. 49.
10. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные ... С. 136. Рис. 26; 94.
11. *Чухаркин А.Л.* Отчет об археологических раскопках на укреплении «Энергетик» на территории города Железноводска Ставропольского края в 2003 г. Архив ИА РАН, 2004. Рис. 99; 3, Рис. 178; 1, Рис. 239; 3, Рис. 333; 1.
12. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье ... Рис. 14; Рис. 15.
13. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье ... Рис. 55.
14. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа, Краснодар. 1984. С. 26. Рис. 3; 61.
15. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье ... С. 59.
16. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени ... С. 31.
17. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье ... Рис. 56; 33–37.
18. Сердечно благодарен за консультацию уважаемому коллеге, д-ру ист. наук М.Г. Гаджиеву.
19. *Рзаев Н.И.* Искусство Кавказской Албании. Баку, 1976. С. 13. Рис. 1; *Голубкина Т.И.* О зооморфной керамике из Мигенчаура // Материальная культура Азербайджана. Баку, 1951. Т. II. Рис. 10.
20. *Голубкина Т.И.* О зооморфной керамике ... Рис. 11; *Рзаев Н.И.* Искусство ... С. 14. Рис. 40, 41.
21. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // Советская археология. М., 1979. № 2. С. 41–42.

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О КАСОГАХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ И СТЕПЕНЬ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ

Известно, что во времена Средневековья в византийских источниках для обозначения адыгов использовалось этническое название *зихи*, происхождение которого представляет отдельную проблему. Но в X в. по отношению к населению, обитавшему на территориях адыгов, многие авторы, включая византийцев, стали использовать новый этноним *касог* (*косог*)¹.

Особый интерес представляют первые упоминания касогов в «Повести временных лет». Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия – *касоги* или *косоги*, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

Обратим особое внимание на сообщение древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков «Повести временных лет» нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: «В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и соступишоса обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги»². Анализ упомянутых фрагментов позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела – Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар – аланов-ясов и касогов. Таким образом, получается, что ясы и касоги должны были находиться недалеко от Белой Вежи. Но это известие вызывает недоумение у многих исследователей, ибо считалось, что ясы-аланы традиционно проживали в Центральном Предкавказье, а касоги – на Северо-Западном Кавказе. Поэтому исследователи стали отдавать предпочтение информации Лаврентьевской летописи.

В Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения с содержанием других летописей: «Иде Стослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша противу съ князем своим Каганом и сътупиша бити. и бивши брани. Одоле Стослав Козаромъ и град ихъ и Белу Вежю взя [и] Ясы победи и Косоги»³.

Исследователи уже давно связывали с подготовкой к этому походу следующее сообщение древнерусской летописи, относящееся к 964 г., где описан поход Святослава на земли вятичей, находившиеся между Окой и Волгой. В Лаврентьевской летописи об этом сказано: «... и иде на Оку реку и на Волгу. и налезе В'тичи. и реч Вятичем. кому дань даете. они же реша Козаром по шелягу. и от ра даем»⁴. Аналогичная информация содержится, например, и в Радзивилловской летописи: «...и иде на реку Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: «кому даете дань?» Они ж(е) реша: «Козаром по шелягу и от раи даем»»⁵.

Некоторые исследователи полагали, что отмеченные древнерусскими летописями события 964–965 гг. нашли отражение в следующем сообщении Ибн Хаукаля. Арабоязычный автор сообщает: «И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям божьим из хазар, болгар и буртасов, и овладели ими». Далее Ибн Хаукаль добавляет: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар». По словам Ибн Хаукаля, русы после этого отправились «в Рум и Андалус»⁶. Как известно,

после похода 965 г. Святослав не совершал поход в Испанию («Андалус»). Кроме того, в информации Ибн Хаукаля не содержится какое-либо указание о касогах, впрочем, как и о ясах-аланах.

Несмотря на это, информация Лаврентьевской летописи о событиях 965 г. и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарскую столицу, позволили В.А. Кузнецову⁷, В.В. Бартольд⁸, М.И. Артамонову⁹, А.Н. Сахарову¹⁰ и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошел на Среднюю Волгу, в страну булгар и буртасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришел в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М.И. Артамонов, В.А. Кузнецов, А.Н. Сахаров и некоторые другие исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье¹¹.

Однако такое предположение не соотносится с этнополитической ситуацией на Северном Кавказе в то время, ибо известно, что северокавказские аланы не могли быть союзниками хазар. Это подтверждают фрагменты из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанного за двадцать лет до отмеченного древнерусскими летописями события. Византийский автор, например, сообщает в 11-й главе: «Эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев...»¹². А в 10-й главе своего сочинения Константин сообщает о возможностях нападения северокавказских аланов на владения хазар: «...девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам»¹³. Кажется, что в данном случае не может вызывать возражений мнение Ю. Кулаковского, согласно которому в первой половине X в. прикавказские аланы могли полностью избавиться от зависимости от хазар¹⁴. Остается только спросить, если к середине X в. прикавказские аланы-ясы были не союзниками, а врагами хазар, то тогда чем могло диктоваться стремление Святослава совершить поход в их земли в 965 г.?

В связи с этим следует отметить, что А.Ю. Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел – Белую Вежу и после этого пошел на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане¹⁵.

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: «...и град ихъ и Белу Вежю взя»¹⁶, тогда как в остальных списках она имеет вид «и град их Белую Вежю взя»¹⁷. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в единственном пергаментном списке, переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст Лаврентьевской летописи доведен до 6813 (1305) г. Лаврентьевская летопись считается одной из древнейших из сохранившихся до наших дней.

К числу таких древнейших летописей относится также Радзивилловская. Считается, что это памятник предположительно начала XIII в., потому что он заканчивается описанием событий 1206 г. Эта летопись дошла до нас в списках конца XV в.: собственно Радзивилловском и Московско-Академическом. В Радзивилловской летописи также сообщение о походе 965 г. отличается от текста Лаврентьевской летописи: «В лет(о) 6473. Иде С(вя)тослав на козары: слышавши же козары изидоша противу со кн(я)зьмъ своимъ Каганомъ, и ступишас(я) бити, и бывши брани, и одоле С(вя)тославъ козаровъ, и градъ ихъ Белу Вежю взя; и ясы победы и касоги»¹⁸.

Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода в

Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. Поэтому имеет смысл напомнить мнение А.П. Новосельцева, который считал, что русы совершили против хазар два похода: первый – в 965 г., а второй – в 968 г. Исследователь считал, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором – в сообщении Ибн Хаукаля¹⁹. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что «Повесть временных лет» не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье²⁰. По мнению М. Грушевского, Т.М. Минаевой, А.П. Новосельцева и других исследователей, войско Святослава двигалось по суше с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье²¹.

Поход Святослава на земли касогов в Прикубанье, казалось бы, можно объяснить стремлением русов обосноваться на стратегически важном Таманском полуострове, где находилась Тмутаракань. Однако ни в одной из древнерусских летописей нет упоминания о Тмутаракани под 965 г. и последующими годами. Логично считать, что если бы в 965 г. Святослав захватил Тмутаракань на землях касогов, то летописи бы это отметили. Но летописи молчат о Тмутаракани до 988 г. Первое же упоминание о Тмутаракани в древнерусских летописях фиксируется лишь под 988 г., т.е. в год принятия Русью христианства. Тмутаракань упоминается при перечислении тех княжеств, которые были розданы Владимиром своим сыновьям. Известно, что первым князем в Тмутаракани стал Мстислав. Например, в Радзивилловской летописи это отмечено так: «И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава в Полоцку, а С(вя)тополка в Турове, а Ярослава в Ростове, а Глеба в Муроме, С(вя)тослава в Деревях, Всеволода в Володимире, Мстислава Тмуторокани»²². Поэтому более вероятно, что свой первый поход на Тамань Русь совершила во время корсунской кампании Владимира в 988 г., а не во время похода Святослава в 965 г. Хотя не исключена возможность, что крепость Тмутаракань была захвачена русами во время походов на Итиль и обратно в 968 г., о чем сообщает Ибн Хаукаль²³.

Поэтому имеет смысл поддержать следующую гипотезу Г.Ф. Турчанинова: «...нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и косогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорее всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название *косога* (ср. осет. *каесаг* «кабардинец-черкес») вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели косоги...»²⁴.

Вопрос в том: подтверждают ли другие письменные источники локализацию касогов и аланов-ясов в хазарское время на Нижнем Дону? В первую очередь, отметим возможность локализации аланов на Нижнем Дону и обратим внимание на известный пассаж из 11-й главы сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»: «Эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир»²⁵.

На данный момент имеются основания трактовать сообщение 11-й главы трактата Константина Багрянородного, где упоминается «Климаты и Херсон», не иначе, как указание на существование в середине X в. в Крыму владений Византии, а не Хазарии. В связи с этим достаточно напомнить, что Климаты Херсона неоднократно упоминаются в трактате «Об управлении империей». Имеет резон процитировать 1-ю главу этого сочинения: «Поскольку этот народ пачинакитов (печенегов. – *О.Б.*) соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты»²⁶. Как показал М.А. Никифоров в своей диссертации «Византийские владения в Горном Крыму в первой половине IX – в начале XIII ст.», «Климатами» византийские авторы называли горный Крым. Это было название первой на полуострове византийской фемы, которая была основана, по его мнению, между 834–837 гг.²⁷. Однако К. Цукерман склонен отодвигать эту дату к 841 г.²⁸.

Весьма примечательно, что предположение о нахождении не хазарских, а «византийских владений в Крыму», упоминаемых в 11-й главе трактата Константина Багрянородного, выдвинул еще в XIX в. Ю.А. Кулаковский. По мнению известного византолога, если аланы могли преграждать путь хазарам к Саркелу и Крыму, то они «должны были составлять часть населения Припонтийских степей»²⁹. К подобному выводу также пришел польский историк Т. Левицкий. Он считал, что в 11-й главе сочинения «Об управлении империей» речь идет об аланах, которые обитали на Нижнем Дону³⁰. Если принять во внимание последнюю точку зрения, то сообщение, что «эксусиократор Алании» может препятствовать хазарам достигать Саркела, Климатов и Херсона, должно содержать указание на нахождение аланов в степях Северного Приазовья вблизи Саркела, откуда открывались подходы к Боспору и Перекопу.

В данном случае остается лишь выяснить, локализовали ли авторы X в. в Нижнем Подонье и касогов. Так, в первой половине X в. арабский географ Мас'уди в своем географическом трактате «Мурудж ад-Дзахаб» упоминал на Северо-Западном Кавказе народ *кашак*: «За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем ... Аланы более мощны, чем кашаки, которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье...»³¹. Интересны также и другие сведения Мас'уди о локализации земель кашаков. Как уже удалось убедиться, кашаки проживали на запад от аланов, чья страна находилась в Центральном Предкавказье. С запада земли кашаков были ограничены морем, о котором Мас'уди сообщает: «По поводу моря, у которого они живут, мнения людей расходятся: одни полагают, что это Румское море, а другие – что это Нитас (Понт). Во всяком случае по морю от них недалеко до земель Трапезонда, откуда товары идут к нам на кораблях и с их стороны также отправляются [корабли]»³². Вполне понятно, что в данном случае речь идет о Черном море. Что же касается запутанности терминологии у Мас'уди, то В.Ф. Минорский данный пассаж объясняет следующим образом: «Это показывает, что Мас'уди использовал различные сообщения. Его описание черкесов, видимо, основано на рассказах черноморских купцов. Даже в своем позднейшем *ат-Танбих* Мас'уди не обнаруживает ясного знания географии черноморского бассейна»³³.

Не менее интересны сведения Мас'уди о северо-западных соседях кашаков: «За этой прибрежной нацией следует нация, чья страна называется Семь земель... Это большое и хорошо защищенное племя. Его земли простираются далеко, но я не знаю, к какой из наций оно принадлежит и какова его религия... К ним примыкает другое большое племя, отделенное от кашаков рекой, которая по величине подобна Евфрату и впадает в Нитас (Понт), на котором стоит Трапезонд...»³⁴.

В.Ф. Минорский в комментариях к этому фрагменту отметил сложность этнической идентификации упомянутых народов, но высказал предположение, что это могли быть проживавшие в конце IX в. в степях Приазовья булгары или мадьяры³⁵.

О стране касогов – «Касахия» – упоминает в середине X в. в своем сочинении «Об управлении империей» Константин Багрянородный: «Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахия находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания»³⁶. Как видим, Константин Багрянородный для обозначения этнических групп на землях адыгов использовал в середине X в. три этнотопонима, одним из которых являлось название *Касахия*. А.В. Пьянков прокомментировал данное сообщение следующим образом: «Указание Константина Багрянородного, что места с нефтяными источниками отстоят от моря на расстоянии дня пути без смены коня, и данные топонимики позволяют локализовать Папагию на территории современного Крымского и, возможно, предгорной и горной части Абинского района. В таком случае, Касахия в первой половине X в. должна была занимать Закубанские земли на восток от Папагии, вплоть до реки Псекупс»³⁷. Что касается территории Зихии, то исследователь локализовал ее следующим образом: «Западные земли касогов были заняты племенами зихов, которые, судя по сообщениям более ранних письменных источников и археологическим данным, населяли территорию Черноморского побережья к юго-востоку от Цемесской бухты... Зихи расширили ареал своего расселения на северо-запад вплоть до старого русла Кубани и заняли отстоящую далеко от берегов Папагию. Эта новая этнополитическая ситуация нашла отражение в сообщении Константина Багрянородного»³⁸.

В конце X в. неизвестный фарсыязычный автор трактата «Худуд ал-‘Алам» локализовал близ страны аланов на берегу Черного моря город *Касек*: «Слово об области аланов и городах ее. Это область в ущельях и горах; богатое место; царь их – христианин. У них тысяча больших деревень; между жителями есть христиане и идолопоклонники, горцы и степняки. Касек – город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы...»³⁹. Как видим, в X в. этнотопоним *Касек* уже находился в стране аланов, что вполне согласуется с более ранней информацией Мас‘уди о набегах аланов на земли кашаков⁴⁰. Это в конечном итоге должно было привести к покорению аланами касогов, которые проживали на восточном побережье Черного моря.

Напомним, что осетины, потомки кавказских аланов, еще до сих пор называют кабардинцев *каесаег*, *каессгон*⁴¹. Именно осетинское окончание данного этнонима –*аег* дало основания Г.Ф. Турчанинову говорить об аланах как о посредниках в распространении данного этнического термина среди восточных славян.⁴² Следовательно, восточные славяне, византийцы, арабы, персы и другие народы могли заимствовать этноним *касого* благодаря посредничеству аланов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид *кас-* могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, составленной значительно позже середины X в., в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута «страна Каса»: «Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-, Ал-бус-р, Ухус-р, Кварус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кала, все живущие в стране *Каса* и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань...»⁴³. Комментируя пассаж с упоминанием «страны Каса», П.К. Коковцов указал: «По весьма вероятному предположению Вестберга... с которым полностью согласен Маркварт... под этим именем следует разумеать соседний с аланами народ «Кашак» арабских географов, или Касогов русских летописей... имя которых у

более поздних арабских писателей имеет вид также «Каса»... Это совпадение поздней арабской формы имени с написанием его в нашем хазарском документе не говорит, по мнению Маркварта, в пользу древности последнего⁴⁴. Следует отметить, что происхождение этнонима *касоги* до сих пор остается предметом острых научных споров. По этому поводу существует несколько гипотез, хотя ни одна из них не получила широкой поддержки среди исследователей. Однако в нашем случае видим, что ни один раннесредневековый письменный источник, кроме «Повести временных лет», не позволяет локализовать касогов на берегах Дона. Наоборот, все раннесредневековые авторы пишут о касогах как о народе, живущем между аланами Центрального Предкавказья и восточным побережьем Черного моря. Остается лишь обратиться к другим источникам.

Так, свои предположения о локализации в раннее Средневековье касогов в Нижнем Подонье Г.Ф. Турчанинов подтверждает не только данными древнерусских летописей, но и надписями на раннесредневековых фляжках из-под Новочеркасска, которые он прочитал на касожском (адыгском) языке⁴⁵. Исследователь на основе своей гипотезы о существовании особой письменности у народов Хазарского каганата сделал довольно оригинальное предположение относительно происхождения надписей, найденных возле Новочеркасска: «Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасска, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и касожского письмен ... некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них незначительно... В основу раннего восточнославянского... и в основу касожского (средневекового кабардино-черкесского)... письма легло средневековое осетинское (аланское) письмо... уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта»⁴⁶.

В результате Г.Ф. Турчанинов прочел две надписи на флягах на касожском, как он полагает, языке. Обратим внимание на их содержание. Первая надпись в транслитерации, по мнению Г.Ф. Турчанинова, имеет вид: «Х'умигк'ан: зай': Лайук: зауэ · Кууай (·) л'а · 'бк · л'а п'а». По мнению исследователя, перевод должен звучать так: «Кувшин: кому принадлежащий: Лейюк: воин Кууева (·) рода – племени – знаменитого был».

Вторая надпись в транслитерации, по мнению Г.Ф. Турчанинова, имеет вид: «Лух'а · К'айсик · кан · К'айсик», что в переводе должно означать: «Мужественный был · Кайсых · кан (воспитанник) · Кайсыха»⁴⁷. В данном случае обращает на себя внимание фрагментарность этих надписей. А это не исключает возможности того, что их с таким же успехом можно прочесть и на тюркском, и на аланском языках. Поэтому использование таких лаконичных надписей не может быть весомым аргументом для доказательства предложенной версии.

Несмотря на то, что попытки Г.Ф. Турчанинова прочесть надписи на новочеркасских фляжках на адыгском (касожском) языке выглядят довольно спорными, имеется определенное археологическое подтверждение этой гипотезы. В первую очередь, это касается локализации ясов-аланов, которые упомянуты в «Повести временных лет» как соседи касогов вблизи Белой Вежи. Так, в конце 50-х гг. прошлого столетия недалеко от Правобережного Цимлянского городища, т.е. на противоположном от Саркела берегу, близ Аксая (в балке Большой Луг), был обнаружен катакомбный могильник салтовского типа⁴⁸. Кроме того, уже на селище Правобережного Цимлянского городища в яме одного из жилищ был раскопан небольшой подбой, напоминавший салтовскую катакомбу⁴⁹.

Что же касается самого Саркела – Левобережного Цимлянского городища, – то присутствие здесь аланов еще более ощутимо. Так, во дворе Саркельского

городища было обнаружено захоронение № 3, совершенное в катакомбе салтовского типа⁵⁰. В свое время автор настоящей статьи, ссылаясь на опубликованные О.П. Артамоновой результаты археологического изучения салтовского могильника Саркела и выводы антропологов, пришел к выводу, что в самом Саркеле аланский элемент был представлен довольно широко. Это касается в первую очередь необычного обряда погребения: захоронения были групповые и совершались в ямах круглой формы; женщины при этом погребались в скорченном положении на боку; в антропологическом отношении многие погребенные были долихо-мезокранами и т.п. Все это мы наблюдаем на катакомбных могильниках Северного Кавказа и лесостепного Подонья. Разница только в конструкции погребальных сооружений. Кроме того, в Саркеле встречались захоронения и в заброшенном жилище как в лесостепном Подонье, где традиционно локализуют аланов⁵¹.

Если в археологическом аспекте следы присутствия аланов в Нижнем Подонье можно проследить, то относительно следов пребывания здесь касогов возникают определенные трудности. В связи с этим, во-первых, очень важно знать, какой был погребальный обряд населения Северо-Западного Кавказа в предхазарский и хазарский периоды. Во-вторых, необходимо выделить аналогичные памятники в Нижнем Подонье. Следует отметить, что работа в последнем направлении еще не проводилась.

По словам В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой, ситуация на Черноморском побережье Кавказа в раннее и развитое Средневековье выглядит следующим образом: «По-видимому, именно с зихами следует связывать грунтовые ингумационные погребения в каменных ящиках. Данный тип погребений, наряду с погребениями в простых ямах, хорошо известен в памятниках VI–VII вв. района Туапсе (могильник Бжид, Сопино, Агойский аул) и Геленджика (могильник Борисовский). Отсутствием четкой западной ориентировки (за исключением мог. Бжид), положением покойного, наличием разнообразного инвентаря эти памятники отличаются от раннесредневековых христианских погребений в плитовых могилах Таманского полуострова, горной зоны Северного Кавказа, Крыма. Погребения в каменных ящиках существовали на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа до XIV в., с VIII в. испытывая на себе влияние кремационного обряда (памятники так называемой «кубано-черноморской группы кремаций»)»⁵².

Такую же сложную ситуацию в регионе в VIII–X вв. отметил А.В. Гадло: «Археологические памятники юго-западного района представляют адыгские племена, ту зихско-касожскую общность, которая фиксируется письменными источниками. Особенностью материальной культуры этого района, отражающей особенности территориального положения адыгских племен, является ее многовариантность. Здесь сталкиваются элементы культуры, присущие причерноморско-византийским памятникам Крыма (Побережье), салтово-маяцким памятникам Тамани и Приазовья (Закубанье), аланским памятникам Центральной части Предкавказья (междуречье Лабы и Зеленчука). Как и в других районах средневекового Северного Кавказа, здесь одновременно сосуществуют несколько различных форм погребальной обрядности, что ярко отражает незавершенность этнической и идеологической консолидации адыгов»⁵³.

По наблюдениям И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в предхазарский период ситуация выглядела следующим образом: на могильнике Бжид, как и на могильнике Сопино, «в VI–VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног»; на могильнике Агойский аул «нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка погребенных»; аналогичная ситуация зафиксирована и на Борисовском могильнике⁵⁴. По данным И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова, в VIII–IX вв. в Северо-Западном Причерноморье, кроме ингумационных захоронений в каменных ящиках и простых грунтовых ямах, появился новый обряд захоронений по обряду кремации⁵⁵.

Характерно, что на Борисовском могильнике на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям⁵⁶. Этот могильник, находящийся близ Геленджика, был исследован В.В. Сахановым более ста лет назад и им же был продатирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в.⁵⁷. Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханов выделил на могильнике три группы захоронений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI–VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или в некоторых случаях в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенным на стороне, но помещенные в 6 случаях в каменные ящики и один раз – в грунтовую яму. Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В.В. Саханов соотнес в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений, принадлежащих к третьей группе, то исследователь не решился дать им этническую атрибуцию. В.В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и соответственно продатировал третью часть захоронений Борисовского могильника IX в.⁵⁸.

Однако картина была бы неполной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние труположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения, которых было 173. Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины. Особо интересен инвентарь могильника, представленный изделиями из металла. Исследователь могильника А.В. Дмитриев на основе анализа инвентаря продатировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв., т.е. хазарским периодом⁵⁹.

Как отметил А.В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо не единственный на Северо-Западном Кавказе⁶⁰. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А.В. Пьянков пришел к следующим выводам: «В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-геленджикском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII–IX вв. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс»⁶¹.

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их, ибо своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые

довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А.В. Дмитриев отметил: «Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... Причем часто их сходство можно считать абсолютным»⁶².

А.В. Пьянков также отметил, что «сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)»⁶³. Еще в 1996 г. А.В. Пьянков и А.В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли «общностью происхождения» населения, их оставившего⁶⁴.

А.В. Пьянков же считал, что «кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период, и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом»⁶⁵. А.В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего кремационные могильники в Дюрсо и на Северском Донце⁶⁶.

И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно «салтово-маяцкого времени» полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на «зихской» границе каганат проводил «стабилизационные» мероприятия»⁶⁷. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из подразделений хазарской орды на юго-западные границы каганата для контроля над весьма ненадежными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крыло одного племени.

Поэтому имеет смысл поддержать предположение А.В. Пьянкова, согласно которому появление на Северо-Западном Кавказе кремационных захоронений салтовского типа и возникновение нового этнонима *касоги* взаимосвязаны. При этом исследователь считал касогов, которые практиковали обряд трупосожжения, тюркоязычными пришельцами на землях адыгов-зихов, не знавших обряда кремации. Если следовать логике исследователя, то получается, что во второй половине VIII в. на земли адыгов, находившихся на юго-западной границе Хазарского каганата в бассейне Кубани и на северо-восточном побережье Черного моря, хазарской администрацией были поселены племена кочевников, самоназванием которых был термин *кас*, который со временем распространился на часть местного адыгского населения. По мнению исследователя, название пришельцев-завоевателей – *касог* – начало распространяться на адыгов лишь в X в.⁶⁸ Хотя возможен и тот вариант, что уже до начала X в. под названием *касоги* могло скрываться смешанное население, состоявшее из аборигенов-адыгов и пришельцев. Получается, что с касогами можно связывать кремации салтовского типа и грунтовые захоронения в каменных ящиках.

Попробуем найти в Нижнем Подонье такие памятники. Сразу же отметим, что кремационные захоронения салтовского типа так и не были там обнаружены. Однако погребения другого типа там все-таки были зафиксированы.

Речь идет о некоторых грунтовых могильниках салтовского типа в степном Подонье, где широко использовались каменные обкладки могил. Так, С.А. Плетнева выделила могильник в окрестностях г. Камянска-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища, на правом берегу Северского Донца (рис. 1, 1), в нижнем его течении, где могильные ямы или были облицованы каменными плитами по периметру, или перекрыты ими сверху. Кроме того, здесь покойники лежали головами на юг, иногда в скорченном положении и на угольной подсыпке. Довольно часто встречались коллективные захоронения. По словам С.А. Плетневой, на могильнике были зафиксированы и особые погребальные сооружения: погребенные перекрывались наклонными плитами, один конец которых стоял на дне могилы, а другой упирался в противоположную стену; умершие обычно были ориентированы головой на юг, а плиты наклонены к западу, т.е. стоят с правой стороны погребенного; две из таких могил были коллективными. С.А. Плетнева считала, что инвентарь в большинстве погребений Рыгинского могильника был представлен желтыми кувшинами с шаровидным туловом без лощения и лепными горшками, которые отличаются от керамики типично зливкинских форм. Это позволило исследователю датировать могильник VI–VII вв. Рыгинский могильник так и не стал объектом исследования антропологов⁶⁹.

Однако данные выводы были сделаны на основе произвольного отчета И. Тимошенкова, опубликованного в 1905 г. К сожалению, в отчете нет ни фотографий, ни рисунков. Поэтому приходится полагаться лишь на описание. Обратимся к самому первоисточнику, который в ряде деталей отличается от информации С.А. Плетневой. Вот как был описан И. Тимошенковым погребальный обряд: «Могилы попадаются сплошь, на каждом шагу. При копании погребов и возведении домашних построек то и дело выбрасываются человеческие кости. Многие из жителей находили между костями медные перстни и др. разные вещи. Покойники хоронились не в деревянных гробах, а между камнями и под камнями. Встречаются могилы, в которых каменные плиты поставлены со всех 4 сторон, а сверху прикрыты также плитами и представляют собою таким образом для покойника прочный и не гниющий склеп. Но в большинстве могил каменные плиты стоят только с одной стороны покойника. Погребение было к одной стороне могилы и прикрывалось камнями, поставленными в могиле наискось так, что одна нижняя сторона каждой каменной плиты стоит на подошве могилы, а другая, верхняя, упирается в ту сторону могилы, под которою в пустоте лежит покойник. Покойники лежат все (как говорили мне старожилы) головами на юг, а ногами на север»⁷⁰.

И. Тимошенков даже занимался раскопками некоторых таких могил. Так, он сначала произвел раскопки на том месте, где был найден инвентарь. Вот как И. Тимошенков описал ситуацию: «...я узнал, что местный житель, казак Кондрат Дмитриевич Колесников, с год тому назад копал у себя в дворе яму, напал на могилу, из которой вместе с человеческими костями вынул серебряные и медные вещи, составлявшие женский убор. Я отправился к Колесникову, чтобы осмотреть найденные им в могиле предметы. Колесников охотно удовлетворил мое любопытство. Оказалось, что он нашел в раскопанной могиле: семь серебряных пластинок ажурной формы, составлявших набор, вероятно, женского пояса, бронзовый браслет и золотую серьгу...»⁷¹. К сожалению, изображения этих находок не приводятся в отчете (впрочем, как и изображения других артефактов).

На месте находок И. Тимошенков произвел раскопки и в результате этого отметил: «Когда я произвел раскопку ямы в том виде, в каком она выкопана под картофель, то увидел, что в ней в южную сторону на поларшинной высоте от дна ее торчат большие каменные плиты, поставленные в ряд с севера на юг и в наклонном положении к западу. Около камней с той стороны, куда они наклонены, земля была рыхлая и рассыпающаяся, и в ней на одном горизонте с нижнею стороною стоящих каменных плит видны были человеческие кости...».

Как оказалось, это было групповое захоронение двух человек, потому что были обнаружены два черепа. Тут же был найден и могильный инвентарь. Вот как И. Тимощенко описал эти находки: «Кувшин сделан из серой глины и формой похож на теперешние умывальники и молочники. Он с ручкой и особым носком в верхней части. Дальше при вынутии земли лежащей вокруг черепов найдены были: 1) золотая серьга с жемчужиной и особою привеской из полого золота... 2) золотой бубенчик с погремушкой; 3) пара крупных сердоликовых бус; 4) пара перламутровых крупных пластин с отверстиями посредине; 5) три серебряные пластинки ажурной работы; 6) бронзовый перстень с каким-то зеленовато-белым камнем»⁷². К сожалению, и в этом случае никаких изображений этих находок не оказалось в наличии.

Кроме того, И.И. Ляпушкин рядом с этим могильником отметил «укрепленное поселение у ст. Каменской (Рыгинское городище) на Северском Донце, именно ту часть, которая обнесена земляным валом»⁷³. При этом исследователь руководствовался, прежде всего, словесным описанием уже упомянутого И. Тимощенко⁷⁴.

Обратим внимание еще на один подобный случай, зафиксированный К.И. Красильниковым на территории Луганской обл. в нижнем течении Северского Донца (рис. 1, 2): «Аланские черты погребальной обрядности замечены, в частности, на могильнике у сел. Желтое, где обнаружено 30 захоронений, из них – 27 прабоггарских с обрядом «зливкинского» типа. Одно – в каменном ящике из мергелевых плит – крымского типа, еще два захоронения выполнены в ямах с катакомбами, входы в которые были закрыты мергелевыми плитами. Одно из них (№ 28) особенно напоминает аланские катакомбные захоронения Маяцкого могильника на р. Тихая Сосна...»⁷⁵. Для нас интерес могут представлять не только катакомбные захоронения, но и погребение в могильной яме, облицованное по периметру каменными плитами, которое К.И. Красильников отнес к захоронениям «крымского типа». К сожалению, в цитируемой статье не указана ориентация погребенного. К этому следует добавить, что захоронения в каменных ящиках с различной ориентацией имели распространение также на Кавказе. Быть может, не случайно рядом с катакомбами, связываемыми с северокавказскими аланами, и было обнаружено такое захоронение. Однако данный вопрос следует считать открытым.

Очевидно, что к хазарскому времени следует также отнести функционирование аналогичного Рыгинскому Артугановского могильника, который был обнаружен на левом берегу Дона, в нижнем его течении, в урочище Артугановском вблизи станицы Багаевской. Весьма характерно, что Артугановский могильник был расположен по прямой линии от Рыгинского на расстоянии 100 км (рис. 1, 3). По данным С.А. Плетневой, погребения там совершались также в могильных ямах, облицованных каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на северо-восток⁷⁶. Необходимо отметить, что С.А. Плетнева руководствовалась результатами разведок М.И. Артамонова, произведенных в 20–30-е гг. XX в. Поэтому имеет смысл обратиться к первоисточнику.

Результаты этих разведок нашли свое отражение в монографии М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону», опубликованной в 1935 г. Та часть монографии, где начинается описание Артугановского могильника, уже несколько обескураживает. Так, М.И. Артамонов сообщает: «Километрах в двух выше Багаевской станицы, в местности «Вертуганово» или Артугановское, издавна находили человеческие кости и черепки сосудов вдоль берега Дона, подмываемого водой. При посадке деревьев и при рытье ям в расположенных здесь садах местные жители натывались на погребения. Сообщают, что костяки были обложены камнями и что в могилах были находимы горшки. Предание приписывает эти могилы черкесам»⁷⁷. Последняя деталь очень интересна, ибо черкесами называли адыгов в позднее Средневековье, тогда как ранее они были известны как

касоги. К сожалению, в данном случае проследить истоки данного предания не представляется возможным, хотя и не исключена взаимосвязь.

Не меньший интерес представляет описанный М.И. Артамоновым местный погребальный обряд: «При нашем осмотре оказалось, что невысокий левый берег реки Дона, отошедший еще на памяти современных местных жителей немного в сторону от него, изрезан рядом ложбин с протоками или ручейками вдоль них. На двух образовавшихся таким образом островах вдоль берега Дона, по отмели, встречаются в большом количестве фрагменты керамики и кости, в том числе и человеческие. В одном месте в обрыве берега было замечено полуразрушенное погребение, находящееся от поверхности почвы не более чем на 0,7 м. Раскопка показала, что оставшаяся на месте нижняя часть скелета, положенного на спину в вытянутом положении и ориентированного на СВ, в соответствии с рассказами жителей, обставлена по бокам небольшими камнями в один ряд. Поверх скелета также встречены мелкие камни. По словам местных жителей, особенно часто человеческие кости встречаются на следующей выше по реке возвышенности, занятой в настоящее время сплошь садами, отделенной ложбиной от той возвышенности, на которой нами было найдено погребение»⁷⁸.

Найденный рядом подъемный материал, по наблюдениям М.И. Артамонова, имеет в ряде случаев аналогии с салтовским из соседних поселений. Исследователь так описал находки: «Преобладают части низкогорлых амфор с высокими поднимающимися над горлом ручками, найдены фрагменты сделанных на круге серых и красных горшков с прямым или отогнутым венчиком. У последних также как и у цимлянских горшков этого типа по закраю изнутри имеется жлобок. Кроме того, найдены фрагмент горшка лепной техники, несколько обломков крупных стеклянных браслетов и металлический (бронзовый) нательный крестик»⁷⁹. Но, как справедливо отметил М.И. Артамонов, «трудно сказать, какие из этих предметов являются остатками разрушенных погребений и какие происходят из культурного слоя поселения, несомненно, занимавшего в свое время первую возвышенность, а равно невозможно без исследований могильника решить, современен он поселению или относится к другой эпохе»⁸⁰. Необходимо отметить, что ситуация осложняется еще тем, что в нашем распоряжении нет изображений упомянутых находок, кроме крестика неизвестной эпохи, равно как и изображений местных погребений в каменных ящиках.

Относительно происхождения таких могильников С.А. Плетнева выдвинула предположение, что истоки традиции обкладывать могильные ямы каменными плитами следует искать в Крыму⁸¹. Однако, по данным И.А. Баранова, начало широкого распространения плитовых могильников в Крыму следует относить лишь к VIII–IX вв., что было связано с укреплением позиций христианства на полуострове. На них преобладала западная, а не северо-восточная или южная ориентация покойников⁸². Поэтому имеет смысл искать аналогии на соседних территориях, среди которых ближайшими являются Северный и Западный Кавказ. Так, по ряду признаков: каменные обкладки, групповые захоронения, скорченные погребения на боку, угольная подсыпка, и т.п. – Рыгинский могильник очень напоминает могильник вблизи дер. Харх в Северной Осетии. Тем не менее последний памятник датируется более поздним временем – XI–XII вв. Однако необходимо отметить, что на северокавказских могильниках вблизи дер. Кобань, Лац, Задалиск, Камбулта, Даргвас, датированных III–VIII вв., кроме каменных обкладок и угольной подсыпки, была зафиксирована разнообразная ориентация покойников, в том числе и южная⁸³.

В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков высказали одно интересное наблюдение: «Захоронения с каменными внутримогильными конструкциями типологически можно сопоставить с большетарханскими могилами с заплечиками. Основное, что их сближает, – это отсутствие деревянного гроба и устройство могильной

камеры – склепа. Различается лишь материал, употребляемый для устройства камеры. Действительно, могилы с односторонними заплечиками перекрывались наклонно поставленными короткими бревнами, и точно так же производились захоронения с наклонно поставленными плитами. В погребениях с двусторонними заплечиками в качестве опоры для горизонтального перекрытия использовались уступы – заплечики, оставленные при рытье могильной ямы, а в погребениях с каменными ящиками такие опоры выкладывались специально из каменных плит»⁸⁴. В данном случае следует обратить внимание на то, что в степной местности, где был обнаружен Рыгинский могильник, всегда существовали проблемы с деревом как строительным материалом. В то же время не было проблем с камнем. Исходя из этого, имеются основания считать Рыгинский могильник близким не только к раннесредневековым некрополям Центрального Кавказа, но и к Больше-тарханскому могильнику на Средней Волге.

Однако существует также проблема с датировкой Рыгинского могильника. У нас есть лишь словесное описание находок И. Тимощенко⁸⁵, но нет изображений или фотографий этих предметов. Поэтому можно считать утверждение С.А. Плетневой, согласно которому следует датировать Рыгинский могильник VI–VII вв., пока преждевременным⁸⁶.

Что же касается Артугановского могильника, то ближайшие к нему аналогии содержат те погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, которые были продатированы В.В. Сахановым на основе нумизматического материала V–VII вв., хотя не исключено и более позднее время их сооружения. Для данного некрополя, как уже отмечалось, была характерна биритуальность погребального обряда, что проявилось в наличии разновременных трупоположений и трупосожжений, которые встречаются как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Большинство одиночных погребений по обряду ингумации находились там в грунтовых ямах с каменными обкладками. На Борисовском могильнике, как и на Артугановском, преобладала северо-восточная или восточная ориентация покойников в каменных ящиках. Известно, что в более позднее время, в IX–XV вв., на Северо-Западном Кавказе на смену грунтовым погребением в ямах с каменными обкладками пришли аналогичные им захоронения, но под курганными насыпями⁸⁷.

На Борисовском могильнике довольно хорошо сохранилось погребение № 30 (рис. 2). По словам, В.В. Саханова, захоронение было обнаружено на глубине 0,34 м и было облицовано 7 каменными плитами. Размеры могильного сооружения: глубина 0,28, длина 1,85 и ширина 0,36 м. «В гробнице, – отмечает далее исследователь, – мужской костяк лежал на спине, головой на ВЮВ, руки вдоль туловища, ноги вытянуты, череп на правой стороне». При погребенном были найдены вещи: железный кинжал; несколько стеклянных бус; обоюдоострый меч; железные ножи; зеркало из серой бронзы; металлический тонкий браслет; две серебряные серьги; серебряная пряжка с прорезью; небольшая серебряная пряжка со щитом в виде трапеции; серебряная фибула и т.п. В.В. Саханов сделал интересное наблюдение: «Судя по атрибутам, покойник был воином, а множество чисто женских украшений, как бусы, серьги браслеты, и др., являются, очевидно, приношением покойному. В пользу этого говорит как то, что все эти вещи найдены преимущественно в ногах костяка, как бы брошенными сверху, так и то, что некоторые из них разрознены»⁸⁸.

Необходимо отметить, что на Борисовском могильнике зафиксирована ориентация погребенных в каменных ящиках не только как ВЮВ или В, но и как ВСВ или СВ. Последнюю мы наблюдаем в следующих захоронениях: №№ 19, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 35, 36, 37, 39, 44, 47, 54, 56, 57, 58, 59, 65, 66, 68а, 72, 73, 76, 79, 83, 84, 92б, 95б, 97, 108, 112, 113, 122⁸⁹. Складывается впечатление, что

на Борисовском могильнике умерших стремились хоронить в каменных ящиках головой на восток. Но так как захоронения совершались в различные времена года, то во многих случаях они имели сезонные отклонения на юг или север. Вполне возможно, что такая ситуация существовала и на Артугановском могильнике в Нижнем Подонье. Ведь М.И. Артамонов дал нам описание лишь одного исследованного им захоронения «положенного на спину в вытянутом положении и ориентированного на СВ»⁹⁰.

Таким образом, имеются основания говорить о генетической связи населения, которое оставило Артугановский могильник на Нижнем Дону и Борисовский – на Северо-Западном Кавказе.

Вопрос в том, кто совершал такие захоронения в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и в Нижнем Подонье? Как уже отмечалось, автор раскопок Борисовского могильника В.В. Саханов считал, что на Северо-Западном Кавказе во времена раннего Средневековья проживали племена адыгов, известные в византийских источниках как *зихи*, и поэтому имеет смысл связывать Борисовский могильник именно с пребыванием зихов⁹¹. На Руси же адыгов называли касогами. Следовательно, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в 965 г. князь Святослав встретил ясов (аланов) и касогов (адыгов) не на Кавказе, а на Нижнем Дону. В этом нас убеждают отмеченные параллели между нижнедонскими и северокавказскими могильниками. Может быть, и прав Г.Ф. Турчанинов в том мнении, что надписи на флягах Новочеркасского музея были написаны не на тюркском или иранском языках, а именно на касожском (адыгском)⁹².

Таким образом, данные раскопок Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе и Артугановского могильника на Нижнем Дону, а также сведения «Повести временных лет» о событиях 965 г. позволяют сделать предположение, что в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племен зихов-касогов, которые являлись подданными хазарского кагана. Нахождение адыгов в низовьях Дона как нельзя лучше отвечало стратегическим интересам хазар. Прежде всего, там должна была находиться мелководная переправа.

В одной из своих статей А.А. Тортика на примере легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский показал, что гунны переправились через брод именно в устье Дона, потому что готские историки, по недоразумению, перепутали Керченский пролив с устьем Дона, ибо «устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые термины»⁹³. Кроме того, с конца IX в., по данным мусульманских авторов, через дельту Дона к волоку от Дона к Волге начали плавать русы в намерении достичь Каспийского моря. Как свидетельствуют письменные источники того времени, такие плаванья с течением времени становились все более нежелательными для хазар. Так, Мас'уди в своем сочинении «Мурудж ад-Дзахаб» считает, что Волга и Дон были соединены протоком, а не сухопутным волоком, и при этом отмечает, что Волга «вытекает из верхних частей тюркских земель... от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)»⁹⁴. Это же находит подтверждение и в другом сообщении Мас'уди: «В верхней части хазарской реки (Волги. – О.Б.) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) – море русов»⁹⁵. Именно этим путем, по данным мусульманского автора, и воспользовались русы во время похода на Каспий после 300 г. х. (912 г.): «500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем...»⁹⁶. Естественно, кто-то должен был контролировать нижнее течение Дона. Поэтому сохранение касожской колонии вблизи устья Дона в X в. было продиктовано новыми политическими обстоятельствами. И это поселение касогов должно

было сохраниться вплоть до похода Святослава против хазар в 965 г., что и нашло отражение в «Повести временных лет».

Получается, что не лишено оснований сообщение Новгородской Первой летописи, согласно которому после победы над хазарами возле Белой Вежи в 965 г. Святослав «Ясы победы и Касоги и приведе Киеву»⁹⁷. Патриаршая летопись относительно судьбы этих ясов и касогов уточняет: «...и приведе к Киеву»⁹⁸. Данный пассаж Д.С. Лихачев предложил трактовать как свидетельство того, что ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева⁹⁹. Это вполне согласуется с целью похода 965 г. – создать плацдарм от устья Дона до переволоки к Волге для последующего похода русов на кораблях, целью которого был расположенный на берегах Волги хазарский центр Итиль.

Ситуация, при которой одна часть беспокойных подданных переселялась на новые территории, а на их место принудительно селили других вассалов, вообще была типична для Хазарского каганата. Вот как видит В.А. Кузнецов причины и последствия миграций части аланов из западной части Центрального Предкавказья в лесостепное Подонье. По его мнению, «...исходным районом аланского переселения на север был район г. Кисловодска, где аланы были вытеснены болгарами...»¹⁰⁰. В другом случае по этому поводу он высказался более осторожно: «Почти с передвижением салтовских алан с юга на север произошло встречное перемещение значительной массы тюркоязычного болгарского населения с севера на юг, в бассейн верхней Кубани»¹⁰¹.

Что же тогда мешает считать, что аналогичные процессы не проходили на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII в.? Вполне возможно, что после арабо-хазарских войн хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на юго-западных границах каганата, где проживали адыгские племена, которых было весьма сложно контролировать. В результате часть беспокойных адыгов была переселена в низовья Дона, а на их место была поселена часть верного кагану кочевого племени. Необходимо отметить, что через земли адыгов, южнее Таманского полуострова, проходила граница Хазарского каганата, и эта территория, находившаяся вблизи Керченского пролива, имела особое значение для хазар.

Осуществляя политику переселений народов, хазары решали важные для себя задачи: 1) ослабляли сепаратизм своих подданных; 2) укрепляли новые границы Хазарского каганата за счет переселенцев. При этом переселенцы оказывались в среде иноэтничного населения, что еще больше ставило их в зависимость от центральной власти.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, приходится признать, что этноним *касoги* или *кас-* в хазарское время использовался не только для обозначения адыгоязычного населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедренного хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII–IX вв. Вполне вероятно, что это было самоназванием пришельцев, распространивших данное наименование на подвластных им адыгов. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа Дюрсо, Борисово, а с местным адыгским населением – ингумационные захоронения в каменных ящиках. Данные археологии свидетельствуют о том, что одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено хазарами в низовья Дона, а их место заняли носители кремационного обряда. Стало быть, сообщение «Повести временных лет» о том, что в 965 г. киевский князь Святослав победил ясов и касогов возле Белой Вежи, не лишено оснований, ибо он их встретил не на Кавказе, а в Нижнем Подонье.

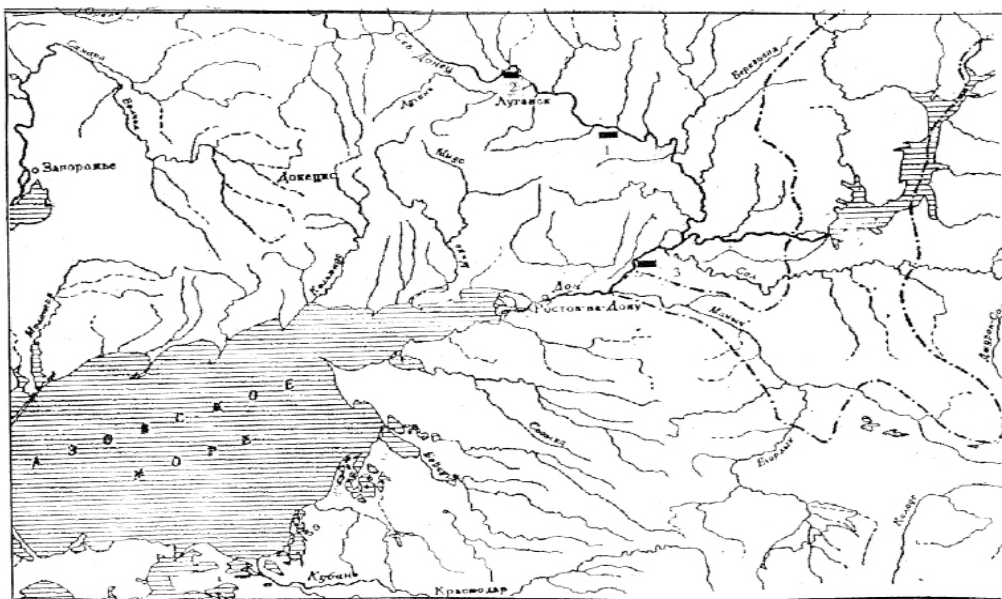

Рис. 1. Распространение в Нижнем Подонье ингумационных захоронений хазарского времени в каменных ящиках

1 – Рыгинский могильник; 2 – могильник у сел. Желтое;
3 – Артугановский могильник

Рис. 2. Реконструкция погребения № 30 Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе (по данным В.В. Саханова)

Примечания
(Endnotes)

1. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19–20.
2. Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 287; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1843. Т. 2. С. 246; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). М.; Л.: Наука, 1950. С. 84.
3. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л.: АН СССР, 1926–1928. Т. 1. С. 46.
4. Там же.
5. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л.: Наука, 1989. Т. 38. С. 33.
6. *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. М., 1940. Вып. 1. С. 35.
7. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 117–118.
8. *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах. С. 35.
9. *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 427–428.
10. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 97.
11. *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах. С. 35; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 427–428; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. С. 97.
12. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. С. 52–53.
13. Там же. С. 50–53.
14. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 51–54.
15. *Якубовский А.Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. III. № 5. С. 470–471.
16. Лаврентьевская летопись. С. 46.
17. Воскресенская летопись. С. 287; Ипатьевская летопись. С. 246.
18. Радзивилловская летопись. С. 33.
19. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 220.
20. Там же. С. 220.
21. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. I. С. 462; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставроп. кн., изд., 1971. С. 199; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль... С. 220.
22. Радзивилловская летопись. С. 55.
23. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль... С. 220.
24. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1971. С. 75.
25. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 52–53.
26. Там же. С. 37, 281–283.
27. *Нікіфоров М.А.* Візантійські володіння у Гірському Криму у першій половині IX – на початку XIII ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. н. Київ, 2013.
28. *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312–316.
29. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей... С. 53–54.
30. *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław–Kraków, 1956. Т. 1. S. 38.
31. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Изд. вост. лит., 1963. С. 206.
32. Там же. С. 206.
33. Там же. С. 206, прим. 83.
34. Там же. С. 207.
35. Там же. С. 207, прим. 86–87.
36. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 173–174.
37. *Пьянков А.В.* Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 201.

38. Там же. С. 205.
39. *Худуд ал-‘Алем* (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л.: АН СССР, 1930. С. 31; Табл. 38а.
40. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. С. 206.
41. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 20–21.
42. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 75.
43. *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: АН СССР, 1932. С. 100–102.
44. Там же. С. 105, прим. 14.
45. *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 82–86; *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 75.
46. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа... С. 78.
47. Там же. С. 75–78.
48. *Артамонов М.И.* Предисловие к III тому трудов Волго-Донской археологической экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М., 1963. № 109. С. 6.
49. *Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 307.
50. *Артамонова О.П.* Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. М., 1963. № 109. С. 20.
51. *Бубенок О. Б.* Аланы-ясы в Саркеле – Белой Веже // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 334–361.
52. *Чхаидзе В.И., Дружинина И.А.* Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. // Материалы конференции. М., 2014. С. 289–290.
53. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: ЛГУ, 1979. С. 199–200.
54. *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье. Могильники VI–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 193–195.
55. *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 195–200.
56. *Саханов В.Б.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. М., 1914. Т. 56. С. 75–219.
57. Там же.
58. Там же.
59. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 200–205.
60. Там же. С. 205.
61. *Пьянков А.В.* Касоги/касахи/кашаки письменных источников... С. 204.
62. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник... С. 200–205.
63. *Пьянков А.В.* Касоги/касахи/кашаки письменных источников... С. 205.
64. *Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей: Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996. С. 64.
65. *Пьянков А.В.* Касоги/касахи/кашаки письменных источников... С. 204–205.
66. *Дмитриев А.В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска–Геленджика. 2009 / <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>
67. *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX вв. ... С. 198–199.

68. Пьянков А.В. *Касоги/касахи/кашаки* письменных источников... С. 204–206.
69. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. М., 1967. № 142. С. 95–96; Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София: Бълг. акад. наук, 1984. Т. II. С. 11–12.
70. Тимощенко И. Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгинской // Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. С. 572.
71. Там же.
72. Там же. С. 573–574.
73. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. М., 1958. № 62. С. 94.
74. Тимощенко И. Отчет Ив. Тимощенкова... С. 570–571.
75. Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 316–317.
76. Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 95–96; Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. С. 11–12.
77. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 131. С. 114.
78. Там же.
79. Там же.
80. Там же.
81. Плетнева С.А. Древние болгары... С. 12.
82. Баранов И.А. О восстании Иоана Готского // Феодалная Таврия. Киев: Наукова думка, 1974. С. 154.
83. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. № 106. С. 80–81, 89–103.
84. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. С. 122.
85. Тимощенко И. Отчет Ив. Тимощенкова... С. 572–574.
86. Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 95–96; Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. С. 11–12.
87. Саханов В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 75–219.
88. Там же. С. 85–86.
89. Там же. С. 82–123.
90. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. С. 114.
91. Саханов В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 166–175.
92. Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища... С. 82–86; Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 75.
93. Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Вып. III. С. 70.
94. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. С. 192–193.
95. Там же. С. 196–197.
96. Там же. С. 198.
97. Новгородская Первая летопись. М.;Л.: Наука, 1950. С. 117.
98. Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 31.
99. Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева. М.;Л.: АН СССР, 1950. Ч. I. С. 311.
100. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 110.
101. Там же. С. 112.

**НАХОДКИ ФИГУРНЫХ ФОРМ ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА»
И СТЕКЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ**

Изделия из т.н. «египетского фаянса» и стекла включают в себя обширную группу бус и амулетов разнообразных фигурных форм и их подражаний. Фаянсовые изделия производились не только в Египте, но и в других странах – например, в Иране и Китае¹ и относятся, в основном, к античному времени, хотя некоторые их экземпляры, особенно «священные скарабеи», известны значительно раньше. Так, в могильнике Сафар-Хараба (Триалети), датированном XV–XIV вв. до н.э., был найден скарабеоид, а амулет в виде лягушки – в кургане II Лчашена, дата – та же². В Армении подобные находки были датированы VIII–VI вв. до н.э. Примечательно, что большая часть фаянсовых предметов найдена на территориях бывшего Советского Союза³. В сарматское время изделия из этого материала завоевали широкую популярность и на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа, что подтверждается находками из археологических памятников региона начиная с 1863 г.⁴ и вплоть до настоящего времени⁵.

Первым этапом научной фиксации пастовых амулетов на изучаемой нами территории явились личные коллекции (Н.С. Семенов, Ш. Борщиков), а также публикации об этих материалах, вышедшие в конце XIX в.⁶. По мере накопления, эти и иные материалы послужили основой для написания обобщающих работ⁷. Сводка значительной части известных египетских находок с изучаемых территорий принадлежит Б.Б. Пиотровскому⁸. В работах проанализированы вопросы происхождения египетских амулетов, возможные пути проникновения на территорию страны, очерчены границы их распространения. Некоторые из них стали предметом исследования для Е.И. Крупнова⁹. В дальнейшем вопросы изучения этих предметов культа, найденных на территории Северо-Восточного Кавказа, в том числе и современной Чечни, получили освещение в работах В.Б. Виноградова¹⁰. В них содержится большая часть из известных на тот период в крае амулетов и талисманов из «египетского фаянса», предпринята удачная попытка проникнуть в семантику их образов. Автор подтвердил точку зрения Б.Б. Пиотровского об обретении импортными фигурками нового смысла на обозначенных территориях¹¹. Из других работ, в которых в той или иной степени приводятся обобщенные данные по подобным находкам, кроме серии специализированных исследований Е.М. Алексеевой (в том числе – диссертационной), посвященной этой тематике¹², укажем на монографии Б.М. Кеферова¹³, М.С. Гаджиева¹⁴, Ю.А. Прокопенко¹⁵, М.М. Расуловой¹⁶, М.Х. Багаева¹⁷. Однако в них не учтены полностью все предметы подобного рода, в ряде случаев публикуемая информация оказывается противоречивой. Кроме того, данные о некоторых находках содержатся только в тезисах докладов региональных конференций¹⁸, другие пока и вовсе комплексно не введены в научный оборот¹⁹.

Данная тема продолжает привлекать внимание исследователей. Некоторые из работ посвящены, в том числе, вопросам истории изучения предметов из «египетского фаянса»²⁰. В других приводятся данные о находках подобных предметов на территории Нижнего Поволжья²¹, горного Алтая²², Кавказа (как

Северного, так и Южного²³). На материалах Чечни, кроме В.Б. Виноградова, данная тема разрабатывалась В.А. Петренко, А.А. Мирзоянц (Бурковой) и автором настоящей статьи²⁴.

Целью настоящей статьи является составление полной сводки амулетов и талисманов из «египетского» фаянса (с учетом «фигурных форм»), выполненных из стекла, указанной территории²⁵, а также попытка их анализа и интерпретация возможной смысловой нагрузки в системе религиозно-магических представлений жителей региона эпохи раннего железного века.

Материалы ранних коллекций их публикаторами приводятся без указания на конкретные формы или их число, что создает дополнительные сложности при установлении действительного количества находок, места и условий их обнаружения. В ряде комплексов интересующие нас находки даны описательно, без указания их конкретного числа (например, «львы», «скарабеи»). В таких случаях при статистических подсчетах нами условно учитывались минимально два экземпляра. В некоторых публикациях сведения об интересующих нас предметах представлены без необходимой детализации, а их изображения (прежде всего, «скарабеи») демонстрируют лишь тыльную сторону изделий, что не позволяет точно определить их типологию. В части работ описание предметов дается без ссылок на их конкретные изображения, а общее количество представляемых находок не соответствует числу рисунков. Описания амулетов крайне скудны: не указаны их размеры, в основном приводятся лишь сведения о цвете. Рисунки многих из них излишне схематичны, что не позволяет с уверенностью относить найденные предметы к тому или иному типу. Перечень находок дается с учетом времени их обнаружения.

С учетом указанных выше обстоятельств, обратимся теперь к источниковой базе наших исследований. В своей сводке фигурных изделий из египетского фаянса с территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа, опубликованной в 1968 г., В.Б. Виноградов пишет о том, что в 1890 г. Н.С. Семенов нашел амулеты из смальты в могильниках горных районов юго-восточной Чечни (ущелья рек Аргун и Хулхулау), ссылаясь при этом на оттиск газеты «Терские ведомости»²⁶. При ознакомлении с первоисточником оказалось, что единственная находка скарабея из пасты синего цвета была сделана Н.С. Семеновым в апреле 1887 г. в одном из трех раскопанных им каменных ящиков на левом берегу р. Гумс вблизи сел. Курен-Беной. Судя по опубликованному раскопщиком описанию, на обратной стороне фигурки было изображение, «по начертанию напоминающего цифру «2» с палочкой и точкой позади». Исходя из описания других находок (предметы вооружения, украшения, керамика, оселки), можно предположить, что данный могильник функционировал и в первые века н.э. В рукописи кандидатской диссертации В.А. Петренко присутствует изображение скарабея с пометкой «Из Ичкерии». Судя по рисунку, он может быть сопоставлен с формой 3301.01. На его тыльной стороне имеется змеевидное изображение, обведенное по периметру. Сам автор обозначил данный предмет как «скарабеоидная подвеска». Материал и цвет изделия в данной работе не указан²⁷. В статье Х.М. Мамаева и Р.М. Мамаева, посвященной работам Н.С. Семенова на территории Чечни, приведены данные о том, что В.А. Петренко работал с его коллекцией, хранившейся в ЧИРКМ. Кроме того, авторы уточнили и место находки – нетронутый каменный ящик (закрытый комплекс) в могильнике у сел. Курен-Беной который, кроме скарабея, содержал вещи кобанского типа²⁸. Скорее всего, речь идет об одном и том же предмете.

Кроме этой находки, Н.С. Семенов, со ссылкой на местных жителей, упоминает о найденном ими за несколько лет до его раскопок в Ичкерии амулете в виде лягушки, выполненном из пасты зеленого цвета. Предмет был обнаружен в каменнаящичном могильнике у сел. Курен-Беной и отдан какому-то чиновнику²⁹.

Данный текст сопровождал найденные им предметы при их отправке в адрес П.С. Уваровой в ходе работ по подготовке V археологического съезда в Тифлисе, что следует из пояснений Н.С. Семенова к приведенной нами статье. В газетной же публикации той части, где описываются обстоятельства данной находки, не оказалось³⁰.

По данным В.Б. Виноградова и В.И. Марковина, в Шалинской коллекции Ш. Борщикова имеются амулеты из египетской пасты – плакетки с фигурками лежащих львов³¹. Вероятно, авторами использовался не первоисточник в виде самой коллекции либо учетные документы, а сведения иного порядка. Так, в отчете СКАЭ за 1958 г. имеется информация о том, что в Государственном Эрмитаже хранятся вещи Х. Борщикова: «глиняный кувшин, изображение фигуры человеческой головы, изображение льва и др., – найденные, якобы, в сел. Шали. На самом деле, как нам представляется, эти предметы происходят из разграбленных курганов у сел. Сержень-Юрт». При этом ссылки на источник подобной информации текст отчета не содержит³².

В дальнейшем нами было указано, что данные предметы происходят с территории Юго-Восточной Чечни из грабительских раскопок курганов, произведенных в 1890 г.³³. Согласно актам учета, составленным в Государственном Эрмитаже по результатам инвентаризации 1937 г., интересующие нас плакетки зарегистрированы не были, как и некоторые другие предметы (кувшины, изображения человеческой головы), упомянутые В.Б. Виноградовым и В.И. Марковиным³⁴.

В публикации П.С. Уваровой, размещенной в трудах Московского археологического общества за 1894 г., отмечено, что среди прочих предметов, происходящих из разграбленных местными жителями курганов, располагавшихся недалеко от крепости Грозной, был приобретен «синий египетский скарабей со сверлиной»³⁵.

В катакомбном погребении III–IV вв. н.э. кургана № 4, раскопанном А.П. Кругловым в 1938 г. у сел. Алхан-Кала, в составе инвентаря находился скарабей, выполненный из пасты голубого цвета³⁶.

В 1954 г. на окраине г. Грозного во время строительных работ был срыт курган. В инвентаре разрушенного погребения, помимо других находок, были найдены 3 скарабея и подвеска в виде соединенных цилиндров из голубой «египетской пасты». На тыльной стороне скарабеев – изображения кошки (?), змеи и иероглифические знаки. Комплекс датирован В.Б. Виноградовым I–II вв. н.э.³⁷.

Летом 1965 г. близ дороги из г. Грозного в сел. Пригородное был разрушен курган. В нем обнаружено впускное богатое женское погребение, доследованное студентом пединститута С. Гамаевым. Костяк размещался на спине, головой на С. В тексте публикации говорится, что в инвентаре погребения присутствовали курильница-погремушка, фрагмент золотой подвески, 7 бусин с подвеской и 10 скарабеев из «египетской пасты» голубого и зеленого цветов. На обратной стороне – изображение льва, собаки или шакала, птицы, ихнемона и др.³⁸. В указанной работе годом находки назван 1964 г. Отмечено, что курган обследовался В.Б. Виноградовым. На приведенном рисунке изображено не 10, а 8 скарабеев. На их обратных сторонах – изображения животных и птиц. В другой публикации, вышедшей в том же 1966 г., на фотографии вновь приведены изображения не 10, а только 8 скарабеев, вместо одного обломка золотой серьги указаны несколько фрагментов, а по поводу изображений на тыльной стороне скарабеев сказано: «изображения львов и собак» во множественном числе, без перечисления других, ранее опубликованных рисунков. В другой своей работе в перечне изображений В.Б. Виноградов упоминает рисунок кошки, змеи и шакала³⁹. Судя по приведенной прорисовке тыльных сторон 8 скарабеев, среди оставшихся без внимания автора публикации изображений, – еще одна птица и иероглифы.

В 1966 г. В.И. Марковин публикует предметы начала н.э., собранные в 1962–1963 гг. в сел. Центорой В.В. Шапочкой. В их числе – амулет из «египетского фаянса» голубого цвета в виде льва на плакетке, переданный В.И. Марковину в 1964 г.⁴⁰

В 1967 г. в ходе работ на Алхан-Калинском городище была найдена плакетка из «египетского фаянса» голубого цвета с фигуркой лежащего льва, происходящая из нижнего горизонта культурного слоя городища, датированного первыми веками н.э. Судя по прорисовке предмета, он может быть сопоставлен с формой 3311.02⁴¹. В том же году на г. Лехкч-Корт в богатом детском погребении № 5 могильника в небольшом каменном ящике, датированном авторами раскопок II–IV вв. н.э., был найден амулет в виде гениталий и 3 подвески из стекла в виде стилизованных амфорок. Костяк истлел, но, судя по ориентации длинных стенок погребального сооружения, первоначально размещался вытянуто на спине, вдоль оси ЗЗС – ВВЮ. Подвеска была выполнена из пасты голубого цвета, форма 3706.01⁴².

В 1968 г. в комплексе вещей из Харачоевского могильника V–VIII вв. н.э. была обнаружена плакетка из голубой пасты в виде лежащего льва⁴³. В 1970 г. В.Б. Виноградов и В.А. Петренко опубликовали данные о том, что в ходе работ по исследованию 2-го Ханкальского городища, расположенного на г. Сюир-Корт в погребениях, датированных II в. до н.э. – началом I в. н.э., в составе ожерелий из бус были найдены подвески из пасты⁴⁴. Затем эта же информация в формулировке «великолепные ожерелья бус и подвесок (янтарных, хрустальных, из цветного стекла и пасты) также свидетельствуют об активных связях с окружающим миром» была повторена в другой работе этих же авторов, подготовленной к печати г. Грозном в 1975 г., но опубликованной в г. Армавире только в 1999 г., позиционированной ими как монография, но названной методическим пособием⁴⁵. При ознакомлении с полной публикацией материалов погребений сарматского времени из Ханкальских могильников №№ 1 и 2 (раскопки 1984 г.) выясняется, что из подвесок была найдена только одна (погребение № 57), сделанная из янтаря. В погребении № 19 были обнаружены 11 стеклянных подвесок в виде стилизованных сосудиков, определенных В.Б. Виноградовым и В.А. Петренко как «бусинки». Таким образом, следует признать, что первоначальные сведения о находке в данных погребениях подвесок из пасты не соответствуют действительности.

Подобные же находки из стекла были обнаружены и в погребении № 41 (5 экз.). Интересно, что в погребении № 58 были найдены так же, как и в погребении № 19, 11 стеклянных бусин, но имеющих простую геометрическую форму. Такое же количество (11) подвесок в виде сосудиков присутствует и в погребении № 1 кургана № 3 группы II Калиновского могильника. Вероятно, данное число не является случайным и имеет прямое отношение к похоронным церемониям⁴⁶.

В мае 1973 г., при разрушении в ходе мелиоративных работ курганов в ст. Шелковской были снесены, судя по отчету, 3 кургана, из которых происходят предметы, условно сгруппированные в 2 комплекса. В одном из них (№ 2), помимо фрагментированного бронзового браслета и фигурного колокольчика, оказались 3 бусины из пасты и 2 амфоровидные подвески из стекла, названные В.А. Петренко «бусинами»⁴⁷.

В 1974 г. при исследовании разрушенных погребений 2-го Галайтинского могильника, датированных автором работ I/II–III вв. н.э.⁴⁸, был обнаружен ряд амулетов из «египетского фаянса».

Плакетка со львом голубого цвета и амулет-гениталий происходят из погребения № 3 (5); находки при взрослом костяке в каменном ящике, поза и ориентировка не восстанавливаются⁴⁹. В погребении № 6 (14), совершенном

в каменном ящике, были зафиксированы 2 костяка: взрослый и детский – оба размещены вытянуто на спине, головами на Ю. У взрослого погребенного в области грудной клетки среди прочих бус были найдены скарабей на плакетке голубого цвета, с обратной стороны – изображение змеи; 2 амулета в виде сдвоенных цилиндров голубого цвета, 2 «амфориска» бирюзового цвета, 3 подвески-«алтарики» бирюзового цвета, подвеска в виде неизвестного лежащего животного⁵⁰.

Отметим еще несколько интересных находок из этого могильника. В 1977 г. в грунтовом погребении № 43 (3), где была погребена женщина, размещенная на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на Ю, найдены 3 подвески из прозрачного стекла в виде стилизованных сосудов, а также 2 амулета-подвески из стекла в виде дельфинов⁵¹. Дата погребения раскопщиком не определена. На наш взгляд, судя по найденному в погребении инвентарю, оно может быть датировано первыми веками н.э. Подобные же предметы, выполненные из стекловидной пасты, были встречены в погребении № 3 кургана № 3 могильника у сел. Киевское, которое отнесено Ю.А. Прокопенко к III–I вв. до н.э.⁵².

В 1977 г. на окраине ст. Шелковской было доследовано погребение первых веков н.э., из которого происходят 2 плакетки с лежащими львами, выполненными из голубой пасты. Судя по прорисовке предметов, выполненной В.А. Петренко в рукописи его кандидатской диссертации, они оба могут быть отнесены к форме 3311.03⁵³. В указанной выше публикации место их находки было определено как «из разрушенных курганов и развеянных погребений»; в рукописи диссертационного исследования – как «из разрушенного курганного погребения»; в тексте отчета об этой находке сказано: «найден летом 1977 г. на окраине станицы при прокладке водопроводной траншеи». Сведений о том, что находки происходят из подкурганного захоронения, в отчете нет⁵⁴.

Плакетка со львом найдена в 1978 г. в погребении № 29 Мартан-Чуйского 1-го могильника, относящегося к рубежу IX–X вв. н.э.⁵⁵.

В 1982 г. в случайно обнаруженном грунтовом одиночном погребении у сел. Сесаной, предварительно датированном концом I–II вв. н.э., встречена плакетка с изображением лежащего льва темно-голубого цвета и 2 пронизи-скарабея темно-голубого и темно-синего цветов. При их публикации было отмечено, что на тыльных сторонах обоих предметов размещены изображения змей⁵⁶. При ознакомлении с рисунком предметов установлено, что змея изображена только на одном скарабее, на втором присутствует иероглифический знак, состоящий из двух элементов, обведенных овалом и находящий прямое соответствие с находками варианта 3301.02⁵⁷.

В музее Галайтинской средней школы хранится плакетка из «египетской пасты» голубого цвета с лежащим львом (вариант 3311.03), найденная в 1985 г. в ходе дорожных работ на Галайтинском могильнике № 2⁵⁸.

В 1987 г. в разрушенном в ходе землеустроительных работ в каменной ящиком погребении у сел. Ишхой-Хутор в составе инвентаря конца I–II вв. н.э. были найдены: плакетка с лежащим львом темно-синего цвета (вариант 3311.03) и подвеска в виде скарабея светло-лимонного цвета, на его тыльной стороне – изображения змеи и иероглифы (вариант 3301.03)⁵⁹.

В 1988 г. в ходе строительных работ в зоне реконструкции оросительной системы на полях колхоза им. Ленина (ст. Калиновская, Наурский район ЧИАССР), были исследованы 3 курганные группы: №№ 2, 3 и 4. В погребении № 1 кургана № 3 группы 2 с погребенным, размещенным вытянуто на спине, с 3-ориентацией, среди прочих артефактов были найдены 11 подвесок в виде стилизованных сосудов. Датировка комплекса определяется в пределах II–I вв. до н.э.⁶⁰.

Кроме того, имеется и ряд случайных находок подобных же предметов. Информация об этом имеется в рукописи кандидатской диссертации В.А. Петренко.

К ним относятся стеклянные амфоровидные подвески, названные им «фигурные стеклянные бусы»: 2 – из сел. Гордали Ножай – Юртовского района, еще 2 подобных же, помеченные как «комплекс № 15», – определены как происходящие из погребения № 4 могильника у сел. Балан-Су. Однако в тексте имеется противоречие: в описании таблиц данный комплекс имеет № 136. Отметим также, что описание находок из обозначенного погребения не соответствует рисунку. Из впускного разрушенного подкурганного погребения у сел. Гвардейское известна 1 «бутылочковидная» бусина⁶¹; еще 2 – в 1972 г. были найдены в подобном же захоронении у ст. Шелковской⁶². В отчете 1973 г. этот комплекс (№ 1) был определен как условный в связи с тем, что предметы были собраны на месте кургана, снесенного при мелиоративных работах. Цвет бусин – желтый и синий, дата комплекса – III–II вв. до н.э.⁶³.

Все найденные на территории амулеты и талисманы из «египетского фаянса» отнесены нами к четырем группам по типологии, предложенной Е.М. Алексеевой. Для точного соотнесения фигурных подвесок с тем или иным типом (подтипом) необходима детальная информация о характере технологии и технике изготовления, которой имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат. В связи с этим детальная типология анализируемых здесь предметов нами не производится. В то же время некоторые уточнения все же возможны.

Группа I. Животные

Типы 1–5

1. Пронизи-скарабеи (типы 45–53). По Е.М. Алексеевой это тип фигурной формы 3301, все 3 варианта; в Чечне всего найдено 20 экземпляров.

2. Плакетки с изображением лежащего льва (типы 62–70). Фигурная форма типа 3311 – по Е.М. Алексеевой. В Чечне зафиксировано 12 подобных предметов. В нашем распоряжении нет типов №№ 63, 65, 67, 68 варианта «а», 70 (овальная подставка, поперечный канал отверстия).

3. Лягушка. 3305. Типы 54–58. В связи с тем, что факт данной находки пока не находит своего подтверждения, мы учитываем эту форму для Чечни условно.

4. Подвеска в виде головы неопределенного животного, найдена в погребении № 6 (14) Галайтинского могильника № 2 в 1974 г. Индивидуальная форма.

Группа II. Изображения человека

5. Амулеты, изображающие части тела человека. Подвеска-гениталии. Типы 84–86, форма 3706. С территории Чечни известны 2 экземпляра.

Группа IV. Изображения сосудов

Типы 14–15

6. Подвеска в виде двух спаренных цилиндриков. Типы 84–86, форма 3604. На территории Чеченской Республики найдены подобных 3 экземпляра.

7. Амфориск. Типы 79–83, форма 3601. Известно о 2 находках этих предметов в Чечне.

Группа V

Включает один тип 16

8. Подвеска-алтарик. Тип 93, форма 3711. Из Чечни 3 находки.

Все типы, по Е.М. Алексеевой, относимы к изделиям римского времени (вторая половина I в. до н.э. – III в. н.э.). Исключение составляют скарабеи (тип I), подразделяющиеся на варианты, относящиеся не только к римскому, но и позднему архаическому и эллинистическому этапам их производства, датируемым, соответственно, примерно V в. до н.э. и III – серединой I в. до н.э. В нашем случае ранних форм (судя по имеющимся прорисовкам предметов) погребальные комплексы на территории Чечни не демонстрируют. В то же время в комплекс 1965 г. у сел. Пригородное входит скарабей с изображением идущего льва, который может быть сопоставлен с более ранними образцами, датированными Е.М. Алексеевой временем от 2-й половины VI до 1-й половины V в. до н.э.⁶⁴.

Дату изготовления скарабеев, помимо изображений на их тыльных сторонах, могут уточнить некоторые технологические приемы. Так, например, для изделий ранних форм, датированных второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э. характерны узкие каналы отверстий, чего публикаторы материалов из Чечни ни разу не отметили. По наблюдению Е.М. Алексеевой, большинство геометрических форм, а также основная масса фигурных изделий, в том числе из стекла, приходится на I–II вв. н.э. В это время использовались в основном фиолетовый, синий, зеленый и желтый цвета; знаки на обратной стороне исчезают, кроме самого простого – в виде змеи: он в это время обычен для скарабеев, особенно варианта 03. Изображения на их тыльной стороне в виде идущего сфинкса, идущего и лежащего льва с солнечным диском, 2 борющихся, либо идущих друг от друга животных, короны атэф, женщины с 2 животными датируют эти предметы второй половиной VI – первой половиной V в. до н.э.; сидящей обезьяны – I в. до н.э. – I в. н.э. Рисунок птицы, вероятнее всего, относится к I в. н.э., змеи, обведенной бороздкой – к I–II вв. н.э., хотя возможно и их более позднее существование. Фигуры в виде стоящего человека, лежащего сфинкса, птицы, змеи, иероглифа «жизнь» относятся к I – началу III вв. н.э.⁶⁵.

Исходя из этих особенностей, датировки подобных находок на территории Чечни не выходят за рамки их изготовления и наиболее интенсивного использования, с учетом времени на перемещение при транзитной торговле либо иных событий (военные походы, данничество, брачные отношения). В то же время их применение в качестве датирующих предметов в горных условиях, на наш взгляд, серьезно ограничены, прежде всего – в связи с длительным существованием многих типовых предметов (украшения, керамика) предшествующих эпох. Это особенно характерно для тех этнических сообществ, погребальные памятники которых формировались длительное время и на одной и той же территории. Некоторые предметы предшествующих эпох использовались в последующие эпохи, в том числе – в сарматское время. Бытование в более поздних комплексах предметов более раннего времени и даже эпох было зафиксировано как в сарматских памятниках Предкавказья, так и в погребениях горно-предгорной зоны⁶⁶.

Тезис о значительном запаздывании амулетов и талисманов из «египетского фаянса» для территории Чечни на тех материалах, которые в настоящее время доступны для изучения, не находит своего весомого подтверждения: лишь 2 предмета из 45 встречены в раннесредневековых погребальных комплексах, и 2 скарабея (курган № 4, Алхан-Кала и погребение у сел. Пригородное), возможно, пережили основное время их использования на 1–2 столетия. Находки из «египетского фаянса» фигурного типа на плоскости найдены в 5 погребениях, одно из которых (сел. Мартан-Чу) относится к эпохе раннего Средневековья. В горной зоне изучаемые нами предметы были обнаружены в 10 погребениях, лишь одно из них (Харачоевский могильник) – средневековое. В то же время вещевые наборы комплексов, изученных на плоскости, имеют больше возможностей для определения «узких» дат. В этой связи находки фигурных предметов из «египетской пасты» и стекла могут, на наш взгляд, более обоснованно привлекаться в качестве маркирующих временных признаков.

Относительно количества фигурных форм из «египетского фаянса»: в горной зоне Чечни найдено 25, на плоскости – 20 экземпляров, там же больше и типологическое разнообразие форм – 7 категорий против 3. Среди наиболее популярных подвесок – львов и скарабеев – количество первых больше в горах, чем на плоскости – 12 против 4, вторых – наоборот: в горах найдено 5, на плоскости – 15 экземпляров.

В изделиях из «египетской пасты» преобладают синий и голубой цвета, который более всего характерен для гениталий, двойных цилиндриков и фигурок львов, размещенных на плакетках только прямоугольной формы. Среди скарабеев,

помимо голубого, имеются изделия из пасты зеленого и лимонного цвета. Единичные формы (лягушка, амфориск, «алтарики») – зеленого и бирюзового цветов. На территории Чечни нет ни одной находки антропоморфного типа, выполненной из «египетской пасты». Кроме того, отсутствуют и предметы, отнесенные Е.М. Алексеевой к группе III, – «растительные мотивы» (типы 17–18).

Из общего числа учтенных предметов (45 находок) 6 входят в состав различных коллекций либо найдены в культурных слоях поселений, 18 – из разрушенных погребений, в которых погребальный обряд остался неустановленным, либо были найдены случайно, и 21 находка известна из погребений, где были зафиксированы как погребальные сооружения, так и обряд захоронения. Всего нами учтено 14 внекомплексных находок, 31 предмет присутствует в составе комплексов. Выделение части из них достаточно условно, т.к. некоторые погребения при их обнаружении были уже потревожены.

Относительно пола и возраста погребенных: установлено их нахождение в 1 женском, 1 мужском и 1 детском погребении. В связи с тем, что все находки из погребения № 6 (14) Галайтинского могильника № 2 были обнаружены на мужском костяке, при статистических подсчетах они учитываются как найденные у взрослого погребенного, хотя захоронение было двойным – рядом со взрослым был зачищен и костяк ребенка. Фигурные украшения из стекла обнаружены в женском погребении № 43 (3) Галайтинского могильника № 2.

Исследуя наборы амулетов из 17 детских погребений некрополя Кобякова городища, датированных I–II вв. н.э., В.М. Косяненко обнаружил в 13 из них изделия из «египетской» пасты в виде фигурки Гарпократы, грозди винограда, плакетки со львом, изображения кисти руки («кукиш»)⁶⁷. По его наблюдениям они, как правило, встречаются с другими предметами, наделяемыми магическими или очистительными свойствами. Помимо детских, амулеты встречаются и в женских погребениях, по его данным – значительно реже. Их обилие именно в погребениях детей свидетельствует об особом отношении хоронивших, о желании снабдить эту категорию умерших большим количеством «необходимых средств» для благополучного «перехода» в иной мир. По мнению исследователя, подобные амулеты в целом «осуществляли» связь между мирами, между небом и землей. В Заманкульском кургане (кладбище № 2) известна серия египетских амулетов из голубого фаянса: 2 фигурки Гарпократы, выполненные в различных стилях, фигурка Беса, «кукиш», «сдвоенные цилиндры», «амфориск» и «гениталии». В.Л. Ростунов и Е.И. Березин, публикуя эти материалы, указали, что «находки египетских амулетов связаны с детскими захоронениями: № 51 кургана 2 – 2 фигурки Гарпократы «кукиш», «сдвоенные цилиндры» и «гениталии»; и № 70 того же кургана – «Бес» и «амфориск». В то же время, исходя из описания и чертежа погребения № 51, в катакомбе ребенка сопровождал костяк молодой женщины в возрасте 16–18 лет со связанными за спиной руками, которое авторы публикации интерпретировали как «захоронение ребенка с принесением ему в жертву женщины». В целом Заманкульские курганы датированы авторами III в. до н.э. – 2-й половиной I в.н.э.⁶⁸.

К фигурным изделиям из стекла, найденным на территории Чечни, относятся: 2 подвески в виде дельфинчиков и 3 – в виде стилизованных сосудишков-амфорок (погребение № 43 (3) Галайтинского могильника № 2); 11 подвесок-амфорок из погребения № 1 кургана № 2 группы II Калиновского могильника, 11 подобных же форм – из погребения № 19 Ханкальского могильника и 3 – из погребения № 5 могильника на горе Лехкч-Корт, 2 – из сел. Гордали, 2 – из могильника у сел. Балан-Су, 1 – ст. Гвардейская, 2 – ст. Шелковская. Всего из подкурганых погребений происходит 14 фигурных подвесок, из погребений горно-предгорной зоны – 24 подобные находки. На этой территории известны 2 разновидности форм фигурных изделий, тогда как в подкурганых погребениях – только одна.

Цвет т.н. «амфоровидных подвесок» в основном синий, изредка присутствуют изделия из бесцветного стекла и в одном случае (ст. Шелковская) – желтый.

Некоторые из фигурных стеклянных предметов (в виде стилизованных сосудикув), на наш взгляд, имитировали амулеты из «египетского фаянса». Так, подобные предметы были найдены в Дагестане⁶⁹, Чечне⁷⁰, на Ставрополье⁷¹ и других территориях. Вполне вероятно, что бусы из голубого или синего стекла в форме сосудикув, повсеместно встречающиеся в сарматских погребениях начала н.э., своими прототипами имели идентичные предметы, которые, в свою очередь, могли быть произведены под влиянием похожих изделий из «египетского фаянса» на базе местных мастерских, расположенных не только в районе Северного Причерноморья. Эта тема, по мере накопления новых данных, нуждается в дополнительном исследовании. Здесь же отметим, что т.н. «амфоровидные подвески» изготавливались из различных материалов: стекла, золота, биллона, «египетского фаянса», гагата, полудрагоценных твердых камней, кораллов, причем в каждом материале они имели своеобразные очертания. По данным Е.М. Алексеевой, в Фанагории была найдена форма для их отливки в стекле, которая копировала изделия, привезенные из Средиземноморья. Еще один обломок формы для изготовления подобных изделий найдена в Ольвии⁷². Их прототипы известны из памятников позднего этапа восточного варианта кобанской культуры. В.И. Козенковой среди прочих бус был выделен тип XIII: «подвески фигурных форм, имитирующих сосуды». Он состоит из 2 вариантов: разновидность № 1 – из глухого стекла желтого или синего цвета; 2 бусины – из погребения № 4 могильника у сел. Ножай-Юрт и могильника у сел. Бетти-Мохк (раскопки 1958 г.); еще одна – в культурном слое Сержень-Юртовского поселения VII – V вв. до н.э. Разновидность № 2 – «в виде амфоры из прозрачного бесцветного стекла» – из погребения № 30 Лугового могильника, в засыпке погребения № 2 могильника у сел. Гендерген (работы 1969 г.) и 2 – находки Н.С. Семенова в каменных ящиках у сел. Курен-Беной⁷³. В публикации материалов раскопок Лугового могильника в погребении № 30 подобной бусины нет. При этом отмечено, что в могильнике большинство бус было синего цвета⁷⁴.

Е.М. Алексеева считала, что подвески в виде сдвоенных цилиндров символизировали форму каких-то сосудов, например, сдвоенных стеклянных. Так, в Египте были распространены двойные корзиночки для перевозки, скрепленные шнурком или проволокой. Ею же было замечено, что эта форма находит параллели среди бронзовых подвесок. Их дата – конец I – начало II в.н.э.⁷⁵. Относительно амулетов в виде сдвоенных цилиндров заметим, что традиция их использования могла быть связана с ритуалами, в которых участвовали и иные формы, выполненные из другого материала. При этом их утилитарная функция, не связанная с куклами, на наш взгляд, маловероятна. В то же время, наблюдение относительно подвесок в виде сдвоенных цилиндров, свитых их тонких бронзовых пластинок, как одной из возможных форм воплощения религиозных представлений с их применением в культовой практике, более правдоподобно. Некоторые экземпляры имеют ушки для подвешивания, другие – без них. Подобные предметы отнесены Е.М. Алексеевой к типу 25. Ею же там же были учтены и другие предметы культа: т.н. подвески-амулетницы в виде цилиндрика, изготовленные также из тонкой пластинки и стянутые пластинчатыми обоями, переходящими в петли – тип 30. Внутри последних были найдены фрагменты костей и ткани. Известны и их аналогии, выполненные из стекла, датированные IV в.н.э., выделенные Е.М. Алексеевой в тип № 199⁷⁶. Иногда формы типа 25 изготавливались из драгоценных металлов⁷⁷. Известны они и на Северо-Восточном Кавказе⁷⁷. Они были широко распространены в позднескифских погребениях Северного Причерноморья, датированных первыми двумя веками н.э.⁷⁹. В последующем формы типа 30 (по Е.М. Алексеевой) продолжали находить, но

уже в погребениях следующего исторического периода⁸⁰. Возможно, столь долгое использование подобных предметов было связано с сохранявшимися религиозными представлениями и обрядовыми действиями, имеющими надэтнический характер и длительное переживание. Их формирование происходило в условиях образования этнических сообществ раннежелезного века, когда складывались общие для большинства из них элементы материальной и духовной культуры⁸¹. Эти процессы продолжались и последующие эпохи.

Некоторые формы и изображения, близкие к изучаемым нами предметам, встречаются и в дальнейшем. Например, Ю.А. Прокопенко в своих сводках, посвященных сасанидским геммам и инталиям из памятников Северного Кавказа, среди прочих приводит находку со щитком овальной формы с изображением льва, происходящую из сел. Камунта, и подобный же предмет – с изображением тигра с поднятыми лапами⁸². Характер изображения гривы первого животного, переданной косыми параллельными штрихами, напоминает манеру, присущую фигуркам на плакетках, в том числе – овальной формы, встреченных в погребениях начала н.э., а рисунок тигра по своим внешним признакам вполне сопоставим с фигуркой львицы на плакетке из катакомбы № 3 Подкумского могильника⁸³. Им же приведено мнение М.И. Максимовой о том, что печати, как и амулеты, несли в себе сакральные функции⁸⁴. Представления о роли этих предметов, сформировавшиеся у исследовательницы на материалах Закавказья⁸⁵, на наш взгляд, вполне применимы к практике их последующего использования в роли амулетов и талисманов, в том числе среди населения Дагестана и Центрального Предкавказья. Жители этих территорий вплоть до недавнего времени использовали геммы как обереги, т.к. они, по мнению их владельцев, обладали «целебными свойствами» при лечении болезней⁸⁶. Конечно, следует иметь в виду, что полудрагоценные камни, из которых они были изготовлены, сами по себе считались у народов Кавказа предметами, обладающими магической силой⁸⁷. Подобным же образом использовались и некоторые анализируемые нами образцы. Так, В.Ф. Миллер в Атажукинском ауле (КБР) отметил наличие в ожерелье одной из девушек плакетку с фигуркой льва из «египетской» пасты голубого цвета, до этого случайно найденную в земле⁸⁸. Скарабей с иероглифами на тыльной стороне могли быть в последующем использованы в качестве именных печаток, в том числе, в процессе утверждения в крае ислама, особенно – на его начальной стадии в эпоху раннего Средневековья. Об этом косвенно может свидетельствовать эпизод с «прочтением» одним из дагестанских мулл текста, помещенного на оборотной стороне скарабея, найденного в Ичкерии, приведенного в «Терских ведомостях»⁸⁹. Практика изображений на тыльной стороне скарабеев имен частных лиц была распространена в более ранние периоды⁹⁰. Именно скарабей с присущей им символикой хтонического характера использовались в древности как печати, которые, по мнению их владельцев, могли придавать скрепляемым ими посланиями особую силу⁹¹. Тема, связанная с причинами использования предметов предшествующих эпох на Кавказе нуждается в отдельном комплексном анализе с привлечением данных, имеющих отношение к религиозно-магическим практикам.

Примечания (Endnotes)

1. *Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР // СА. 1958. № 1. С. 26.

2. *Нариманишвили Д.* Египетские амулеты III–II тыс. до н.э. на Южном Кавказе // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы международной конференции. Тбилиси, 2011. С. 221–222.

3. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1–12. М., 1975. С. 27.
4. *Миллер В.Ф.* Терская область: археологические экскурсии // МАК. М., 1888. Вып. 1.
5. В ходе охранно-спасательных раскопок на территории строительства Кашхатауской ГЭС в Черекском районе КБР было изучено около 1200 погребений, в том числе – сарматского периода. См.: *Атабиев Б.Х.* Археологические открытия в Кабардино-Балкарии // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ, 2008. С. 13. Согласно сообщению руководителя экспедиции Б.Х. Атабиева, к ним относится несколько сотен захоронений; в составе инвентаря присутствуют в том числе амулеты и талисманы из «египетского фаянса». Материалы пока не опубликованы.
6. *Миллер В.Ф.* Терская область: археологические экскурсии // МАК. Вып. 1. М., 1881. Табл. XXII, XXVI; ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. CCL, CCLXXXIV, CCCII; *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1900. С. 138, 160, 233, 332. Рис. 116–118, 195, 261, 262, 264–265; Табл.: LXXII, LXXV; *Zichy Jenő Prof.* Caukasusi es Közepzai Utazasai comte euqenedie Zichy Voyages au Caucase et Asie Centrale. Budapest, 1897. Т. II. Pl. 1–10; B. Touraieff, Objets egyptiens et egyptisants trouves dans la Russie meridionale. Revue Archeologique. Т. XVIII (1911). С. 20–35.
7. *Тураев Б.А.* Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XI. СПб., 1898. С. 115–164; *Он же.* Описание египетских памятников... Т. XII. СПб., 1899. С. 179–217; *Коростовцев М.А.* Древнеегипетские находки в СССР // ВИМК. 1957. № 2. С. 72–87; *Крупнов Е.И.* О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // ВИМК. 1958. № 1. С. 72–82.
8. *Пиотровский Б.Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. М., 1931. № 6. С. 28–30; *Он же.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1. С. 20–27.
9. *Крупнов Е.И.* О древних связях юга СССР... С. 72–82.
10. *Виноградов В.Б.* Египетские амулеты у населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа первых веков н.э. // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. М., 1965. С. 7–8; *Он же.* Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Известия КБНИИ. Вып. XXV. Нальчик, 1967. С. 128–146; *Он же.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 39–54.
11. *Пиотровский Б.Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. С. 29–30.
12. *Алексеева Е.М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н.э. – IV в.н.э. в Северном Причерноморье // КСИА. М., 1972. Вып. 130. С. 3–11; *Она же.* Массовые украшения населения античных государств Северного Причерноморья // Автореферат дисс. ... к.и.н. М., 1972; *Она же.* Античные бусы Северного Причерноморья. Вып. Г1–12. Ч. I. М., 1975; Ч. II. М., 1978; Ч. III. М., 1982.
13. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 193. Рис. 3, 9–15, 17, 27–35, 39–42.
14. *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 21–23. Рис. 2.
15. *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в.н.э. Ставрополь, 1999. С. 44–46; С. 184–188. Рис. 17–21.
16. *Расулова М.М.* Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. – III в.н.э. Баку, 2008. С. 165–170.
17. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в Древности и Средневековье VI в. до н.э. – XII в.н.э. М., 2008. С. 70–72; С. 359. Рис. 140, 6–10, 14–17, 21.
18. *Буркова А.А.* Новые находки египетских амулетов из Ичкерии // Тезисы докладов и сообщений III зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1991. С. 46–47.
19. Так, помимо находок последнего времени из Кабардино-Балкарии, укажем на наличие амулетов и талисманов из «египетского фаянса» в ряде погребений «больших Заманкульских курганов» (Раскопки В.Л. Ростунова). На эту тему – см.: *Ростунов В.Л., Березин Я.Б.* Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 21.

20. *Моисеева А.В.* Египтологическая тематика в творческом наследии Б.Б. Пиотровского // Новик: Сборник научных трудов студентов Воронежского госуниверситета. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 5–8; *Горюнов Г.В.* Египетский музей академии наук // Этнографические чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1999. С. 15–16; *Неверов О.Я.* Египетская тематика в магических амулетах времени Римской империи // ВДИ. 2000. № 4. С. 154–158; *Дзарасов А.А.* Торговля и обмен на Северном Кавказе в первые века н.э. Владикавказ, 2004. С. 133–162.
21. *Мошева О.Н.* Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2010. Вып. № 11. С. 147–170; *Воронятов С.В.* Египетский фаянс на поселенческих памятниках северной периферии античного мира // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2011. Вып. 12. С. 100–101.
22. *Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю.* Амулеты из египетского фаянса с территории горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (32). 2007. С. 77–80.
23. *Малышев А.А.* Коллекция античных древностей из Ставропольского краеведческого музея // ВДИ. 1993. № 2. С. 241; *Кравцова С.Л.* О коллекции египетских древностей из Ставропольского государственного краеведческого музея // «Прозрителевские чтения», Ставрополь, 2005. Вып. 1. С. 69–72; Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 55. Рис. 26, 1–6, 9; *Косяненко В.М.* Наборы амулетов из детских погребений некрополя Кобякова городища // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. Кисловодск, 1994 (в сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 519); *Бабенко В.А., Березин Я.Б.* Сарматские погребения могильников Айгурский – 2 и Барханчак – 2 (Северное Ставрополье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь, 2009. С. 287, 289. Рис. 8, 7, 12; *Гаглойти Р.Х.* Античный мир и Южная Осетия (I–IV вв. н.э.). К вопросу торгово-экономических связей. Владикавказ, 2003. С. 45; С. 113. Табл. V, продолжение, 75–80; *Наримашивили Д.* Египетские амулеты 3–2 тыс. до н.э. на Южном Кавказе // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы международной конференции. Тбилиси, 2011. С. 221–222.
24. *Петренко В.А., Мирзоянц А.А.* Амулеты из египетского фаянса и их роль в культурно-бытовой практике кавказцев // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный, 1985. Вып. II. С. 48–49; *Бурков С.Б., Мирзоянц А.А.* О проникновении и распространении амулетов из египетского фаянса на территорию Предкавказья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье: Тезисы докладов к семинару. Донецк, 1987. С. 5–7; *Буркова А.А.* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Центрального Предкавказья: (дипломная работа). Грозный, 1987; *Она же.* Стекланные подвески из сарматских подкурганов погребений (Калиновский могильник) // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии: Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции. Грозный, 1990. С. 11; *Она же.* Новые находки египетских амулетов из Ичкерии // Тезисы докладов и сообщений III зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1991. С. 46–47; *Бурков С.Б.* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Чечни // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития». Грозный, 2011. С. 543–545.
25. Предварительная информация в тезисной форме, без учета фигурных форм из стекла, опубликована автором. См.: *Бурков С.Б.* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Чечни // Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Грозный, 2011. С. 543–545.
26. *Виноградов В.Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 39; *Семенов Н.С.* Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах // Отгиск газеты «Терские ведомости», 1890.
27. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху... С. 140; Табл. 67, 16.
28. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.М.* Н.С. Семенов – первый археолог и краевед Чечни // История науки и техники. 2012. № 7. С. 148.
29. *Семенов Н.С.* Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах // Отдельный оттиск «Терских ведомостей» за 1890 г. С. 4.

30. Газета «Терские ведомости». №№ 76, 81, 83, 87.
31. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1966. С. 90–91.
32. Полный научный отчет СКАЭ за 1958 г. М., 1959 // Научный архив ИА АН РАН, р-1, № 1818.
33. *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи раннего Средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008, С. 8 (Коллекция хранится в фондах Государственного Эрмитажа. № 451. Ссылка на труд Н. Семенова 1890 г., приведенная нами выше, неверна).
34. Согласно данным регистрационного учета, коллекция поступила в Государственный Эрмитаж по частям: из ГАИМК – 3 января 1931 г.; из Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) – 18 февраля 1932 г. Благодарю Ю.Ю. Пиотровского за подробную информацию по данному вопросу.
35. *Уварова П.С.* Могильники и курганы Кавказа. Древности: Труды Московского археологического общества. 1894. Т. XV. Вып. 1. «Протоколы», приложение № 2 к протоколу № 324. С. 87.
36. *Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1955. С. 7; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. VI. С. 74; С. 203. Рис. 29.
37. *Виноградов В.Б.* Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного // СА. 1960. № 3. С. 309–310. Рис. 1, 1–4; *Он же.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С. 84.
38. *Виноградов В.Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 212–213. Рис. 8, 1–2. Ссылка на рисунок в книге В.Б. Виноградова и В.И. Марковина указана неверно – см.: *Виноградов В.Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. С. 213. Сноска № 1. Указана С. 156. Рис. 3–18, тогда как текст описания комплекса размещен на С. 120, а рис. – в табл. № 4, 3–10.
39. *Виноградов В.Б.* Тайны минувших времен. М., 1966. С. 108–109; *Он же.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 42.
40. *Марковин В.И.* Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // АЭС. Т. 1. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. VIII. Вып. 1. Грозный, 1966. С. 133.
41. *Виноградов В.Б.* Отчет о работе 1-го отряда СКАЭ // Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Умаров С.Ц. Полный научный отчет СКАЭ о ее работах 1967 г. М., 1968. Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3450. Рис. 13, 6; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Новые источники по изучению сарматской эпохи в Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С. 66; *Петренко В.А.* Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке // СА. 1980. № 1. С. 279. Рис. 3, IV, 4; С. 280.
42. *Виноградов В.Б.* Отчет о работе 1-го отряда СКАЭ // Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Умаров С.Ц. Полный научный отчет СКАЭ о ее работах 1967 г. М., 1968. Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3450. Л. 36. Рис. 32; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (Юго-Восточная Чечня) // СА. 1974. № 1. С. 174. Рис. 3, 6–8, 12.
43. *Багаев М.Х., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц.* Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии // АО. 1968. М., 1969. С. 88.
44. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Раскопки второго Ханкальского городища // АО. 1970. М., 1971. С. 115.
45. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Армавир, 1999. С. 13.
46. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 18. Рис. 2, 26; С. 20–23; *Петренко В.А.* Культура населения Центрального Притеречья в сарматскую эпоху (III в до н.э. – IV в.н.э.): Рукопись канд. дисс. ... С. 18; *Буркова А.А.* Стекланные подвески из сарматского подкурганного погребения (Калиновский могильник) // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии: Доклады и сообщения региональной научной конференции. Грозный, 1990. С. 11.

47. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 4979, 4979 «а»; *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья... Табл. № 1, 8, 10 – комплекс № 18; *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тыс. до н.э. – XVIII в.н.э. (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 54. Рис. 5, 28–29.
48. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в Древности и Средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М., 2008. С. 79. Табл. № 2.
49. *Багаев М.Х.* Отчет о работе отряда археологической экспедиции ЧИГУ в 1974 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 5430; *Он же.* Культура горной Чечни и Дагестана в Древности и Средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М., 2008. С. 70–71; С. 197; С. 239. Рис. 7, 4–5; С. 359. Рис. 140, 14–15.
50. *Багаев М.Х.* Отчет о работе отряда археологической экспедиции ЧИГУ в 1974 г. // Архив ИА АН РАН, р-1, № 5430; *Багаев М.Х., Козенкова В.И.* Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 108; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в Древности и Средневековье (VI в. до н.э. – XII в.н.э.). М., 2008. С. 70–71; С. 198; С. 354. Рис. 135, 15–22; С. 136; С. 359. Рис. 140, 6–10.
51. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана... С. 140. Рис. 16; С. 205; С. 274. Рис. 44, 1, 12.
52. *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. Рис. 59, 16–17.
53. *Петренко В.А.* Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО 1977 г. М., 1978. С. 136; *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тыс. до н.э. – XVIII в.н.э. (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 44, 46, 55. Рис. 5, 6–7; *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Грозный, 1980. Табл. № 96, 16–17.
54. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия... С. 46; *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Рукопись... С. 50; *Петренко В.А.* Отчет о полевых работах 3-го отряда ППАЭ в 1977 г. Грозный, 1987 // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 6798.
55. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 19. Рис. 10, 54.
56. *Буркова А.А.* Новые находки египетских амулетов из Ичкерии // Тезисы докладов и сообщений III зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1991. С. 47.
57. *Алексеева Е.М.* Указ. соч. Табл. 9, 40; Табл. 10, 25.
58. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана... С. 209; С. 300. Рис. 73, 5; С. 359. Рис. 140, 21.
59. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г 1–12. Табл. 10, 21. Находками из сел. Сесаной мы обязаны жителю г. Грозного С.А. Мисирбиеву, а из сел. Ишхой-Хутор – А.И. Вашаеву. Авторы благодарны В.Б. Виноградову и Д.Ю. Чахкиеву за переданные материалы и возможность их публикации. До настоящего времени комплексы были представлены тезисно. См.: Буркова А.А. Новые находки... С. 46–47.
60. *Ростунов Е.В.* Новые погребения сарматского времени Калиновского курганного могильника // Тезисы докладов и сообщений II зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1990. С. 18–19; *Буркова А.А.* Стекланные подвески из сарматского подкурганного погребения (Калиновский могильник) // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии: Доклады и сообщения региональной научной конференции. Грозный, 1990. С. 11. В тех же Калиновских курганах в 1988 г. была сделана еще одна находка фигурной формы из «египетского фаянса», однако, в связи с неподготовленностью отчета по результатам раскопок Б.М. Хашагульгова установить

ее точную форму и место среди выявленных погребений будет возможно только после знакомства с полевыми чертежами, находящимися в настоящее время в фондах Центра археологических исследований Армавирского госпедуниверситета.

61. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху... Табл. № 67, 26–27; Табл. № 58, 23–24; Там же. С. 2; Табл. 3, 7.

62. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия... С. 54. Рис. 5, 28–29.

63. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973 // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 4979.

64. *Алексеева Е.М.* Указ. соч. С. 42.

65. *Алексеева Е.М.* указ. соч. С. 28–29; С. 41–42.

66. *Петренко В.А.* Архаизмы в материальной культуре сарматского времени Предкавказья // XI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Новороссийск, 1981. С. 57–59; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана... С. 96, 99–100.

67. *Косяненко В.М.* Наборы амулетов из детских погребений некрополя Кобякова городища // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. Кисловодск, 1994 – в сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 519.

68. *Ростунов В.Л., Березин Я.Б.* Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2. С. 55. Рис. 26, 1–6, 9; *Ростунов Е.И., Березин Я.Б.* Скифо-сарматский период... С. 14; С. 34. Рис. 5, 3; *Березин Я.Б., Ростунов В.Л.* Сарматские подкурганные могильники у сел. Заманкул (Северная Осетия) // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях Древности и Средневековья: Сборник докладов международных семинаров. Кисловодск, 1994. С. 47.

69. *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией... С. 22.

70. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 18. Рис. 2, 26; С. 20.

71. *Рунич А.П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 243. Рис. 8, 36.

72. *Алексеева Е.М.* Указ. соч. С. 50.

73. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. В2–5. М., 1982. С. 63. Табл. XXXIX. 32, 34.

74. *Мунчаев Р.М.* Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 159; С. 209.

75. *Алексеева Е.М.* Указ. соч. Табл. I, 4; Типы 84–86.

76. *Алексеева Е.М.* Указ. соч. С. 25; С. 95. Табл. 42, 15, 16; С. 26; С. 95. Табл. 42, 17, 19; Там же. табл. 34, 49.

77. *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 124. Рис. 6, 17.

78. *Кеферов Б.М.* Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 164. Рис. 28, 11; Археология Северной Осетии. Ч. 2. С. 53. Рис. 24, 8.

79. *Сымонович Э.А.* Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // Проблемы скифской археологии (МИА–177). М., 1971. С. 71. Рис. 3. VII, д; С. 72.

80. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М., 2005. С. 275. Рис. 41, 21; С. 280. Рис. 46, 23; С. 283. Рис. 49, 11; С. 293. Рис. 59, 14; С. 294. Рис. 60, 7; С. 314. Рис. 82, 32.

81. *Туалагов А.А.* Северный Кавказ: от скифов до ранних алан. Владикавказ, 2007. С. 53–55.

82. *Прокопенко Ю.А.* Сасанидские геммы из памятников Северного Кавказа (каталог) // Древности Юга России. М., 2008. С. 372. № 36; Рис. 2, 4; № 61. С. 383; *Он же.* Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа //

Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. 1. С. 45. № 36. Рис. 2, 4; № 61. Гемма с изображением льва дана по: *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VIII. М., 1900. Табл. СХХVII, 14; с изображением тигра – Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1890 г. № 13.

83. *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры... Рис. 9, 19.

84. *Прокопенко Ю.А.* Сасанидские геммы из памятников Северного Кавказа. С. 385.

85. *Максимова М.И.* Геммы из некрополя Мцхеты – Самтавро (раскопки 1938–1939 гг.) // Вестник государственного музея Грузии. Тбилиси, 1950. Вып. 16. С. 274.

86. *Прокопенко Ю.А.* Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа. С. 54.

87. *Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929. С. 23–30.

88. *Миллер В.Ф.* Терская область: Археологические экскурсии. С. 114.

89. *Будаев Г.* Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах // Терские ведомости. 1890. № 83.

90. *Расулова М.М.* Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании... С. 166.

91. *Эдакое А.В.* Египетские скарабеи в Скифии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 139–142.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ИНГУШЕТИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

С древнейших времен основными путями сообщения в горах Ингушетии были дороги, шедшие по дну ущелий горных рек, и горные тропы. Для переправы через горные реки (там, где это было необходимо) наводились мосты с каменной основой и настилом из бревен и жердей. Над глубокими ущельями наводились подвесные мосты из канатов, жердей и веток. Мосты были непрочными. Весной, во время таяния снега, их часто сносило потоками горных рек. Благоустройство и содержание дорог и мостов в исправном состоянии добровольно брали на себя жители того ущелья (общества), через которые проходили дороги и находились мосты. Они же, в случае разрушения моста и перекрытия дороги из-за камнепада или из-за снежного обвала, очищали дороги, ремонтировали или заново наводили мосты.

В Древности и Средневековье по территории Ингушетии проходили торговые пути. На территории Ингушетии участки трассы средневековых торговых путей можно определить по концентрации на этих участках: в горной зоне – башенных поселений, в предгорно-плоскостной зоне – укрепленных городищ.

После того, как в послегуннский период перестал функционировать степной путь по Северному Прикаспию до устья Дона, торговля с Европой, в основном, шла через Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа. С VI в. большое значение приобретают кавказские перевальные трассы шелкового пути (инг. «Даьриникъ» – «Дорога шелка»). В основном, до причерноморских греческих колоний караваны проходили по перевалам Северо-Западного Кавказа. Но караваны к Черноморскому побережью шли также от Дербента по предгорно-плоскостной зоне Северного Кавказа.

По территории современной Ингушетии основная трасса торгового пути шла по долине р. Сунжи. На плоскости дорога раздваивалась. Одна ветвь шла через Ачалукский проход в Сунженском хребте и через Терский хребет – в Маджары (совр. Буденновск). Вторая ветвь – до р. Камбилеевки, по течению Камбилеевки и далее по Тереку на северо-запад (к Эльхотовским воротам – осет. «Арджи Нараг»; инг. «Aɾɣli Naɾaɾ» – «Ворота [Сунженского] хребта»).

На всем протяжении караванных путей возникали укрепленные городища – крепости, которые контролировали участки Великого шелкового пути. На плоскости и в предгорной части Ингушетии на сравнительно небольшой по площади территории их зафиксировано более 40. Стены городищ были укреплены башнями, аналогичными башням, известным в горах Ингушетии. (Башни на плоскости были каменно-турлучные или турлучные; для каменного строительства не была пригодна мягкая почва). Большая группа городищ-крепостей расположена вдоль рек Сунжи, Назранки, Камбилеевки, Ачалуки. Возникновение этих укрепленных поселений было связано в основном с необходимостью контролировать территории, через которые проходили караванные пути. Местное население само участвовало в торговле, а также получало прибыль от охраны торговых путей.

В этот период по перевальным путям Центрального и Северо-Восточного Кавказа в основном, судя по подъемному материалу из могильников с прилегающей территории, развивалась торговля северокавказского населения с закавказскими

странами. Торговые пути по территории Ингушетии от Дарьяльского ущелья (инг. «Даъри Аъли» – «Ущелье шелка») шли по нескольким направлениям: по Тереку (через Эльхотовские ворота); через Арамхинское ущелье и далее через Чулхойское ущелье в Ассинское ущелье, затем одна ветвь шла на восток – в Цори и далее – в Аргунское ущелье, другая – через Ассинское ущелье на плоскость и т.д.

В XIII в., когда Предкавказье было захвачено монголами, караванные пути на плоскости перестают функционировать. Городища на плоскости были уничтожены. Торговый путь полностью перемещается в горы. В районе Дербента караваны уходили в горы и выходили на плоскость только у Черного моря¹.

На территории Ингушетии горная ветвь пути шла по ущелью реки Гулойхи, вдоль расположения башенных поселений Гули (Гул), Цори, Пялинг, Ний, Йовли, Вовнушки и т.д. Одна из ветвей сворачивала на Барах и оттуда выходила к Таргиму. В Таргимской котловине располагался большой базар, упоминаемый в ингушском фольклоре. На запад от Таргима дорога шла мимо Эгикала по ущелью р. Чулхи. Здесь дорога раздваивалась – одна шла через Тумгойское ущелье, другая – через Хули, и далее обе дороги выходили в ущелье реки Арамхи. Оттуда через Арамхинское ущелье путь продолжался на запад. Одна дорога шла на Джейрах а затем на запад. Вторая дорога, через перевал Гирте, выходила в район Ангушта (верховья р. Камбилеевки). Часть пути проходила немного севернее – по ущелью р. Фортанги, через ущелье Эги-чож (в этом районе исследователями отмечены мощные башенные поселения замкового типа), затем выходила в район сс. Даттых – Галашки, далее – в район Ангушта и – на запад. Торгово-транспортный путь, проходивший по территории горной Ингушетии, в ингушском фольклоре называется «ПалгIай никъ» («Дорога ингушей»)².

На всем протяжении прохождения участков Великого шелкового пути в Горной Ингушетии возникали мощные каменные башни и поселения замкового типа.

Башни ингуши строили с глубокой древности, но в XIII в. развитие башенного строительства, благодаря переносу трассы шелкового пути полностью в горы стало более интенсивным, т.к. контроль над торговыми путями давали местному населению средства, с помощью которых они могли вести и развивать башенное строительство. По мере того, как в XIV–XV вв. караванов становилось меньше, массовое башенное строительство в Горной Ингушетии начинает затухать, хотя строительство единичных башен продолжалось до начала XIX в.³.

В Древности и в Средневековье на главных путях выставлялись заставы, которые охраняли дороги и взимали плату за проезд. Во многих местах Горной Ингушетии археологами зафиксированы места, где находились подобные заставы – в таких местах дорога перекрывалась заградительной стеной высотой до 3,5–4 м⁴.

Ниже приводится описание одной из таких застав: «Вовнушкинская заградительная стена. С южной стороны непосредственно к скальному утесу с пос. Вовнушки примыкала высокая каменная позднесредневековая заградительная стена, имевшая широкие запирающиеся арочные ворота. У последних постоянно находилась хорошо вооруженная стража, контролирующая местный участок военно-транспортной магистрали (т.н. «Дорогу ингушей») и взимающая подати с прохожих (порохом, металлами, тканями, скотом и пр.). В стене имелись боевые площадки, ниши, бойницы для стрельбы и наблюдения, оконные проемы. Сверху на стене размещались крупные камни, сбрасываемые на осаждавших. Толщина стены у основания – 0,55 м. В высоту она достигала не менее 3,50 м. Сооружена стена была аккуратно, на известняковом растворе. Кладка ее полигональная, приближающаяся к порядковой. Покрыта она была толстым слоем штукатурки светло-желтого цвета»⁵.

Одну из таких застав успел зафиксировать и зарисовать в начале XIX в. исследователь Горной Ингушетии Моритц фон Энгельгардт⁶.

Рис. М. фон Энгельгардта. Древняя застава в Ассинском ущелье. 1811 г.

Со второй половины XVI в., особенно в XVII в., Московское государство направляло на Северный Кавказ и в Грузию посольства для сбора сведений о народах Кавказа и разведки путей сообщения⁷. Маршруты посольств пролегали в том числе и по территории Ингушетии. Путь посольств, как правило, пролегал от устья р. Сунжи до р. Камбилеевки. Перейдя здесь Терек, далее следовали к Дарьяльскому проходу или сворачивали налево, в долину реки Армхи, двигались к Архотскому перевалу. В Грузию посольства попадали, преодолев Крестовый или Архотский перевалы, по долинам Арагви или Алазани.

Местным жителям были известны и другие пути, ведущие в Грузию: через Шанское, Кистинское и др. ущелья. В июне 1637 г. из Москвы в Грузию было отправлено посольство Ф. Волконского и дьяка А. Хватова. Это посольство из-за осложнения отношений грузинского царя Теймураза с арагвинским эриставом, контролировавшим часть Дарьяльского ущелья, выше Ларса свернуло в ущелье р. Кистинки (*Охкаройхи*), где было встречено ингушским владельцем Хавсой и сопровождено далее до границы с Грузией⁸.

В 1783 г., после того как был заключен договор о вхождении Грузии в состав Российской империи, встал вопрос о безопасном сообщении России и Грузии. Было решено проложить дорогу от Моздока до Дарьяльского ущелья, имелся наиболее удобный проход в Закавказье, то есть Военно-Грузинскую дорогу, часть которой проходила по территории Ингушетии. Дорога шла по ущелью Терека через селения Ларс и Гвилети, пересекала Крестовый перевал и опускалась в долину Арагви.

Военно-Грузинскую дорогу ингуши называли «ГалгIай никъ» («Дорога ингушей»)⁹. На территории ингушей эта дорога шла от Гвилети через Ларс и Чми, около Чми сворачивала на восток – в ущелье реки Арамхи. Далее она шла по левому берегу реки Арамхи, и затем через перевал выходила в Таргимскую котловину, отсюда шла по ущелью реки Гулойхи, выходила в Аргунское ущелье, потом шла по территории проживания чеченцев.

В строительстве этих дорог русским властям помогали местные жители, так как они сами нуждались в хороших дорогах для поездок в Грузию и в Моздок. Новые дороги способствовали развитию торговли горцев. В конце XVIII–XIX в. ингуши торговали в основном на рынках Владикавказа, Моздока, Кизляра, Тифлиса, продавали лес, камень, предметы ремесленного производства (бурки, сукна разных цветов, ручные ковры и орнаментированные кошмы, предметы кузнечного производства домашнего обихода, гончарные изделия, сельскохозяйственный инвентарь, предметы изделия из кожи, продукты земледелия и скотоводства, соль и т.д.). Покупали товары фабричного производства: ткани, орудия труда и т.п.

Основным средством передвижения с древнейших времен была лошадь, которая, судя по инвентарю, добытому на майкопском поселении и могильнике у сел. Мужичи в Ассинском ущелье, была одомашнена еще в III тыс. до н.э. Древние аборигены Кавказа активно использовали лошадь не только как основное транспортное средство, но и во всех сферах повседневной жизни, в том числе – и в ратных делах. О факте domestikации лошади на Кавказе еще в глубокой древности красноречиво свидетельствуют материалы раскопок Экажевского поселения, относимые исследователями к III–II тыс. до н.э.¹⁰

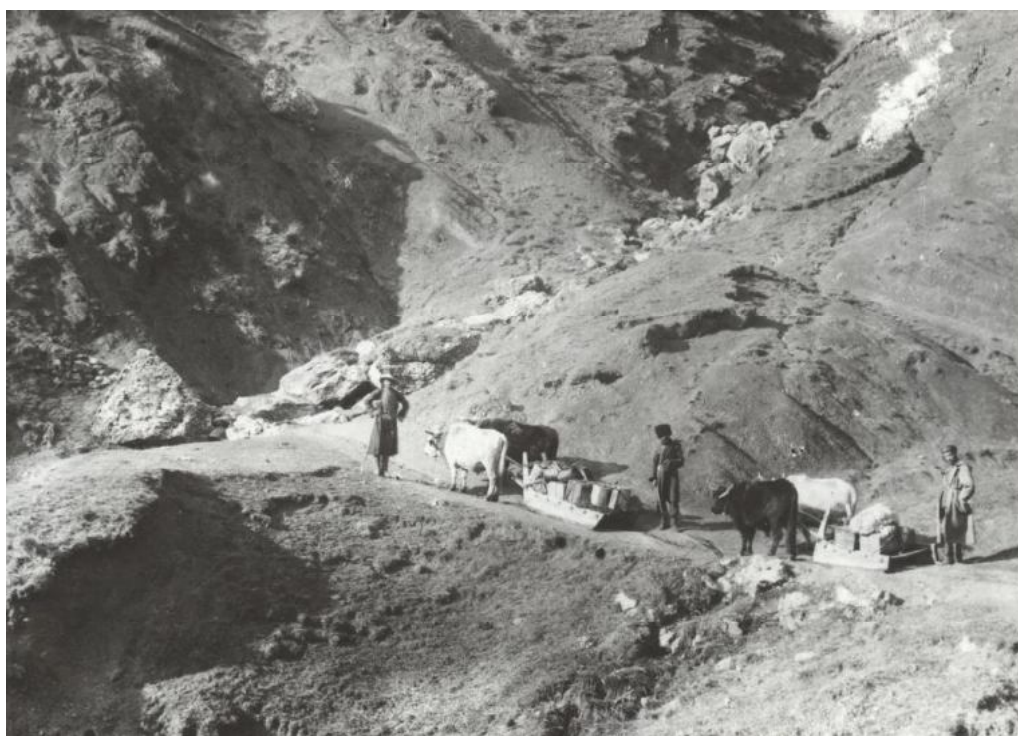
Для перевозки грузов использовались лошадь (*говр*), мул (*вирбларз*), осел (*вир*) и вол (*уст.* мн.ч. – *шерч*). Грузы перевозились с помощью двухколесной горской арбы (*ворда*; слово «ворд» происходит от инг. «вар» – «то, что едет» и классного показателя «д» со значением «суть, есть»), *гудалкх* – четырехколесная телега, *соалоз* – сани, *лаьза* – волокуша и вьючных животных. Сани делали из березы (*дакх*, *ларждакх*) и липы (*хьех*), волокушки – из дуба (*надж*) и чинары (*ноп*). Сани (*соалоз*) использовались в горах не только зимой, но и летом. Арба (*ворда*) использовалась преимущественно в горной зоне, телега (*гудалкх*) – на плоскости.

Для изготовления средств передвижения использовались дерево и металл. Ось для вращения колес делали из карагача (*муш*) или другого крепкого дерева. К трущейся части оси (*вордасоа*) приделывали железные накладки; ободья колес (*чархагом*) и другие части делали из металла. Особого искусства требовало изготовление арбы. Верх арбы делали из досок или из ивового плетня.

В хозяйственной жизни ингушей во все времена большую роль играло кузнечное дело. До начала XX в. во многих селах горной и плоскостной Ингушетии были кузни (*пхьоале*). Место, где находилась кузня, называлось пхьармат (букв. «Место кузни»). Необходимые для производства арб, телег и других транспортных средств детали из железа изготавливались местными кузнецами (*аьшканпхар*). По рассказам информаторов, жители горных сел имели самодельные токарные станки на горных реках в начале XX в., на которых, помимо бытовых изделий, мастера изготавливали разные колеса для передвижного транспорта, которые покрывали железными листами. Для вьючных животных использовались специальные вьючные седла: водж – вьючное седло для лошадей и кодж – вьючное седло для ослов и мул. Перечисленные выше транспортные средства использовались ингушами в горной зоне до начала 40-х гг. XX в.

К концу XIX в. в селах, лежащих на плоскости, в состоятельных семьях появляются заимствованные у русских новые средства передвижения – тачанки, брички. Вначале это были единичные экземпляры, но в 20–30 гг. XX в. распространились почти во всех плоскостных селах, особенно брички.

В 1875 г. была проложена железная дорога от Ростова до Владикавказа. К 1894 г. была закончена прокладка железной дороги от Беслана до Грозного, которая прошла через Назрань; 1 мая 1893 г. завершилось сооружение железнодорожного вокзала в Назрани. Открытие движения по железной дороге привело к быстрому росту производительных сил и торговли в крае, развитию капиталистических отношений.

*Научная экспедиция в горах Ингушетии. Волы тянут сани (соалоз)
по горным дорогам. Горная Ингушетия, 20-е гг. XX в.*

В возникшем при вокзале поселке, по данным «Терского календаря», уже в 1900 г. функционировали 33 торгово-промышленных заведения, принадлежавшие назрановским купцам¹¹. Быстрыми темпами стала развиваться торговля хлебом (кукурузой). К началу XX в. появились купцы, которые выезжали для проведения торговых операций не только в города Северного Кавказа и Закавказья, но и в более отдаленные города России – Москву, Петербург, Нижний Новгород, Воронеж и др.¹².

После установления Советской власти в Ингушетии – в 20–30-х гг. XX в. – были построены грунтовые дороги, связавшие между собой все населенные пункты плоскостной и предгорной Ингушетии, которые в свою очередь, были связаны автомобильными дорогами хорошего для своего времени качества с административным центром Ингушетии – с г. Владикавказом (Орджоникидзе). В то же время в Ингушетии появился автомобильный транспорт.

Важным событием стало проведение по территории Ингушетии автомагистрали Москва–Баку, которая протянулась с запада на восток через всю Ингушетию.

В 1970–1980-х гг. было асфальтировано большинство автомобильных дорог Ингушетии. После восстановления ингушской государственности в составе РФ в 1992 г., в республике были введены в эксплуатацию новые автодороги: стратегически важная для республики автодорога Алкун–Таргим, связавшая через каньон Ассинского ущелья предгорную Ингушетию с горной; были построены новые дороги в разных районах Ингушетии, в том числе – и в горном Джейрахском; отремонтированы и покрыты асфальтом старые дороги. С введением в 1994 г. в эксплуатацию аэропорта «Ингушетия» (позже переименованного в «Магас») появился в Ингушетии новый вид транспорта – авиационный.

Примечания
(Endnotes)

1. *Кодзоев Н.Д.* Участки торговых путей раннего средневековья на территории Ингушетии. Тезисы // Материалы II международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2010.
2. Материалы Н.Ф. Уствольской и Н.А. Сабурова за 1938–1940 гг. // Архив ЧГОМ. Ф. 19. ОС-1386. Д. 142; Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей (составители Мальсагов А.О и Дахкильгов И.А.). Грозный, 1986. С. 414–415.
3. *Дударов А.-М., Кодзоев Н.* К древней и средневековой истории ингушей. Нальчик, 2011. С. 38–47.
4. *Чахкиев Д.Ю.* Древности Горной Ингушетии. Назрань, 2003. Т. 1. С. 8, 10, 57, 69–70, 113, 134 и др.; *Чахкиев Д.Ю.* Древности Горной Ингушетии. Нальчик, 2009. Т. 2. С. 40, 46, 48–49, 57, 64, 73, 74, 79, 82, 85, 88–89 и др.
5. *Чахкиев Д.Ю.* Древности Горной Ингушетии. Нальчик, 2009. Т. 2. С. 64.
6. Путешествие в Крым и Кавказ фон Энгельгардта и Фридриха Паррота. Берлин, 1815.
7. *Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
8. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 146–148.
9. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978. Ч. 2. С. 8.
10. *Лопан О.В., Маслов В.Е.* Экажевское поселение – памятник эпохи бронзы в Ингушетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 70–71.
11. Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900. С. 128–129.
12. *Колосов Л.Н.* Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917). Грозный, 1968. С. 29.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ИСЛАМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Общей истории ислама на Северном Кавказе пока не создано, несмотря на реальную значимость проблемы. Почти все народы этого региона в настоящее время исповедуют ислам, но история его проникновения и распространения на Северном Кавказе достаточно серьезно разработана лишь в дагестанской историографии, прежде всего в трудах А.Р. Шихсаидова¹. Применительно к другим северокавказским народам о времени распространения у них ислама мы имели лишь самые общие высказывания, очевидно, диктуемые отсутствием письменных и материальных, в т.ч. и археологических источников. Так, в солидном академическом труде по истории народов Северного Кавказа говорится: «В рассматриваемое время (X–XII вв. – *В.К.*) большую роль во всех областях жизни народов Северного Кавказа начинает играть ислам»... первые шаги этой религии на Кавказе относятся к VII–VIII вв. и связаны с арабскими завоеваниями. Проповедниками ислама выступали не только арабы и многочисленные воители за веру – «гази», но и мусульманский анклав Дербента². По сути, это все. Время активного распространения ислама определяется как XIV–XV вв., на Центральном Кавказе и среди кабардинцев – XV в.³. Признано, что исламское влияние на прилегающие территории исходило из Дербента, а с первой половины XIV в., после включения большей части равнинной зоны Предкавказья в улус Джучи, это влияние получило мощный импульс из Золотой орды.

Однако постепенно накапливаются материалы, позволяющие вносить коррективы в изложенные выше представления о начале исламизации народов Северного Кавказа. Речь не идет о систематической пропаганде ислама в дозолотоордынское время. Причину этого следует видеть, прежде всего, в арабо-хазарских войнах VIII–IX вв., в которых аланы выступали на стороне хазар – военно-политический союз с хазарами для алан означал их четкую антимусульманскую ориентацию⁴. Но северокавказская Алания оказалась на северной границе мусульманского мира и контакты с этим миром стали неизбежными. Как справедливо заметил А. Алемань, «Кавказ на целые столетия стал, и остается по сей день одним из главных полей сражений между крупнейшими монотеистическими религиями и одной из северных границ мусульманского мира... как только арабское господство над территорией современного Азербайджана и городом-крепостью Дербент было установлено, арабские исследователи, торговцы и миссионеры, несмотря на все трудности, стали пересекать безопасные границы исламского мира, основали общины во владениях неверных и доставили первые сведения о дальнем севере, дотоле неведомом»⁵. Кроме того, следует учитывать и то, что согласно Ал-Истахри (X в.) и Ибн Хаукалю в Хазарии было много не только христиан, но и мусульман⁶. Реально существовавшие связи Хазарии и Алании создавали благоприятные условия для появления в последней представителей ислама. Наиболее надежным и достоверным источником для нашей темы являются памятники мусульманской архитектуры и эпиграфические памятники, в условиях Кавказа обычно каменные. Свод эпиграфических памятников Северного Кавказа составлен и издан Л.И. Лавровым. Среди арабоязычных мусульманских надписей на камне, найденном в 1793 г., внутри мусульманского мавзолея в урочище Маслов Кут П.С. Палласом (Стародубское Георгиевского района Ставропольского

края)⁷. В своем комментарии Л.И. Лавров писал: «Этот фрагмент почему-то не привлекал внимания историков... значение фрагмента состоит в том, что он свидетельствует о проникновении ислама в северокавказские степи в XI–XII вв.»⁸. Кроме того, Л.И. Лавров включил в свой свод сведения об арабской надписи на корытообразном камне, который в сел. Федоровка Прикумского (ныне Буденновского. – В.К.) района Ставропольского края в 1804 г. видел Я.И. Шмидт. Л.И. Лавров считал этот камень ранним мусульманским надгробием, характерным для Дагестана XI–XII вв. В своем комментарии ученый обратил внимание на то, что «это еще одно указание на проникновение ислама в Предкавказье до XIV в.» и что пути проникновения ислама пролегали, скорее всего, через степи Северного Кавказа (через городище Маджары на р. Куме. – В.К.), а не через Кавказский хребет⁹.

Следует сделать оговорку о том, что вышеназванные артефакты были выявлены более 200 лет тому назад и не сохранились: доказать их достоверность невозможно. Поэтому заключения Л.И. Лаврова о распространении ислама северо-западнее Дагестана до XIV в. могут показаться преждевременными. Но это не так. Сейчас в распоряжении науки есть новые археологические материалы, подтверждающие и датирующие версию Л.И. Лаврова. Остановимся на них подробнее.

В ходе археологических раскопок на Нижне-Архызском городище X–XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук (соврем. Карачаево-Черкесская Республика) в 1961 г. мной были найдены фрагменты двух песчаниковых плит с арабскими куфическими надписями. Плиты обнаружены при исследовании руин христианской церкви № 2, на левой стороне балки Подорванной, в южной части городища. Церковь № 2 относится к широко распространенному в верховьях Кубани типу так называемых «малых форм» – небольшие размеры (длина 11,30 м), сухая нерегулярная кладка, одна полукруглая апсида, обращенная на восток. Один из фрагментов оказался в кладке северной стены, второй – в южной стене¹⁰; несколько позже в развале камней близ нового бетонного моста через реку был обнаружен третий обломок такой же плиты с остатками сильно поврежденной куфической надписи¹¹. Таким образом, было выявлено три эпиграфических памятника мусульманского происхождения.

За помощью в прочтении этих надписей я обратился к Л.И. Лаврову и получил от него ответ, частично опубликованный Г.Б. Романовой в статье о нижне-архызских мусульманских надписях¹². Поскольку письмо известного специалиста содержит важную научную информацию, привожу его почти в полном объеме: «Поздравляю с новым замечательным открытием, которое коренным образом переиначивает существующие представления на средневековую историю не только Карачая, но и Сев. Кавказа в целом. Радуюсь вместе с Вами.

Оба фрагмента написаны по-арабски, чистейшим куфическим почерком. Предположение о билингвах отпадает. Первый фрагмент состоит из двух распространенных мусульманских формул, которые хотя представлены только начальными словами, но безошибочно позволяют восстановить то, что было продолжено на несохранившейся отбитой (слева) части камня: 1 – «Во имя бога мило[стивого, милосердного]. 2 – Нет божества кроме [бога, Мухамед – посланник бога]». Датируется по почерку XI–XII вв.

Надпись эта, скорее всего, строительная, которая обычно (в противоположность надгробным) начинается такими формулами.

Во втором фрагменте сохранилась только дата, написанная не цифрами, а словами. Последнее всегда бывает на куфических надписях. Плохо сохранившаяся 1ая строка лишает меня возможности догадаться о ее содержании, а две другие читаются довольно свободно: «аль-авваль года тридцать шесть и четыреста».

В мусульманском календаре есть два месяца, в названиях которых вторая часть является «аль-авваль». Это «рабиуль-авваль» и «джумада-авваль».

Рабиуль-авваль 436 года хиджры = 26.IX. – 25.X.1044 г. Джумада-авваль того же года = 24.XI. – 23.XII.1044 гг.¹³

Таким образом, Вы открыли ислам в Карачае дохристианский и получили достоверное основание для примерной датировки христианских храмов этого края. Ваша находка делает необходимым поиск ранних следов ислама на пространстве от Карачая до Южного Дагестана. Напомню, что самые ранние надписи Маджар относятся к 1^й пол. XIV в., Борга-Каш в Ингушетии – нач. XV в., а сообщение о куфической надписи в Нижнем Джулате оказалось ошибочным. Чего стоят после этого попытки многих исследователей доказать позднее проникновение ислама не только на Сев. Кавказ, но даже и в Дагестан»¹⁴.

В приведенном письме Л.И. Лаврова верно подмечена и изложена суть открытия надписей в Нижнем Архызе. История ислама на Северном Кавказе отныне должна начинаться с Нижне-Архызских эпиграфических памятников второй половины XI в. (эта дата подтверждена арабистом В.А. Крачковской¹⁵). Но дело, разумеется, не только в этом. Л.И. Лавров правильно подметил и значение надписей для археологии – точно датированная надпись 1044 г. позволяет утверждать, что нижне-архызская церковь № 2 была построена, скорее всего, в первой половине – середине XII в. Тем самым мы получаем исходную инстанцию для относительного датирования типологически аналогичных христианских церквей «малых форм» XI–XII вв.

Мы принимаем версию Л.И. Лаврова о том, что первая надпись была строительная, вторая (с датой 1044) – погребальной эпитафией. Третья надпись, к сожалению, осталась непроработанной специалистами, тем не менее возникает вопрос: не свидетельствует ли первая надпись о присутствии на Нижне-Архызском городище мусульманской мечети, а вторая надпись – о мусульманском кладбище около мечети? В случае подтверждения этих догадок наши представления о Нижне-Архызском городище должны существенно измениться.

Но уже сейчас вышеописанные находки, сосредоточенные на узком пространстве по левой стороне балки Подорванной, могут указывать на то, что южная оконечность городища была в XI в. заселена мусульманским населением. Аланы не были причастны к мусульманству, письменные источники об этом молчат. Лишь у арабского автора, но XIII в., Якута (Йакута) ал-Руми в передаче ал-Казвини имеется глухое упоминание, что среди аланов были и мусульмане¹⁶, однако это свидетельство не относится к аланам XI в. Поэтому допустимо предполагать, что мусульманская часть Нижне-Архызского городища была заселена восточными купцами, связанными с функционированием Великого шелкового пути. Как известно, по нему на Запад перемещалась масса согдийских шелков «занданечи» и их караваны сопровождали согдийские – хорезмские купцы. Нижний Архыз мог на этом пути быть остановочным пунктом, и это еще раз подтверждает наличие у Нижне-Архызского городища городских социально-экономических функций, охарактеризованных мной в специальной монографии¹⁷. Подобная картина обычна как для европейских, так и восточных городов раннего Средневековья.

Обращает на себя внимание присутствие мусульманского населения, в городе, который был уже свыше 100 лет центром Аланской епархии Константинопольской патриархии. Время мирного сосуществования представителей двух мировых конфессий в Нижнем Архызе – середина – вторая половина XI в., после чего начинается период затухания шелкового пути и упадка Западной Алании. Но указанное время – это правление царя Западной Алании Дургулея Великого¹⁸. Можно предположить, что после кончины Дургулея в Алании произошло, резкое ослабление центральной власти и начался период феодальной раздробленности и междоусобиц. Дальнейшее пребывание мусульманской диаспоры в Нижнем Архызе стало невозможным, и он был оставлен; мусульманские здания на городище

были разрушены. Свидетелями этих конфессиональных столкновений и являются выявленные нами в Нижнем Архызе три арабские куфические надписи XI в. в XII в., разбитые на части и использованные при сооружении христианской церкви. В данном эпизоде победителями вышли христианские сторонники Византии. На фоне начавшихся в Европе крестовых походов на Восток (1096–1099) этот эпизод может представляться незначительным фактом, но для раннесредневековой истории Северного Кавказа он имеет большое значение и должен привлечь внимание исследователей.

Примечания
(Endnotes)

1. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984; *Он же.* Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001; *Он же.* Ислам и становление дагестанской исторической традиции // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. и др.
2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 177–178.
3. История народов ... С. 234.
4. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 306.
5. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 322.
6. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 153.
7. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 78.
8. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники ... С. 182. Комм. 66.
9. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники ... С. 144, 195. Комм. 275.
10. *Кузнецов В.А.* Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961 гг.) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1963. Вып. 96. С. 86–93; *Он же.* Нижний Архыз в X–XII вв. – феодальный город Алании. Ставрополь, 1993. С. 95. Рис. 64.
11. *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII вв. ... Рис. 64, 3.
12. *Романова Г.Б.* К вопросу об арабских куфических надписях из Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX. С. 383.
13. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. М.;Л., 1961. С. 94 – В.К.
14. Письмо Л.И. Лаврова от 30.VIII.1961. С. 1–3 (Находится в личном архиве В.А. Кузнецова).
15. *Крачковская В.А.* Два фрагмента арабских надписей из Нижнего Архыза // ЭВ. М., 1963. XVI. С. 131–134.
16. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 352–353. Прим. 85.
17. *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII вв. ...
18. *Кузнецов В.А.* Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 80.

НАХОДКА БРОНЗОВОГО КОТЛА ПРЕДСКИФСКОЙ ЭПОХИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Весной 2002 г. автор имел возможность ознакомиться с интересной археологической находкой – бронзовым котлом предскифского времени, содержавшимся в то время в одной из частных коллекций. Как удалось установить, котел был найден случайно зимой 2000–2001 гг. вблизи г. Крымска вместе с другими древними вещами. Полный состав комплекса и судьба остальных находок неизвестны, однако удалось выяснить, что в числе сопровождавших котел предметов были бронзовые трехпестельчатые псалии неустановленного типа.

Котел, являющийся предметом настоящей публикации (рисунок), бронзовый, литой, сильно поврежден в древности – он смят и получил две трещины, одна из которых достаточно обширна. Тулово в форме сегмента шара с утолщенным венчиком и валиком в верхней части с внешней стороны. Снизу прикреплен конический поддон, нижняя часть которого обломана в древности, или, что скорее, «отгорела» в результате частого воздействия огня. Котел снабжен двумя сложнопрофилированными кольцевидными ручками, украшенными в верхней части крупными плоскими дисковидными шляпками. Собственно ручками являются верхние, возвышающиеся над венчиком полукольца, нижние же полукольца рельефно выступают на поверхности тулова котла. Сосуд несет следы длительного использования – плотный слой нагара с внешней стороны и следы починки – четыре прилива бронзы неправильной формы, один из которых расположен по центру дна. Диаметр котла – 40 (+2) см, сохранившаяся высота (без ручек) – 20 см.

Сосуд относится к типу XIV, варианту 1, подварианту А по классификации С.В. Демиденко¹ или же к типу 1 по более общей классификации Н.А. Боковенко².

Ближайшие аналогии публикуемому сосуду происходят из Кабардино-Пятигорья. Два экземпляра подобных бронзовых котлов найдены на горе Бештау. Один – в 1951 г. на северо-западном склоне, он содержал т. н. Бештаугорский клад³. Второй – в 1927 г. на северной вершине Бештау, во фрагментах⁴. Третий подобный котел, содержащий клад бронзовых кованых чаш, обнаружен в Кабардино-Балкарии, в Баксанском ущелье у п. Кызбурун III⁵. Кабардино-пятигорские находки в целом датируются исследователями в пределах VIII – первой половины VII в. до н.э.⁶. Анализ материалов Бештаугорского клада 1951 г. дает основания датировать его концом VIII – третьей четвертью VII в. до н.э.⁷.

Еще один, близкий по форме котел, найден случайно в Нижнем Поволжье в местности Красный Бугор у сел. Заплавного Ленинского района Волгоградской области. От северокавказских он отличается формой ручек не имеющих, насколько можно судить по опубликованной фотографии, продолжения на тулове сосуда и снабженных не плоской шляпкой, а грибовидным выступом⁸.

А.А. Иессен, публикуя северокавказские находки, сопоставил бештаугорские сосуды с бронзовыми котлами Минусинской котловины и предложил рассматривать их в качестве «наиболее ранних свидетельств культурной общности и культурных связей этого района с далеким востоком – Южной Сибирью и Казахстаном»⁹. Мнение исследователя было воспринято другими археологами, уже более конкретно указывавшими на сибирское происхождение

северокавказских котлов и определявшими направление отмеченных А.А. Иессеном контактов вектором «восток-запад»¹⁰, хотя Е.И. Крупнов, признавая восточное происхождение северокавказских котлов «так называемого сибирского типа», отмечал, что бештаугорские находки древнее подобных сосудов из района Минусинской котловины¹¹.

Однако, как показали исследования С.В. Демиденко, находки с горы Бештау, Кызбуруна и окрестностей Крымска по технике изготовления и оформлению отличаются от большинства котлов Юга Сибири и Восточного Казахстана. По мнению исследователя, и сибирские, и северокавказские котлы ведут происхождение от литых бронзовых сосудов Северного Китая. Как считает С.В. Демиденко, указанные находки не следует рассматривать в качестве импорта с востока: на Северный Кавказ привезены были не сами котлы, а технология изготовления крупных полых сосудов методом литья, успешно реализованная на основе местных традиций металлургии и металлообработки¹². Это вполне согласуется с наблюдением С.Л. Дударева о том, что в зоне т. н. «киммерийско-карасукской общности», в которую входят и культуры предскифской эпохи Северного Кавказа, «растущая подвижность горно-степных племен вела к тому, что их достижения сравнительно быстро становились достоянием населения очень удаленных друг от друга территорий»¹³.

Находка бронзового котла в районе Крымска свидетельствует о том, в что в процесс подобных контактов или же в зону распространения их результатов, оказалось включенным и население северо-западной оконечности Кавказа.

Следует согласиться с мнением В.И. Козенковой, что бронзовые котлы в материальной культуре населения Северного Кавказа «не несли этнической нагрузки, а были изделиями престижного характера, приспособленными для воинского (вождистского) обихода»¹⁴. Находку в районе г. Крымска литого бронзового котла следует связывать с древностями абинской группы памятников протомеотской археологической культуры¹⁵: судя по всему, он входил в состав инвентаря комплекса погребения представителя местной всаднической элиты.

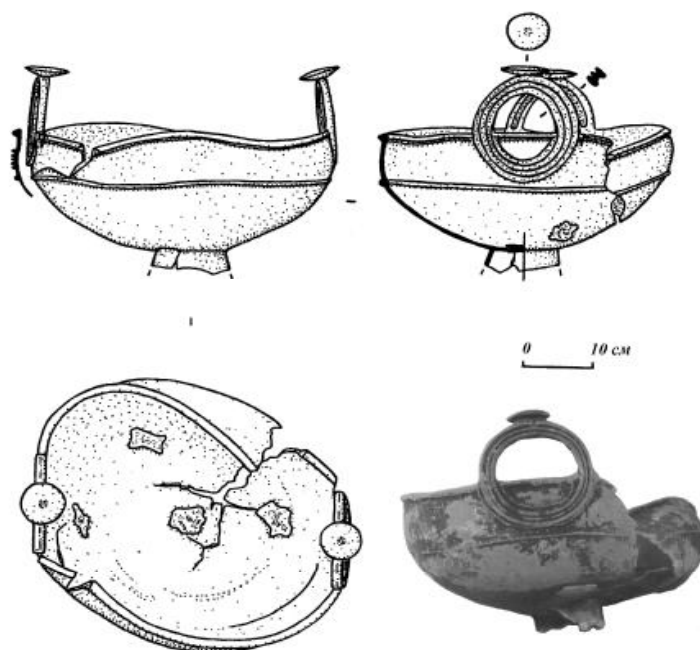

Рис. Бронзовый котел из окрестностей Крымска

Примечания
(Endnotes)

1. *Демиденко С.В.* Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // *Древности Евразии*. М., 1997. С. 132, 133, 135, рис. 6, рис. 10, 17; *Он же*. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М., 2006. С. 23. Рис. 5; Рис. 11, 137.
2. *Боковенко Н.А.* Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // *Древние памятники Кубани*. Краснодар, 1990. С. 170, 171.
3. *Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // *Вопросы скифо-сарматской археологии*. М., 1954. С. 124, 125. Рис. 13; *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант: Свод археологических источников. Вып. В2–5. М., 1998. С. 110, 111. Табл. XLII, 10; *Демиденко С.В.* Бронзовые котлы... С. 111. Рис. 19, 137; *Вальчак С.Б., Демиденко С.В.* Комплекс 1951 г. с горы Бештау: вопросы хронологии // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 8. Волгоград, 2006. Рис. 5, 3; Рис. 6; Рис. 7.
4. *Иессен А.А.* Указ. соч. С. 126. Рис. 15; *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 110. Табл. XLII, 11; *Демиденко С.В.* Бронзовые котлы... С. 111. Рис. 119, 138.
5. *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик, 1985. С. 13, 14. Табл. 5, 2; *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 110.
6. *Иессен А.А.* Указ. соч. С. 126; *Батчаев В.М.* Указ. соч. С. 14; *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 110, 111.
7. *Вальчак С.Б., Демиденко С.В.* Указ. соч. С. 173–186.
8. *Филипченко В.А.* Бронзовые котлы Астраханского музея // *Советская археология*. 1962. № 1. С. 278. Рис. 1, 3; *Демиденко С.В.* Бронзовые котлы... С. 111. Рис. 119, 139.
9. *Иессен А.А.* Указ. соч. С. 126.
10. *Филипченко В.А.* Указ. соч. С. 278.
11. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 348, 349.
12. *Вальчак С.Б., Демиденко С.В.* Указ. соч. С. 182; *Демиденко С.В.* Бронзовые котлы... С. 57.
13. *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 66.
14. *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 111.
15. *Эрлих В.Р.* Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (К постановке проблемы). Ч. I // *Российская археология*. 2002. № 3. С. 28; *Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа, 2006. С. 72.

**О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.**

Систему жизнеобеспечения поселений и городищ Центрального Предкавказья в сер. – второй пол. I тыс. до н.э. составляют фортификационные сооружения, жилища, производственные комплексы, источники воды, а также основные виды хозяйственной деятельности: земледелие, животноводство, охота и рыболовство.

Земледелие как один из основных видов хозяйственной деятельности человека появилось на Северном Кавказе со времен глубокой древности. Результаты раскопок конца XX – нач. XXI в. свидетельствуют, что уже в эпоху энеолита население Предкавказья могло заниматься мотыжным земледелием или интенсивным собирательством. На пос. Мешоко об этом свидетельствуют находки вкладышей – сегментов для серпов¹. Материалы раскопок поселения раннебронзового века Галюгай I позволили разработать модель хозяйственно-культурного типа майкопской культуры, связанную с подвижно-оседлым земледелием².

Развитие земледелия во II тыс. до н.э. засвидетельствовано находками в Центральном Предкавказье бронзовых серпов и мотыг. Большое количество бронзовых серпов найдено в верховьях р. Кубани, р. Теберды, в Галиатском могильнике Фаскау (Дигория), в Змейском поселении (Северная Осетия), в могильнике у горы Бык и в районе Пятигорска³.

Гораздо значительнее материалы времени позднебронзового и раннежелезного века⁴.

В результате раскопок поселения Сержень-Юрт (предгорья Чечни) выявилась интересная хозяйственная и этнографическая картина прочного оседлого быта той группы населения, материальная культура которой носит условное название восточного варианта кобанской культуры⁵. Занятия населения Серженьюртовского поселка земледелием документируют многочисленные находки кремневых вкладышей для деревянных и костяных серпов, позднее смененных на железные. О земледелии свидетельствуют также куски и целые каменные ладьевидные зернотерки⁶. Каменные зернотерки и пест открыты на Алхастинском поселении⁷. Различные каменные серпы, песты и зернотерки были обнаружены на Змейском поселении⁸.

На одном развешанном поселении в Бажиганских песках в 1948 г. была найдена внушительных размеров каменная уплощенная зернотерка среди бронзовых наконечников стрел⁹. К этому же времени относится зернотерка, найденная в окрестностях станицы Сторожевой. Она представляет собой камень вытянуто-овальной формы с плоской, слегка вогнутой и отшлифованной верхней поверхностью. Вместе с ней был найден терочник (камень для растирания злаковых зерен на зернотерке) в виде полуцилиндрического камня с отшлифованной нижней поверхностью¹⁰.

Каменные ладьевидные зернотерки выявлены при исследовании ряда поселений первой пол. I тыс. до н.э. (Кисловодское, Ясновополянское, Тамгацикское, Уллубаганалы – 2). О земледелии в данный период свидетельствуют, также, находки каменных ступок (Кичмалкинское, Кисловодское, Грушевское поселения).

Для горных районов существенную роль играло мотыжное земледелие. В частности, на поселении Уллубаганалы – 2 обнаружены бронзовые и железные мотыги¹¹.

О земледелии как одном из видов хозяйственной деятельности населения степного Предкавказья свидетельствуют материалы, полученные в результате раскопок Грушевского городища на юго-западной окраине г. Ставрополя. Здесь на селище и на защищенной каменными стенами площади цитадели выявлено много земледельческих орудий или их фрагментов. Это каменные зернотерки из плотного песчаника и более твердых пород камня, овально-вытянутой формы с отшлифованной, слегка вогнутой внутренней поверхностью, подобные зернотерке из ст. Исправной. Также были найдены цилиндрические терочки¹².

Фрагменты зернотерок и других каменных орудий открыты и за пределами застроенной территории Грушевского поселения – в заполнении мусорных ям¹³. Одна зернотерка из плотного песчаника со следами воздействия огня находилась в хозяйственной яме № 26 Татарского городища (южные окрестности г. Ставрополя)¹⁴. На Сержень-Юртовском поселении семь ладьевидных зернотерок были сложены в яме помещения X¹⁵.

Т.М. Минаева, ссылаясь на изображения в гробницах Древнего Египта, подчеркивала ручной способ растирания хлебных злаков. По ее мнению, терочки держали двумя руками и двигали им по удлинено-овальному камню¹⁶.

Обломки зернотерок открыты на Нестеровском поселении¹⁷. Значительное количество зернотерок и каменных пестиков обнаружено в подъемном материале поселения Зольское – I (окрестности ст. Зольской)¹⁸. Следует отметить многочисленные находки зернотерок и терочников на культовых участках поселения Сауар в Дигорском ущелье¹⁹. Также терочки обнаружены на Ильиновском поселении (Грозненский сельский район)²⁰. Ладьевидная зернотерка и терочки выявлены в культурном слое поселения Крестовая горка в Кисловодске²¹. Значительное число обломков ладьевидных зернотерок с сильно сработанной поверхностью открыты при исследовании поселения у Кабан-горы. Некоторые из них весьма велики: размеры фрагмента одной – 31x21x18 см, другой – 34x29x6 см²².

Такие орудия характерны и для сарматского периода. Следует отметить находку двух зернотерок, положенных одна на другую, в дромосе катакомбы (погр. 5) кургана № 1 у ст. Павлодольской (раскопки Э.Л. Черджиева – 1988 г.). Зернотерки выполнены из светло-серого сланца с черными вкраплениями. Нижняя – плоский, неправильной формы камень. Рабочая поверхность углубляется к середине по всей ширине. Толщина – 55 см, длина – 42 см, ширина в середине – 23 см. Верхняя зернотерка (фрагментированная) состоит из двух частей. Форма овальная, немного вытянутая в одну сторону. Поверхность обработана (рис. 1, 5). Зернотерка овальной формы и два терочника выявлены в кургане у хут. Доброжеланный (рис. 1, 3, 4, 6). Терочник овальной формы с выделенной рукоятью и ладьевидная зернотерка зафиксированы в погребении 26 кургана 2 могильника Самашкинский. Еще два терочника найдены при исследовании насыпи Ачхой-Мартановского кургана (рис. 1, 1, 2, 7)²³. Аналогичные зернотерки характерны и для памятников оседлого населения II–I вв. до н.э. Следует отметить находки таких многочисленных орудий на поселении Георгиевская станица – 2²⁴.

Среди земледельческих предметов, обнаруженных в культурных слоях Грушевского городища следует отметить более сложные орудия для размала зерна. Это фрагменты 10 жерновов от ручной мельницы. Они в форме плоского круглого диска с округлым отверстием в центре для закрепления на металлической оси. По мнению исследователя городища А.В. Найденко, ось была железной, поскольку на медной или бронзовой тяжелый диск из плотного известняка не мог бы удерживаться. Жернова были двух категорий: первый вариант – в среднем

до 0,6 м в диаметре; второй – до 0,3 м в диаметре. Как считает автор, первые использовались для получения муки, вторые – для обработки проса на крупу (просорушки)²⁵. Обломки жерновов найдены на Ханкальском 2-м городище²⁶.

В связи с этим следует отметить, что на поселениях Прикубанья второй пол. I тыс. до н.э. размол зерна производился при помощи каменных зернотерок, подобных зернотерке из станицы Сторожевой и Грушевского городища, а также каменных прямоугольных и круглых жерновов²⁷.

Как уже было отмечено, в скифский период уже используются бронзовые мотыги. Три экземпляра таких орудий открыты на поселении Уллубаганалы. Бронзовые мотыжки имеют ближайшие аналогии в одновременных памятниках Закавказья²⁸. Возможно, в качестве мотыг в скифское и раннесарматское время использовались железные тесловидные предметы, имеющие на боковых сторонах треугольные выступы для закрепления в вилке деревянной рукояти. Бронзовая привеска в виде тесла с выступами обнаружена в Верхнебаксанском кладе²⁹. Характерное орудие происходит из погребения 3 кургана 5 у ст. Мекенской³⁰. Следует отметить, что в раннесарматское время тесловидные орудия использовались в качестве шанцевого инструмента. Например, судя по узким следам, выявленным на дне погребальной камеры катакомбы из кургана 2 у ст. Павлодольской (1984), могила строилась, скорее всего, подобными инструментами³¹.

В Прикубанье земледелие, как предполагается, было плужным, хотя остатки плуга или сохи (железные сошники) еще не найдены. Обнаруженные на городищах Кубани железные кельтообразные орудия вызывают разногласия. Одни (В.Ф. Гайдукевич, М.В. Покровский, Л.И. Лавров) считали их сошниками, другие (Н.В. Анфимов, В.Д. Блаватский) таковыми их не считали³².

По предположению А.В. Найденко, на Грушевском городище землеройными орудиями могли быть оббитые камни подтреугольной формы, которые привязывались к деревянной рукояти. Два-три таких предмета встречены на периферии городища³³. В настоящее время предполагается использование пашенного земледелия в предгорных районах Центрального Предкавказья, в частности, на склонах холмов и берегах рек Кисловодской котловины³⁴.

В Прикубанье жатва производилась железными серпами. Тип серпов, характерный для второй пол. I тыс. до н.э., имеет небольшое, слабоизогнутое лезвие (длина 0,15–0,17 м, ширина 0,02 м), переходящее под углом в прямоугольный в сечении стержень (длина 0,10–0,12 м), служивший основой для деревянной рукоятки. Серпы данного типа встречены в Елизаветинском могильнике в погребениях эллинистического времени (№№ 5 и 22 1934 г., №№ 1, 13/14 и 46 1935 г.) и в одном из погребений могильника № 3 у ст. Пашковской IV–III вв. до н.э.³⁵.

На поселениях Ставропольской возвышенности в скифский период, видимо, продолжали использоваться характерные для эпохи бронзы вкладышевые серпы. Например, на Грушевском городище при раскопках неоднократно встречались кремневые пластины, характер сточенности края и, главное, ретуши которых позволяет предполагать в них вкладыши в деревянную или костяную основу серпа³⁶. Кремневый микролит подпрямоугольной формы был случайно найден на городище в 2001 г.

В середине – второй пол. I тыс. до н.э. вкладышевые серпы, скорее всего, заменяются железными. Так это происходило в Сержень-Юртовском поселении³⁷. Возможно, в раннесарматское время в качестве серпов могли использовать массивные ножи с изогнутым лезвием (с выгнутой спинкой), являющиеся частой находкой в погребениях и в слоях поселений этого периода.

О молотье у племен Центрального Предкавказья сведений у нас нет. По предположению Н.В. Анфимова, у меото-сарматских племен Прикубанья она производилась или путем выгона на ток скота, или при помощи молотильной доски со вставленными с нижней стороны осколками кремня³⁸. Такие молотилки

известны на Кавказе с глубокой древности³⁹. Они дожили в неизменном виде вплоть до XX столетия. В связи с этим, следует отметить находку в яме № 22 (раскоп 5, 1964 г.) Сержень-Юртовского поселения вместе с остатками культурных злаков (зерна мягкой и твердой пшеницы, ячменя, ржи и магары), семян сорняков: мары белой, вьюнка полевого, гречишки вьюнковой, подмаренника цепкого, куколя обыкновенного и костра полевого. Как считает В.И. Козенкова, такое соседство – верный признак долгого использования поля, что подтверждает глубокую традицию земледелия пашенного типа⁴⁰. В погребениях 2 и 3 Исправненского могильника в остатках пшеничной каши, обнаруженной в числе инвентаря, присутствовали зерна гречихи и злаки сорняков, что также свидетельствует об устоявшемся пашенном земледелии⁴¹.

В предгорных районах Центрального Предкавказья из-за ландшафтной сложности земли, удобной для посевов, не хватало, поэтому в эпоху ранней бронзы и раннего железного века распространяется террасное земледелие. Ярким свидетельством этого являются результаты раскопок последних лет в окрестностях г. Кисловодска. Если принять во внимание практически повсеместное обнаружение керамики кобанской культуры в почвенных разрезах, заложенных в разных ландшафтных зонах Кисловодской котловины, становится очевидным, что в данную эпоху сельскохозяйственной обработке подвергались все пригодные для этой цели земельные угодья, мысовые участки, вершины водораздельных холмов, склоны крутизной до 30°. Как считают авторы раскопок Д.С. Коробов и А.В. Борисов, последним этапом в данном освоении территории стало устройство террас с высокими откосами на крутых склонах для получения дополнительных посевных площадей.

Приведенный исследователями анализ распределения керамики говорит о том, что в эпоху существования кобанской культуры сельскохозяйственная активность ее носителей распространялась практически на всю территорию Кисловодской котловины. Предполагается, что керамика поступала в культивируемую почву вместе с органическими удобрениями с существовавших поблизости поселений⁴².

Внесение в культивируемые почвы органических удобрений подтверждается результатами фитолитного анализа погребенных почв террас из разреза Б-121 (терраса второго типа по Д.С. Коробову и А.В. Борисову) и разреза Б-92 (терраса первого типа), а также современных почв, сформировавшихся на поверхности террас и современной почвы на участке, где не было террасирования. Отмечено значительное возрастание общего числа фитолитов в погребенных окультуренных почвах, что указывает на более высокие нормы поступления в палеопочву растительного материала, многократно превышающих современный уровень. Однако, в сер. I тыс. до н.э. изменение климатических условий – резкое увеличение осадков – привело к прекращению земледельческой деятельности в данном районе⁴³.

На равнинных участках Ставропольской возвышенности, скорее всего, земледельческие участки располагались поблизости от границы застройки поселений. Видимо, здесь же производилась молотья. В связи с этим следует отметить находки зернотерок и других каменных орудий в районе окраины Грушевского поселения.

Значительное количество получаемого зернового хлеба в связи с развитием плужного земледелия (Прикубанье) требовало устройства специальных хранилищ. Зерно хранилось в зерновых ямах или в крупных глиняных сосудах (пифосах). Одним из наиболее распространенных и в то же время простых способов хранения зерна в древности было хранение в ямах. Римские писатели в своих агрономических трактатах неоднократно описывали этот способ. Так, Колумелла писал, что «при отсутствии всякого амбара можешь хранить зерно в земле, как это делается в некоторых провинциях за морем, где земля, вырытая наподобие

колодца, – эти ямы зовутся сирами – принимает обратно ею же выращенный хлеб». Плиний же вообще считал, что «целесообразнее всего сохранять хлеб в ямах, которые зовутся сирами, как в Каппадокии, Фракии, Испании и Африке, причем прежде всего следует заботиться о том, чтобы они вырывались в сухой почве, а затем, чтобы они выстилались мякиной, далее хлеб сыпается туда в колосе»⁴⁴.

Наиболее распространенным способом хранения зерна на поселениях Центрального Предкавказья также являлись хозяйственные ямы. На Грушевском поселении в одном из изученных жилищ такая яма находилась недалеко от очага. В яме находились фрагменты керамики: кувшинов, других крупных сосудов, в том числе сосуда, напоминающего тондыр и др. предметы⁴⁵. По сведениям Н.Ф. Шевченко, в меотских жилищах ямы, имеющие коническую форму, расположенные возле очага, использовались для хранения части урожая. В некоторых из них обнаружены обугленные зерна пшеницы⁴⁶. В поселении Сержень-Юрт в помещении XI отмечено место, где рядом с хозяйственной ямой и очагом оборудована была специальная глинобитная площадка для ссыпания зерна, а по ее краям лежали зернотерки⁴⁷.

Кроме зерновых ям, для хранения сельскохозяйственной продукции использовались крупные керамические сосуды. В ранний период существования Грушевского городища для этой цели использовались тарные, очень большие сосуды тюльпановидной формы с диаметрами в среднем 30–40 см. Были также тарные (реже – крупные и средние) сосуды со средним отгибом венчика, изогнутого в профиле и средние тарные сосуды с венчиком, утончающимся к верху.

Скорее всего, для хранения зерна использовались различные типы горшков и корчаг. В позднем верхнем 3-ем слое городища появляется новая тарная форма – пифос, сформировавшийся из тарных сосудов раннескифского периода. Пифосы – малочисленная, но четко выраженная условно реконструируемая форма, для которой характерны исключительно толстые (от 15 до 30 мм, с максимумом – 27–28 мм) венчики, имеющие большие диаметры от 20 до 44 см. При этом, что для пифосов является необычным, их стенки сравнительно тонкие – 11–14 мм. Снаружи имеется четкий перегиб тулова в прямой венчик, имеющий горизонтальную уплощенную поверхность⁴⁸.

Подобные тарные сосуды были характерны для всех поселений степного Предкавказья. В ходе раскопок 1991–1992 гг. Чапаевского поселения, расположенного на северо-восточной окраине г. Ставрополя, были обнаружены и исследованы остатки сооружений бытового характера. Наиболее хорошо сохранившееся строение имело прямоугольную в плане форму, вероятно, 6х8 м. Судя по многочисленным кускам обожженной глины с отпечатками различной толщины прутьев и брусьев, здание имело турлучную конструкцию. В здании были обнаружены два очага. Недалеко от очагов, у стенки здания, зафиксировано мощное скопление керамики от крупных тарных сосудов, донья которых находились в непотревоженном состоянии. По предположению автора раскопок Я.Б. Березина, эта часть здания представляла собой кладовую⁴⁹. Фрагменты тарной керамики – сосудов значительного размера – встречались по всему поселению⁵⁰.

О том, что горшки являлись важной составляющей (в том числе тарной) керамического набора населения последних веков до н.э., свидетельствуют результаты исследований поселения Георгиевская станица – 2 (II в. до н.э.). Здесь из обнаруженных 5 053 керамических фрагментов 3 191 принадлежал горшкам (реставрировано 7 форм)⁵¹.

Следует предположить, что кроме керамической тары, могла использоваться и деревянная. По сведениям Н.Ф. Шевченко, в одном из меотских жилищ возле очага стояли три деревянных сосуда с различным зерном⁵².

Важнейшим аргументом в пользу занятий земледелием стали находки зерен. Основными культурами, которые возделывались на Кубани в меото-сарматскую эпоху, были пшеница, ячмень и просо. Обуглившиеся зерна мягкой пшеницы

Triticum vulgare были найдены при раскопках городища № 3 у ст. Усть-Лабинской в слое IV–III вв. до н. э., на Краснодарском городище в слое IV–III вв. до н.э., на городище близ ст. Елизаветинской (раскопки 1934-го и 1935 гг.) в слоях эллинистического времени: на городище «Чумяной Редант» (хут. Ново-Некрасовский, восточное побережье Азовского моря) в слое позднеэллинистического времени и на городище № 1 у ст. Старо-Корсунской (отдельные зерна)⁵³. Также остатки мягкой пшеницы обнаружены на поселениях: Подазовское, Семибратнее, Прикубанское I, Круглый Камень, Стеблицкое, Чамлыкское X, Чамлыкское XIII⁵⁴.

Кроме мягкой пшеницы меоты выращивали пшеницу двузернянку-полбу (поселения: Подазовское, Прикубанское I, Круглый Камень, Стеблицкое, Чамлыкское X, Чамлыкское XIII, городище № 3 у ст. Усть-Лабинской)⁵⁵.

Наравне с пшеницей в Прикубанье возделывался также ячмень (*Hordeum sativum*) в виде пленчатых и голозерных форм⁵⁶. По сведениям Е.Ю. Лебедевой, зерна ячменя найдены на Краснодарском городище, на городище «Чумяной Редант» и др.⁵⁷.

Третьей, широко распространенной в Прикубанье сельскохозяйственной культурой являлось просо, что засвидетельствовано и античными писателями. Как писал Клавдий Эллиан (автор конца II – первой пол. III в. до н. э.), «просо ели меоты и савроматы...» (Эллиан, III, 39). Спекшиеся в одну массу зерна проса (*Panicum miliaceum*) были найдены в довольно большом количестве на городище «Чумяной Редант» в слое позднеэллинистического времени, на городище близ ст. Елизаветинской (раскопки 1935 г.), на городище № 3 у ст. Усть-Лабинской в слоях VI–V и III–II вв. до н.э., на поселениях: Подазовское, Семибратнее, Прикубанское I, Круглый Камень, Стеблицкое, Чамлыкское X, Чамлыкское XIII⁵⁸. По сведениям Е.Ю. Лебедевой, на Среднем Дону ведущими культурами в составе урожая были также просо, пленчатый многорядный ячмень, пшеница двузернянка-полба и мягкая⁵⁹. Интересно, что в коллекции памятников Прикубанья армавирской и чамлыкской групп есть в наличии рожь (вместе с пшеницей двузернянкой), тогда как на других памятниках, исключая Подазовское городище, ее зерна не найдены вовсе⁶⁰.

Перечисленные зерновые культуры (кроме пшеницы двузернянки) характерны и для сельского хозяйства Центрального Предкавказья. По сведениям В.И. Козенковой, в Сержень-Юртовском поселении в яме № 45 (раскоп 5, 1963 г.) в помещении XI оказались остатки зерен мягкой пшеницы и много зерна магары (итальянское просо – *Setaria italika*). В основном слое (раскоп 3, 1964 г.) была найдена глиняная миска с остатками каши и зерен мягкой пшеницы, ржи (*Secale cereale* Z) и магары сорта *Panicum italicum* Z. Близ помещения VII, в яме № 22 (раскоп 5, 1964 г.) были найдены остатки соломы вместе с зернами мягкой и твердой пшеницы (*Triticum durum* Dest), ячменя (*Hordeum vulgare*), ржи и магары⁶¹. Характерно, что Страбон в числе племен Предкавказья отметил троглодитов (пещерников), из-за холодов обитающих в звериных берлогах, «но даже у них много ячменного хлеба», а также селения исадики, «которые еще в состоянии заниматься земледелием, так как живут не на самом севере» (Страбон, XI, V, 7).

Остатки зерен пшеницы обнаружены при раскопках поселения «Заслонка» в развале гончарной печи сер. I тыс. до н.э., а также в отмеченных выше погребениях Исправненского могильника⁶².

Как в Прикубанье и в предгорьях Кавказа, в степном Предкавказье одним из основных культивируемых злаков являлось просо. В частности, в тесте керамической кружки из кургана № 12 могильника Новозаведенное II были обнаружены отпечатки просяных зерен⁶³. В одном из горшков на Грушевском городище найдены истлевшие зерна этого злака⁶⁴. Также просо было обнаружено на дне чернолощеного сосуда в погребении 6 кургана 2 у сел. Нижняя Татарка⁶⁵. По мнению Е.Ю. Лебедевой, просо являлось ведущим растением, которое меоты выращивали для собственных нужд, как для употребления в пищу, так и в качестве

корма для скота⁶⁶. Видимо, на поселениях Ставропольской возвышенности просо также являлось приоритетным растением.

Так как западнее (Прикубанье) и юго-восточнее Ставропольского плато (предгорья Чечни) культивировалась мягкая пшеница, следует предположить, что на поселениях степного Предкавказья также этот вид сельскохозяйственных растений был широко распространен. Следует отметить, близкие природно-климатические условия Ставропольской возвышенности с указанными районами, позволяющие культивировать не только просо, но и пшеницу, ячмень и рожь. Район г. Ставрополя находится в непосредственной близости от армавирской группы меотских городищ. В IV–III вв. до н. э. ставропольские поселения (Грушевское, Татарское, Варваринское и др.) имели постоянные торгово-экономические контакты с этим районом Прикубанья. Поступление меотской керамики привело к тому, что керамический комплекс Татарского городища формируется под мощным влиянием Прикубанья⁶⁷. Возможно, что население Ставропольской возвышенности заимствовало и некоторые элементы меотской земледельческой культуры.

В предгорьях Кавказа (Сержень-Юрт), в отличие от Прикубанья, в числе выращиваемых злаков фиксируется твердая пшеница, однако, находки разных злаков вместе с соломой в одной и той же яме Сержень-Юртовского поселения говорят о том, что культура обработки зерна и его хранения была у жителей предгорий невысока⁶⁸.

На Кубани, кроме зерновых культур, культивировались и некоторые бобовые растения: чина (*Lathunus esculenta*), найденная в слое первых веков н.э. Краснодарского городища на Дубинке, чечевица (поселение Чамлыкское X), бобы (*Vicia faba*) и горох (*Pisum sativum*), обнаруженные при раскопках близ г. Майкопа⁶⁹.

Выращивались некоторые технические культуры. На Подазовском городище открыты остатки льна⁷⁰. Ссылаясь на сведения Геродота и обстоятельство присутствия дикой конопли среди растений района Прикубанья и в современности, Н.В. Анфимов предположил культивирование этой технической культуры меотосарматскими племенами. По мнению автора, косвенным указанием на это могут служить отпечатки грубой холщовой ткани (на зеркалах, фибулах и др.) в погребениях последних веков до н.э. и первых веков н.э.⁷¹. Скорее всего, конопля могла засеиваться населением и степей, и предгорий Центрального Предкавказья, поскольку в этих районах она также произрастает с древности.

О большом значении сельскохозяйственных культур в жизни племен Предкавказья свидетельствуют сведения о характере питания населения этого района. По мнению А.В. Найденко, зерна проса в одном из сосудов Грушевского городища – это остатки каши. По словам автора, подобная каша в горшке найдена при раскопках позднекобанского могильника VI–IV вв. до н. э. близ станицы Исправной на р. Большой Зеленчук⁷². Другой вид каши был встречен в глиняной миске при исследовании основного слоя Сержень-Юртовского поселения (раскоп 3, 1964 г.). Здесь в составе каши присутствовали зерна мягкой пшеницы, ржи и магары⁷³. В этом районе иногда в пищу шли и некоторые плоды дикорастущих растений, о чем свидетельствуют вместе с находками культурных растений находки кизиловых косточек, желудей и косточек дикого винограда⁷⁴.

Возможно, зерна гречихи, обнаруженные в остатках пшеничной каши из погребений 2 и 3 Исправненского могильника, свидетельствуют об употреблявшемся третьем смешанном варианте каши из зерна пшеницы и гречихи⁷⁵.

Следует отметить, что хлеб являлся символом культа плодородия. Изготовленные из глины две модели культовых хлебцев найдены при исследовании поселения Зауар в горной Дигории. Один из них был обнаружен в культовой яме в первом гончарном комплексе. Подобные глиняные лепешки (диаметр – 1,7–6,7 см) известны из раскопок поселения Сержень-Юрт⁷⁶. Также, лепешка с орнаментированной поверхностью (диаметр – 2,5 см) обнаружена в верхнем слое Хумаринского поселения⁷⁷.

С земледелием связаны изобразительные сюжеты на керамике, трактуемые исследователями как первобытный календарь, связанный с этапами сельскохозяйственных работ (пахота, сев, уборка урожая)⁷⁸. К таковым, видимо, следует отнести фризы и геометрический орнамент, характерный для керамики скифского времени. Считается, что треугольники, ромбы и шахматный орнамент являются древнейшими символами плодородия – условным обозначением обрабатываемых полей⁷⁹.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что уже в середине I тыс. до н.э. земледелие наряду со скотоводством практиковалось достаточно хорошо и было основой для последующего развития сельскохозяйственного производства местных народов в последние века до н.э. – первые века н.э. и в эпоху Средневековья, о чем свидетельствуют материалы средневековых городищ и поселений Адиух, Гиляч, Жако и др.⁸⁰.

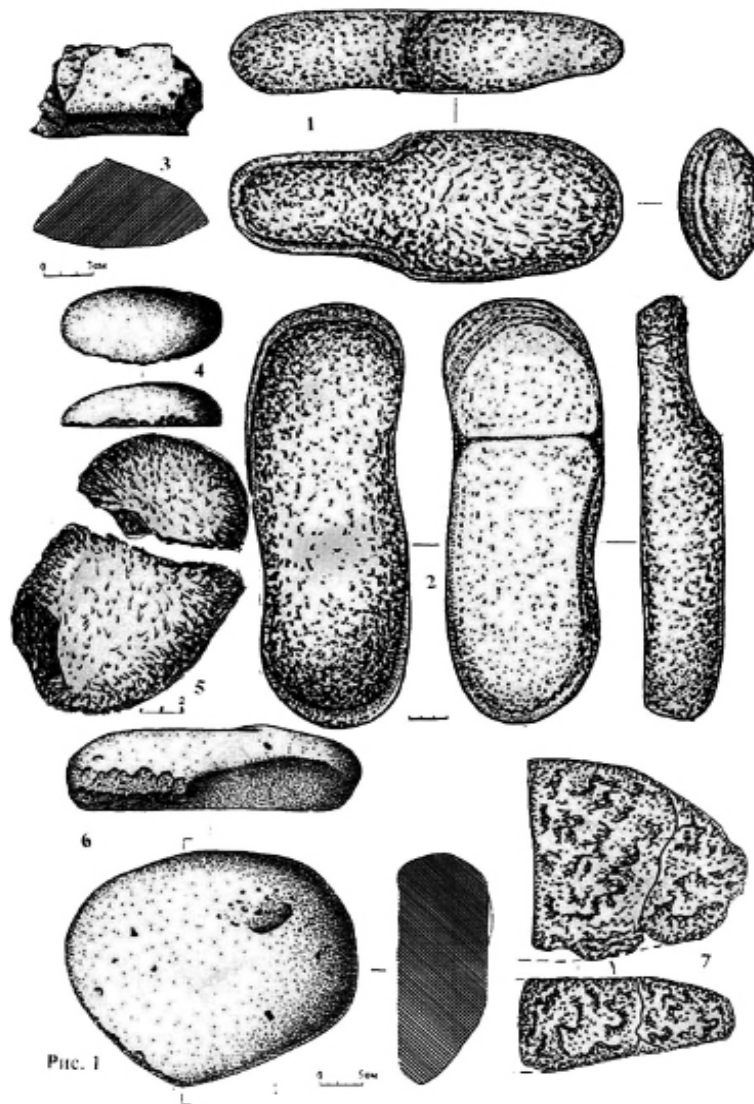

Рис. 1. Зернотерки и терочки из памятников III–I вв. до н.э. Центрального Предкавказья: 1, 2 – мог. Бамутский поворот, гр. I, кург. 3; 3, 4, 6 – мог. Доброжеланный, кург. 1 (3 – погр. 7; 4, 6 – отдельные находки – по Я.Б. Березину, А.А. Калмыкову); 5 – мог. Павлодольская (1988 г. – по Э.Л. Черджиеву); 7 – Ачхой-Мартановский кург. (находка из насыпи)

Примечания (Endnotes)

1. *Кореневский С.Н.* Поселение «Замок» у г. Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 112.
2. *Кореневский С.Н.* Галюгай I – поселение майкопской культуры. М., 1995.
3. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М., 1951. № 23. С. 102; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 313.
4. *Прокопенко Ю.А.* Земледелие у племен Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. // Вестник СГУ. Ставрополь, 2003. Вып. 33. С. 32 сл.
5. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. М., 1977. Вып. 2–5; *Она же.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. М., 1982. Вып. 2–5. Т. 2.
6. *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. С. 87–88.
7. *Крупнов Е.И.* Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ: Археологический сборник. М., 1948. Т. XVIII. С. 21.
8. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа... С. 313.
9. Там же. С. 313.
10. *Минаева Т.М.* К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1960. Вып. 10. С. 267.
11. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. М., 1989. Вып. В 2–5. Т. 3. С. 65.
12. *Найденко А.В.* К вопросу о ранней истории земледелия на территории Ставрополя // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа. Мат. межрег. науч. конф. (25 декабря 1988 г.). Ставрополь, 1999. С. 87–88.
13. *Березин Я.Б.* О топографии Грушевского поселения (на материалах раскопок 1995 г.) // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (26–27 января / Ставрополь). Ставрополь, 1997. С. 25.
14. *Малашев В.Ю.* Татарское городище. Некоторые итоги работ 1992–1993 годов // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Кисловодск, 1994. С. 29.
15. *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры... С. 88.
16. *Минаева Т.М.* К истории земледелия... С. 88.
17. *Крупнов Е.И.* Археологические памятники верховьев р. Терека... С. 23.
18. *Прокопенко Ю.А., Дорофеев Г.Л.* О результатах исследования поселения первой половины – середины I тыс. до н.э. «Зольское – I» в окрестностях ст. Зольской // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докл. межр. науч. конф. (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.). Ставрополь, 2003. С. 11.
19. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Культы кобанского населения Сауар // МИАР. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки: Сб. ст. М., 2001. Вып. 3. С. 86–100.
20. *Дударев С.Л., Ростунов Е.В.* Ильиновское поселение эпохи раннего железа // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989–1990 годов (Аннотации сообщений, январь 1991 г.). Грозный, 1991. С. 8.
21. *Лачинов И.А., Савенко С.Н.* Охранно-спасательные раскопки на поселении Крестовая горка в г. Кисловодске // АО. 1998. М., 2000. С. 85.
22. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. М., 1969. Т. III. С. 114.
23. *Черджиев Э.Л.* Курганы эпохи средней бронзы у ст. Павлодольской Моздокского района Северной Осетии // Ритмы истории: Сб. науч. тр. Археология, этнография, фольклор. Владикавказ, 2004. Вып. 2, 1. Рис. 5, 2; *Березин Я.Б., Калмыков А.А.* Курганы у поселка Доброжеланный // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 151 сл. Рис. 11, 3, 4; *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.*

Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи раннего Средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008. С. 236. Табл. 23, 1, 2, 3, 4.

24. *Березин Я.Б., Колесниченко К.Б.* Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станица – 2» // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–Москва, 2009. Вып. 9. С. 53.

25. *Найденко А.В.* Указ. соч. С. 88.

26. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н. э. – I тыс. н.э. Мет. пос. Армавир, 1999. С. 7.

27. *Минаева Т.М.* Указ. соч. С. 268.

28. *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. М., 1984. С. 64.

29. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. М., 1998. Вып. Б 2–5. С. 169. Табл. XIII, 24.

30. *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 29. Табл. 12, 3.

31. *Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 50.

32. *Анфимов Н.В.* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА. М.;Л., 1951. № 23. С. 148.

33. *Найденко А.В.* Указ. соч. С. 88.

34. *Коробов Д.С., Борисов А.В.* О земледелии эпохи позднего бронзового – раннего железного века в Кисловодской котловине // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный–Москва, 2011. С. 52.

35. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 149.

36. *Найденко А.В.* Указ. соч. С. 89.

37. *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры... С. 88.

38. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 149.

39. *Пиотровский Б.Б.* Урарту. Л., 1929. Рис. 30, 31.

40. *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 8.

41. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. М., 1989. В 2–5. Т. 3. С. 65.

42. *Коробов Д.С., Борисов А.В.* Указ. соч. С. 51–52.

43. Там же. С. 53–54.

44. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 149 сл.

45. *Гадло А.В., Найденко А.В.* Исследование Грушевского городища // МИСК. Ставрополь, 1988. № 15, 16. С. 149.

46. *Шевченко Н.Ф.* Строительные традиции у меотов // ИАА. Армавир–Москва, 1995. Вып. 1. С. 138.

47. *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 88.

48. *Найденко А.В., Прокопенко Ю.А., Деопик Д.В.* Керамика Грушевского городища (предварительная публикация) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 2. С. 38–39.

49. *Березин Я.Б.* Строения и сооружения Чапаевского поселения (г. Ставрополь) // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 8.

50. *Березин Я.Б.* О керамике Чапаевского поселения сарматского времени // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Кисловодск, 1994. С. 44.

51. *Березин Я.Б., Колесниченко К.Б.* Указ. соч. С. 53 сл.

52. *Шевченко Н.Ф.* Жилище меотских племен Восточного Приазовья // Древности Кубани: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1991. С. 102.

53. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 149.

54. *Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник. М., 1994. № 5. С. 111.

55. Там же. С. 110–111.

56. *Фляксберг К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // КСИИМК. М., 1940. Вып. VIII. С. 118.

57. *Лебедева Е.Ю.* Указ. соч. С. 111. Табл. 2.

58. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 148; *Лебедева Е.Ю.* Указ. соч. С. 111.
59. *Лебедева Е.Ю.* Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.: Сб. ст. М., 2001. С. 188.*
60. *Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования... С. 110.
61. *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры... С. 88.
62. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант... С. 65; *Козенкова В.И., Найдено А.В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // *СА. 1980. № 1. С. 207, 208.*
63. *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Курган № 12 могильника Новозаведенное – II // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 218.*
64. *Найденко А.В.* Указ. соч. С. 88.
65. Отчет А.Л. Нечитайло о раскопках курганов у села Нижняя Татарка Ставропольского края в 1967 г. // *Арх. Ставропольского государственного краеведческого музея – заповедника им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве. Ф. 70. Ед. хр. 3. Л. 12.*
66. *Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования палеоботанических материалов... С. 110.
67. *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э., Ставрополь, 1999. С. 20–21.
68. *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры... С. 88.
69. *Фляксбергер К.* Указ. соч. С. 117; *Лебедева Е.Ю.* Указ. соч. 1994. С. 110.
70. *Лебедева Е.Ю.* Там же. С. 111. Табл. 2.
71. *Анфимов Н.В.* Земледелие у меото-сарматских племен... С. 20.
72. *Найденко А.В.* Указ. соч. С. 88.
73. *Козенкова В.И.* Указ. соч. С. 88.
74. Там же. С. 88.
75. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант... С. 65.
76. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Культы кобанского населения Сауар // *МИАР. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сб. ст. М., 2001 Вып. 3. С. 100. Рис. 6, 13; Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М., 1982. С. 66.
77. *Абрамова М.П.* Поселение скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани // *Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 100. Рис. 12, 9.*
78. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный, 1972.
79. *Рыбаков Б.А.* Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Западной Европы (IV–III тысячелетия до н. э.) // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966. С. 107–112; *Кривицкий В.В.* Бронзовый ритон из собрания Эрмитажа // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. XLII. С. 21.*
80. *Минаева Т.М.* Указ. соч. С. 269–280.

ЧЕГЕМ. ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ (Воспоминания)

Одной из важнейших вех в моей ранней научной деятельности являются, бесспорно, археологические раскопки в балкарском ауле Верхний Чегем в составе экспедиции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (далее КБНИИ) в г. Нальчике.

Идея участия в настоящей археологической экспедиции пришла ко мне в апреле 1960 г. и особенно укрепилась после разговора с Николаем Николаевичем Михайловым, который посоветовал мне написать письмо в вышеуказанный институт. Не надеясь особенно на ответ, я отправил письмо с краткими сведениями о себе, и буквально через неделю получил письмо от зав. сектором археологии Г.И. Ионе, который писал, что я зачислен лаборантом на время археологических работ экспедиции, которые будут проводиться в ауле Верхний Чегем до конца лета. Я так гордился этим письмом – первым моим официальным приглашением в экспедицию, что показал его не только своим коллегам по археологическому кружку, но и своим друзьям; оно до сих пор хранится в моем архиве.

Я стал усиленно готовиться к этой экспедиции – искал и прорабатывал научную литературу об археологии и истории Кабарды и Балкарии. Основной, можно сказать, единственной обобщающей работой в этой области была книга выдающегося археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова «Древняя история и культура Кабарды», опубликованная в 1957 г. У Николая Николаевича эта книга имела в его небольшой научной библиотеке, и он подарил ее мне, и она до настоящего времени стоит на полке в одном ряду с книгами по археологии Кавказа в моей библиотеке. Я перечитал ее несколько раз и, вооруженный полученными знаниями, в конце мая сел в автобус Кисловодск–Нальчик, отправлявшийся с автостанции, находившейся в ту пору в маленьком одноэтажном здании на выезде из Кисловодска рядом с рекой Подкумок.

В Нальчике я достаточно быстро нашел Институт, располагавшийся в центре города, неподалеку от знаменитого парка, на улице Лермонтова в двухэтажном здании с колоннами. Сектор археологии и этнографии находился на первом этаже здания. Возглавляли его в ту пору два человека – Панаит Георгиевич Акритас и Гавриил Иосифович Ионе. Собственно, возглавлял сектор П.Г. Акритас – очень пожилой (ему уже тогда было под восемьдесят) человек, неизменно ходивший в соломенной шляпе и плаще. Он был этнографом и опубликовал ряд работ, часть их – еще до революции. Грек по происхождению, он везде и постоянно искал следы греческого пребывания на Северном Кавказе, в том числе в Балкарии.

Другой глава сектора – Гавриил Иосифович Ионе – археолог, был приглашен в Нальчик из Азербайджана, откуда он был родом и где провел большую часть своей жизни, для того чтобы поднять археологию Кабардино-Балкарии; он же и учредил археологическую экспедицию КБНИИ. В Азербайджане Г.И. Ионе участвовал в раскопках многих памятников, особенно в зоне строившейся Мингечаурской ГЭС, в результате чего он написал монографию «Древний Мингечаур», соавторами которой были Ваидов и Саидов.

В Нальчике Г.И. Ионе жил на квартире с тремя детьми и женой-немкой из бывших немецких колоний-хуторов, которых еще до войны было немало на Кавминводах

и в Азербайджане и которые носили немецкие названия и отличались исключительной аккуратностью, чистотой улиц, домов и крепким хозяйством. Это была, можно сказать, «маленькая Германия» на Кавказе. В соответствующее время они были ликвидированы и переименованы. Жена Г.И. Ионе – Отилия Фридриховна – родственница известного краеведа-археолога Гуммеля, прославившегося своими открытиями археологических памятников в Азербайджане.

Г.И. Ионе был сравнительно высоким человеком крепкого телосложения. Он хорошо знал археологию Азербайджана и только-только знакомился с археологией Северного Кавказа. Поляк по своему этническому происхождению, он родился и провел всю свою жизнь до переезда в Нальчик в Азербайджане.

Во время войны Г.И. Ионе, как поляк, был прикомандирован в армию известного генерала Андерса, который не захотел сражаться с немцами под советским командованием, подчиняясь приказам польского эмигрантского правительства в Лондоне. Поэтому, по решению И.В. Сталина, части Андерса были переброшены в Среднюю Азию, где местом их дислокации стали Ташкент и Шахрисабз. Затем через Иран они были переброшены в Северную Африку, где сражались вместе с англичанами против немецкой армии Ромеля. В Узбекистане Гавриил Иосифович служил с ними и поэтому хорошо знал порядки, царившие в этих частях; с негодованием он рассказывал нам о высокомерии польских офицеров, об их пренебрежительном отношении ко всему советскому.

Подготовка к экспедиции закончилась в начале июня, и мы на грузовой машине выехали из Нальчика в аул Верхний Чегем, где были намечены основные работы экспедиции. Собственно, научный костяк ее составляли два человека – начальник экспедиции Г.И. Ионе и я – лаборант экспедиции; остальные были членами семьи Гавриила Иосифовича – его жена, старшая дочь и младший сын.

По хорошему шоссе Нальчик–Пятигорск мы доехали до поворота в Чегемское ущелье. Проехав все в садах кабардинское селение Лечинкай, мы стали постепенно углубляться в ущелье.

Надо сказать, что вся Кабардино-Балкария состоит из двух природных зон – равнинной, заселенной кабардинцами и отчасти русскими, и горной, где преимущественно живут балкарцы, за исключением г. Тырнауза в Баксанском ущелье, где, благодаря наличию предприятий по добыче руды, проживает много русского населения. Территорию Балкарии с юга от Кавказского хребта прорезают три основных ущелья, по дну которых протекают горные речки Баксан, Чегем и Черек, впадающие в реку Малку, истоки которой берут свое начало у Эльбруса; Малка в свою очередь впадает в реку Терек. На востоке, на границе с Осетией, расположено еще одно ущелье реки Уруп.

Балкарские аулы находятся в основном вдоль этих ущелий, в выгодных в природном отношении местах, и только изредка – на боковых притоках рек.

В отличие от кабардинцев, принадлежащих к адыго-абхазской ветви иберокавказской языковой семьи, балкарцы говорят на одном из тюркских языков, отличающемся, к примеру, от узбекского «джоканием». Так, вместо «йок» (нет), они говорят «джок»; вместо «ямгур» (дождь) – «джамгур» и т.д. Как и все малые народы Кавказа, балкарцы отличаются свободолобием, независимостью и каким-то гипертрофированным чувством сохранения своей этнической чистоты.

К 1960 г. балкарцы, как и другие депортированные народы Северного Кавказа, всего лишь два года как вернулись из далекой ссылки в Среднюю Азию и только-только осваивали места своего прежнего обитания. Поэтому многие аулы были заселены лишь наполовину, а ряд из них еще находился в заброшенном состоянии. На меня, например, совершенно гнетущее впечатление произвел аул Думала, расположенный неподалеку от Верхнего Чегема по дороге в Черекское ущелье, ведущей мимо величественной вершины Карагашинли-тау. Аул был пустой, без единого человека, но везде все еще стояли дома с открытыми окнами и дверями, с очагами и кормушками для скота во дворах.

Въехав в Чегемское ущелье, мы вначале двигались вдоль сравнительно невысоких лесистых гор, но после Нижнего Чегема, который в ту пору уже был заселен, мы въехали в теснину гор, обступающих дорогу с обеих сторон, так что для нее оставалась неширокая полоса.

Сразу же за Нижним Чегемом с гор грандиозный водопад, проехав который, мы, бесконечно петляя среди отвесных скал, наконец-то к вечеру добрались до Верхнего Чегема. Аул располагался на склоне гор, на левом берегу небольшой горной речки Джылгы-су, у ее впадения в реку Чегем, в очень красивом месте. На юге от него простирались снежные вершины Большого Кавказского хребта. Отсюда через сложный перевал Твибер можно было пройти в Верхнюю Сванетию. С востока и запада аул обступали отвесные скалы, на юго-востоке возвышался величественный Карагашинли-тау (более 4,5 тыс. м над ур. моря).

В центре аула стояла старинная сторожевая башня, а к югу от нее на склоне гор – своеобразные каменные склепы. Вокруг башни располагались дома, выстроенные из плиточного камня в сочетании с булыжником, окруженные заборами из того же булыжника; внутри дворов кое-где сохранились фруктовые деревья, в основном абрикосы. В это время, конечно, ни света, ни радио в ауле не имелось, а почтовое отделение находилось в ауле Булунгу, расположенном в 10 км к югу от Верхнего Чегема.

В 1960 г. этот аул был заселен еще частично, многие дома стояли пустые. Нас поселили в доме старого балкарца, которого звали Ибрагимом, неподалеку от родового дома знаменитого балкарского поэта Кайсына Кулиева, который во время своего пребывания в родных местах часто приходил к нам на раскопки. Наш хозяин был высоким сухощавым человеком, и несмотря на то, что ему было уже более семидесяти лет, мог спокойно взвалить на плечи тяжелый мешок с зерном и отнести его на небольшую мельницу, устроенную на Джылгы-су. Он рассказал нам, что вернувшись из ссылки, он доехал до Чегемского ущелья на машине, а затем шел пешком до Верхнего Чегема во исполнение своей клятвы, данной в далеком Казахстане.

Первые дни я жил с семьей Ионе, а затем нас с шофером Мишей Вершковым поселили в одном из классов местной школы, которая всего-то была размером с небольшой дом. Позднее, кажется дней через десять, к нам присоединился выпускник Московского архивного института Олег Опышко, получивший распределение в сектор археологии и этнографии КБНИИ. Это и был весь состав экспедиции. Консультантом ее по этнографическим вопросам был выходец из этого аула Саид Шахмурзаев – небольшого роста сухопарый пожилой человек, очень доброжелательный и безотказный. Он был известным балкарским поэтом, писателем, публицистом и писал о работах экспедиции небольшие статьи в балкарские газеты, выходившие в Нальчике.

Саид Шахмурзаев часто рассказывал о балкарцах, об их истории, учил балкарскому языку. От него я впервые услышал легенду о грозном Келеван-аскере (так предки балкарцев называли Тимура) и пребывании его в Чегеме. Позднее я сопоставил эти данные со сведениями персидского историка Шараф ад-Дина Али Йезди и отразил их в своей статье «Поход Тимура на Северный Кавказ», опубликованной в г. Грозном в 1976 г., хотя написана эта статья была в 1966 г., когда я учился еще на четвертом курсе.

За исключением Г.И. Ионе, в экспедиции не было настоящих археологов; Олег в Верхнем Чегеме впервые попал на археологические раскопки. Да и вообще археология не влекла его, он больше любил историю, написал несколько книг по истории Кабарды и Балкарии, в основном современной, а археология была отражена в его научно-популярных книгах. А поскольку я к тому времени имел уже некоторый опыт в северокавказской археологии, то основная нагрузка легла на меня – я вел полевой дневник, писал отчеты, вел раскопки. Большинство своих

записей я передал Г.И. Ионе, но некоторые из них сохранились и у меня. Сам Гавриил Иосифович на раскопках бывал нечасто. Иногда он что-то писал, но больше рассказывал... о своей жизни, о войне, о раскопках в Азербайджане и, видимо, от непреходящей обиды за то, что его вытеснили с родины, частенько ругал своих азербайджанских коллег. Поскольку другой аудитории у него не было, то нам с Олегом приходилось часами выслушивать его.

Работы экспедиции начались с раскопок неолитической стоянки в гроте Кала-тубе, расположенном в ущелье реки Джылгы-су. Неолитические слои находились на самом дне грота, и для того чтобы добраться до них, надо было пройти через многометровую толщу слоев, большинство которых представляло собой отложения золы, горелых остатков и следы пребывания домашнего скота, после чего из шурфа мы вылезали, похожими на шахтеров.

Позднее мы начали раскопки на средневековом поселении, расположенном несколько выше грота Кала-тубе. От этого поселения начиналась так называемая Греческая лестница, проходящая выше грота по искусственному карнизу шириной немногим более метра, а где-то и почти совсем обвалившаяся и выводящая в боковое ущелье. По ней жители поселения во время военной угрозы уходили от врага. На поселении мы исследовали остатки жилищ, которые хорошо были видны по сохранившимся на поверхности каменным кладкам. Другим объектом наших раскопок стал могильник XIII–XIV вв., расположенный в местности Байрам-Баши на северной окраине аула Верхний Чегем.

Раскопки могильника по решению Г.И. Ионе так же, как и всю полевую документацию, вел я. На этом могильнике мне удалось найти и раскопать женское погребение в полностью сохранившейся одежде. Это открытие вызвало большой резонанс как среди местных жителей, приходивших на место раскопок большими группами, особенно женщин, так и в научной среде. К нам приезжали журналисты, статьи которых об этом необычном погребении публиковались во всех газетах, выходивших в Нальчике. Сам скелет вместе с прекрасно сохранившимся деревянным гробом, в котором он находился, был вывезен в Нальчик и, кажется, был помещен в одном из залов городского краеведческого музея.

Для меня лично работа в экспедиции вначале была достаточно напряженной – целый день на раскопках, затем, после обеда, очистка и шифровка находок, заполнение дневника и т.д. Но постепенно я приучился к обычному распорядку работ в археологической экспедиции, их систематичности и ежедневности, что стало для меня настоящей школой полевых исследований. В определенные дни мы отправлялись в пешие маршруты в поисках новых археологических памятников, каковые обычно совершались в труднодоступное ущелье Джылгы-су или по дороге к перевалу Штулу, ведущему в соседнее ущелье реки Черек.

Состав экспедиции как в 1960, так и в следующем году, оставался почти неизменным. Позднее к ней присоединились балкарцы, студенты исторического факультета университета в Нальчике Исмаил Мизиев и Исмаил Чеченов, ставший после отъезда Г.И. Ионе в Белоруссию заведующим отделом археологии и этнографии.

Аул Верхний Чегем находился на дороге, ведущей к перевалу Твибер, через который она шла дальше в Сванетию, в Местию и Ушгуль. Поэтому время от времени к нам на раскопки заходили туристы из различных городов Советского Союза, а иногда и профессиональные альпинисты. Так, в один из дней ко мне прямо на раскоп пришли два крепко сложенных молодых парня в сванских шапочках. Один из них был Михаил Хергиани – знаменитый альпинист, еще более известный во всем мире как скалолаз. Его заслуженно называли «тигром скал». Он был неоднократным чемпионом Союза и, пожалуй, сильнейшим скалолазом в мире, побеждал на многих мировых чемпионатах. Второй – также сван, звали его Феликс, фамилию не помню. В Верхний Чегем они приехали, для того чтобы

потренироваться перед очередными соревнованиями и совершить восхождение на Карагашинли-тау.

Я сам был свидетелем выдающихся способностей Миши Хергиани в скалолазании. Однажды он пришел к нам на раскопки поселения и, когда ему показали «Греческую лестницу» и сказали, что никто еще не смог пройти ее до конца, он тут же решил покорить ее. Я пошел с ним, но, пройдя по карнизу менее четверти пути, решил повернуть назад, так как почувствовал, что еще шаг – и я свалюсь вниз. Дальше Миша шел один, каким-то немыслимым образом опираясь на кончики пальцев ног и цепляясь за малейший выступ скалы пальцами рук, буквально распластавшись на ее поверхности. Через некоторое время он скрылся в боковом ущелье. «Греческая лестница» была покорена!

Порой в Верхний Чегем забредали художники в поисках красивых пейзажей. Один из них – саратовский художник, подаривший мне небольшой этюд с изображением погребального склепа в Верхнем Чегеме. Он до сих пор висит на стене моего кабинета, напоминая о далеких и неповторимых годах юности, проведенных в высокогорном балкарском ауле.

Случались в Чегеме и невероятные приключения. Однажды из-за сильных дождей и быстрого таяния снегов вода в реке Чегем поднялась очень высоко; с бешеной скоростью она неслась вниз, уничтожая все на своем пути, в том числе и мосты. Аул Верхний Чегем оказался совершенно отрезанным от мира. Через несколько дней Г.И. Ионе и его семья были вывезены в Нальчик на вертолете, а мы, несколько человек, добирались до этого города пешком, через горы, по весьма сложному маршруту, по которому вел нас балкарский проводник Султан.

После завершения экспедиции в конце августа 1960 г., я еще некоторое время оставался в Нальчике, благо, что жить было где. Мой папа в то время работал заведующим питания в пионерских и туристических лагерях, расположенных в живописнейшем месте Нальчика, – Долинске, особо запомнившимся своим огромным парком.

В Нальчике, в отделе института, я разбирал привезенные археологические находки и иногда ходил на научные заседания, которые были весьма интересны. В то время научный мир на Северном Кавказе оживленно, можно сказать ожесточенно дискутировал на тему происхождения северокавказских народов. Проводились многочисленные научные сессии, на которых ученые – представители того или иного народа, занимали непримиримые позиции, в особенности, в вопросе о месте их первоначального обитания; о том, кто пришлый, а кто коренной обитатель той или иной местности Северного Кавказа; каждый по-своему давал толкование тех или иных немногочисленных древних надписей.

Особенно это проявлялось в дискуссиях о языке надписей на знаменитых памятниках из Архыза и Этоки, которые одни ученые читали по-осетински, другие – по-кабардински, а М. Кудаев, математик по образованию, выходец из аула Верхний Чегем, прочитал их по-балкарски, по поводу чего он даже опубликовал небольшую книгу, вышедшую в Нальчике.

Из этих заседаний я уже тогда вынес твердое убеждение в том, что так называемый этногенез народов – это весьма спекулятивный и зачастую вредный для исторической науки раздел, где каждая из заинтересованных сторон, не считаясь с имеющимися достоверными фактами, стремится доказать автохтонность только своего народа, тогда как другие народы проживающие здесь, объявляются пришлыми. Поэтому в обширном списке моих научных работ не имеется ни одной работы, посвященной этногенезу.

В середине сентября я завершил все свои дела в Нальчике и вернулся в Кисловодск, где снова вошел в привычный ритм работ нашего археологического кружка. Пользуясь погожими днями, мы по-прежнему искали новые археологические памятники, работали на старых, особенно в местах новостроек. Так были открыты

новые могильники с так называемыми скальными погребениями в Тихом уголке, на правом берегу реки Подкумка, по дороге из Кисловодска на железнодорожной станции Белый уголь, напротив карачаевского аула Учкеек, на левом берегу той же реки. Открыли и частично раскопали могильники эпохи поздней бронзы и раннего железа на горе Сосновке, месте традиционного отдыха курортников, и на Султан-горе, в долине реки Ольховки.

О работе нашего кружка узнавало все большее число ученых, а многие экспонаты вошли в фундаментальную монографию Е.И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», в которой почетное место среди находок на мебельной фабрике занимала знаменитая бронзовая секира в виде свернувшегося хищного зверя. Они публиковались и в книгах его учеников: В.И. Марковина – о северокавказской культуре эпохи бронзы и В.А. Кузнецова – об аланах.

Впрочем, история исследования археологических памятников Кисловодского района, в том числе и моего участия в них, прекрасно изложена Г.Е. Афанасьевым в коллективной монографии Г.Е. Афанасьев, С.Н. Савенко, Д.С. Коробов «Древности Кисловодской котловины». М., 2004.

В июне 1961 г. я снова вернулся в Верхний Чегем, где мы исследовали те же археологические памятники, а в августе экспедиция приступила к раскопкам в районе Этоки, живописном селении, раскинувшемся на большой площади у подножия Джинальского хребта. Я приехал на Этоку в начале августа после моей неудачной попытки поступить на исторический факультет Ростовского университета. Вернувшись из Ростова и посетив М.Е. Массона, я отправился на Этоку, где мне было поручено исследовать могильник VII–VI вв. до н.э. с погребениями в каменных ящиках, о чем я даже написал статью, оставшуюся неопубликованной, но сохранившейся в моем личном архиве по Северному Кавказу, переданному в Музей Востока в Москве. Экспедиция на Этоке завершилась в начале сентября. Впереди ждала неизвестная мне Средняя Азия, раскопки в Старом Мерве.

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ПЯТИГОРСКА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XX в.**

История исследования памятников бронзового века Пятигорья насчитывает 130 лет. За это время был выявлен ряд курганных могильников, в том числе один из крупнейших на Северном Кавказе – Константиновское плато; раскопаны десятки курганов, содержащих свыше 200 погребений различных этапов бронзового века (конец IV – рубеж II и I тыс. до н.э.). Одним из малоизвестных этапов изучения древностей являются раскопки первой половины XX в., проводимые В.Р. Апухтиным, Н.М. Егоровым, Г.И. Рагозиным, М.И. Рыбенко, А.П. Руничем, И.С. Гумилевским, В.А. Кузнецовым.

История исследования памятников бронзового века кратко отражена в работах В.И. Марковина¹, С.Н. Корневского², С.Н. Савенко³, В.А. Кузнецова⁴ и др. Вместе с тем сведения о раскопках в изучаемый период в открытых источниках достаточно отрывочны, многие комплексы не введены в научный оборот или поданы схематично. Материалы раскопок находятся в собрании Пятигорского краеведческого музея. Большой научный интерес представляет архив Н.М. Егорова, представляющий собой археологические дневники с подробным описанием исследований местных древностей, фотографии, чертежи и зарисовки. Николай Михайлович Егоров проработал более 30 лет в Пятигорском краеведческом музее. Под его руководством и при его участии были исследованы и спасены от разрушения десятки археологических памятников в городах КМВ и их окрестностях.

Раскопки курганов в начале века велись на частные средства, насыпи копались с помощью колодцев, из-за чего удавалось исследовать только центральные погребения. В 20–50-е гг. XX в. исследовались разрушающиеся памятники, до 1950-х гг. раскопки велись вручную, затем с появлением землеройной техники курганы стали копать под снос. Большую роль в спасательных раскопках сыграли сотрудники Пятигорского краеведческого музея и местные краеведы. Отсутствие финансовых средств, техники, необходимого снаряжения, рабочей силы, текучесть краеведческих кадров и недостаточное внимание городских властей к проблемам охраны исторического наследия – все это затрудняло проведение раскопок.

После раскопок Д.Я. Самоквасова (1881–1882) в исследованиях археологических памятников в окрестностях Пятигорска, и в частности курганов бронзового века, наступает длительный перерыв. Только в начале XX в. к исследованиям местных древностей приступает Всеволод Ростиславович Апухтин. В 1902-м и 1912 гг. им были раскопаны 52 кургана, 4 из которых относились к бронзовому веку. Раскопки велись колодцами, поэтому исследованы были лишь центральные погребения⁵. Высота курганов составляла 3–4 м. В плане насыпи имели круглую и овальную форму и состояли из очень плотного глинистого грунта с включением крупных каменных глыб весом до 300–400 кг. Всего было исследовано 4 погребения. Погребения представляли собой прямоугольные ямы, вырытые в материке на глубину 1,4–2,1 м. Заполнение ям состояло из речного песка с галькой, далее находилась наброска из крупных каменных глыб.

Инвентарь погребений содержал керамику – лепные орнаментированные сосуды и курительницы, оружие из камня и бронзы, костяные и бронзовые культовые

предметы и украшения. Среди находок наибольший интерес представляют следующие: 3 глиняные курильницы, бронзовые булавки, пенал из человеческой кости и стилизованная статуэтка из алебаstra⁶. Отметим также бронзовый кинжал с плоским листовидным лезвием и плоской орнаментированной рукоятью, общей длиной 23 см (рис. 1). По данным самого В.Р. Апухтина, находка происходит из района колонии Константиновской, однако обстоятельства ее обнаружения неясны⁷.

Коллекции предметов древности, собранные В.Р. Апухтиным, неоднократно экспонировались на различных выставках. В начале 1920-х гг. частная коллекция В.Р. Апухтина была экспроприирована, некоторые предметы из этой коллекции попали в Пятигорский краеведческий музей, другая часть – в ГИМ⁸. Материалы раскопок В.Р. Апухтина частично опубликованы в собственных работах⁹ и в трудах исследователей второй половины XX в.: Б.А. Латынина¹⁰, А.Л. Нечитайло¹¹, С.Н. Кореневского¹² и др.

Следующий период в изучении памятников бронзового века Пятигорья связан с деятельностью местных краеведов, проводивших спасательные раскопки разрушающихся курганов. В 1918 г. при земляных работах на ул. Кирова (в центре Пятигорска) было обнаружено захоронение. Работавший в то время в г. Пятигорске археолог М.А. Гремяцкий признал черепную крышку погребенного принадлежащей неандертальцу и назвал его «Подкумский человек»¹³. Сведения о «подкумском человеке» попали в различные издания, в том числе и в Детскую энциклопедию 1960 г.¹⁴. Н.М. Егоров выразил сомнения по поводу выводов М.А. Гремяцкого. В 1937 г. вышла работа археолога Б.В. Лунина, в которой доказывалась принадлежность погребения к бронзовому веку¹⁵. Из этого же района происходит находка глиняного сосуда, характерного для эпохи средней бронзы. Вышеперечисленные находки указывают на то, что в районе пересечения ул. Кирова и Крайнева находился могильник II тыс. до н.э., насыпь (или насыпи) которого была разрушена при строительных работах.

В 1924 г. краеведами Вельжевским и Беридзе была предпринята попытка раскопать курган у кирхи в колонии Николаевской (ныне пос. Иноземцево). Раскопки велись колодцем 2х2 м. Погребения обнаружено не было. Этот курган был исследован в 1928 г. Н.М. Егоровым. Погребение эпохи бронзы было обнаружено восточнее колодца. Предметы из этого погребения: керамика и бронзовые ножи листовидной формы – хранятся в Пятигорском краеведческом музее. Материалы раскопок были опубликованы Н.М. Егоровым¹⁶. В 1930 г. Н.М. Егоровым были исследованы 2 погребения в одном из курганов в районе Ново-Пятигорска. Насыпь имела высоту 2,5 м и диаметр 31 м. В кургане открыто 2 погребения. Погребение 1 располагалось в южном секторе кургана и являлось впускным. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток на подстилке из камыша. Погребение 2 находилось рядом с первым и представляло собой яму с впускным в нее деревянным срубом. Пол могилы был покрыт слоем красной глины. Погребенный лежал вытянуто, головой на восток; длина скелета 176 см. В погребении обнаружен богато орнаментированный глиняный сосуд с 4 ручками¹⁷ (рис. 2).

В 1930 г. краеведом Г.И. Рагозиным было исследовано богатое погребение эпохи бронзы в кургане в центре пос. Горячеводский. Сам курган 1935 г. имел высоту 9 м и диаметр 63 м. Насыпь состояла из глины, чернозема и камня. Вокруг кургана имелся кромлех из глыб травертина, опиравшийся на крепиду из крупных каменных плит, поставленных на ребро. Ширина каменного кольца 1,5–2 м, мощность в нижней части 1,5–2 м и 1 м – в верхней. В погребении обнаружены золотые, сердоликовые и пастовые бусы, 3 глиняных сосуда и бараньи кости¹⁸. Предметы из этого погребения частично попали в Пятигорский краеведческий музей, золотые бусы были отосланы в Москву в Сектор науки. Данное событие было отражено и в местной прессе¹⁹.

В том же году в одном из курганов на возвышенности Дубровка (юго-западная окраина Пятигорска) было исследовано погребение бронзового века, разрушенное более поздней могилой (сарматского времени, по Н.М. Егорову). В погребении обнаружен глиняный сосуд и мелкие круглые бронзовые бусы²⁰.

В 1940-е гг. краеведами Н.М. Егоровым и А.П. Руничем исследовались уже упомянутые курганы на восточной окраине пос. Горячеводский (т.н. Апухтинские курганы). В южном поле одного из них в 1940 г. местными жителями был найден на глубине 1 м бронзовый котел. Н.М. Егоровым было установлено, что сильно разрушенная насыпь кургана имела высоту 1,5 м; в ее центральной части на глубине 0,5 м был расчищен человеческий скелет, возле которого находились бусы из бронзы и переломанное кольцо²¹.

В 1948 г. Н.М. Егоровым, М.И. Рыбенко, А.П. Руничем и И.С. Гумилевским был исследован еще один разрушающийся курган к северо-востоку от пос. Горячеводского. В кургане обнаружены 3 погребения бронзового века. В архиве Н.М. Егорова сохранилось описание самого кургана и его схематичный рисунок, где указано, что насыпь была окружена двойным кромlexом-оградой из массивных каменных плит, поставленных на ребро, имевшим 4 прохода шириной ок. 1 м, ориентированных четко по сторонам света²².

Погребение 1, обнаруженное на глубине 0,8–1 м, было сильно разрушено; в нем найдены фрагменты глиняного орнаментированного сосуда. Погребение 2 находилось недалеко от первого, на глубине 1,6 м и было парным. Костяки лежали вытянуто, головой на восток, причем один из них лежал на 0,15 м выше другого и был отделен от него каменной стенкой высотой 0,2 м. Длина обоих скелетов – около 190 см²³.

В 1930–1940 гг. в Пятигорский краеведческий музей поступает ряд случайных находок предметов, относящихся к изучаемому периоду. В числе находок были каменные орудия: топоры, тесла, шаровидное орудие с желобком.

Начиная с 1950-х гг., благодаря появлению новой землеройной техники курганы начинают раскапываться под снос, что значительно увеличило количество археологического материала.

Первым начал копать курганы под снос краевед и учитель в Школе рабочей молодежи Иван Сергеевич Гумилевский. В 1951-м и 1952 гг. он вместе с учениками раскопал 2 кургана в южной части Константиновского плато. В раскопках также принимали участие Н.М. Егоров, М.И. Рыбенко и А.П. Рунич. Курганы содержали 20 погребений бронзового века. Погребальный инвентарь обоих курганов включал керамику: 18 сосудов, 3 каменных топора, разнообразные бронзовые украшения и стилизованную антропоморфную статуэтку из алебаstra. Предметы частично попали в ГИМ и Эрмитаж; часть хранится в собрании Пятигорского краеведческого музея. Подробности раскопок мы опустим, так как материалы полностью опубликованы в работах В.И. Марковина²⁴; как сравнительный материал они используются в монографии С.Н. Кореневского²⁵.

В 1953 г. А.П. Руничем было исследовано погребение эпохи бронзы в разрушающемся кургане на территории Военного городка (южная часть Константиновского плато). Инвентарь этого погребения – глиняный сосуд и каменный полированный граненый топорик попал в Пятигорский краеведческий музей (рис. 3, 4). Материалы раскопок использовались в работе В.А. Сафронова²⁶ и С.Н. Кореневского²⁷.

В 1954 г. В.А. Кузнецовым, ставшим позже доктором исторических наук и одним из крупнейших кавказоведов, было раскопано разрушающееся погребение бронзового века. Могила представляла собой каменный ящик из цельных плит 1,7 x 0,96 x 0,6 м. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. В могиле были обнаружены бронзовая молоточковидная булава, бронзовые подвески и трубочки из листовой бронзы. По словам рабочих,

поблизости от этого погребения, но глубже его на 1,8 м, располагался другой каменный ящик с парным захоронением²⁸.

В 1954 г. началась планировка площади Леваневского для устройства нового рынка; находившийся на ней курган попал под снос. Его насыпь была разъезжена и не бросалась в глаза, диаметр ее составлял около 30 м. В начале июля насыпь была снесена экскаватором. Разрушенный курган был доследован под руководством Н.М. Егорова и М.И. Рыбенко; раскопки велись с перерывами с июля по октябрь и не были завершены. Всего было исследовано 6 погребений. Материалы этих раскопок, за исключением схематичных чертежей в работе С.Н. Корневского²⁹, не введены в научный оборот, что заставляет рассмотреть их более подробно, тем более, что процесс исследования памятника со всеми сопутствующими трудностями подробно описан в археологических дневниках Н.М. Егорова.

Погребение № 1 представляло собой прямоугольный каменный ящик, ориентированный с севера на юг. Восточная стенка отсутствовала. Размеры ящика 2,1 x 0,7 x 0,5 м. Пол могилы был сплошь покрыт золой, среди которой в южной и северной частях попадались куски угля, в северной части были замечены следы красной краски. Костяк сохранился плохо и, вероятно, принадлежал ребенку. В юго-восточном углу могилы находился глиняный сосуд (рис. 5)³⁰. Погребение № 2 также представляло собой каменный ящик. В могиле был обнаружен глиняный сосуд. По мнению Н.М. Егорова, эти 2 погребения определили диаметр кургана и то обстоятельство, что часть погребений находилась ниже снесенной насыпи.

Погребение № 3 являлось центральным на кургане. Могила находилась под каменным навалом и представляла собой прямоугольную яму, обложенную бревнами толщиной 25–27 см. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на восток. В могиле обнаружены бронзовая выпуклая круглая бляха с пунсонным орнаментом, бронзовая молоточковидная булавка и 2 бронзовые подвески (рис. 6, 7). В ходе дальнейших исследований, продолжавшихся до 5 августа, в северо-западной части был расчищен кромлех в виде оградки и обнаружены погребения: № 4, № 5 – в южной и № 6 – в северной части.

Погребение 4 находилось в северо-западной части под камнями кромлеха. Оно являлось овальной ямой, обложенной ровным рядом камней средних размеров, ориентированной с юго-запада на северо-восток. Длина погребения 1,8 м, ширина в средней части – 1 м. В могиле обнаружен костяк ребенка 7–8 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток. Слева от него находился орнаментированный глиняный сосуд. Погребение 5 располагалось в южном секторе и являлось каменным ящиком из 4 массивных плит, ориентированным с запада на восток.

В начале октября было исследовано погребение № 6. Оно представляло собой прямоугольную яму, обложенную каменными плитами со следами дерева. Размеры его 2,7 x 1,8 x 0,8 м. Погребение было парным: мужской скелет лежал в вытянутом положении головой на восток, женский (в сидячем положении) находился у северной стенки могилы. Возле женского костяка находилось глиняное прясло³¹.

В начале 50-х гг. началось исследование разрушающегося кургана в центре пос. Горячеводского, в 250 м от упомянутого Рагозинского кургана. Его насыпь достигала в высоту 13 м и диаметр – 120 м, она имела сложное строение из глины и камня и была окружена кромлехом из битого камня. Всего в кургане обнаружено 5 погребений, 2 из которых были исследованы в 1953 г.³²

Погребение 1 было открыто и исследовано Н.М. Егоровым и А.П. Руничем и представляло собой яму, перекрытую деревом. Погребение оказалось безынвентарным.

Погребение 2 открыто в 1953 г. местным жителем М.Р. Ахмедовым. В погребении обнаружены 2 глиняных орнаментированных сосуда, глиняная кружка и миниатюрный сосуд из алебаstra яйцевидной формы (рис. 8, 9)³³.

Таким образом, всего на территории города были полностью или частично раскопаны 14 курганов, в которых были исследованы 43 погребения. Несмотря на трудности и связанную с ними фрагментарность исследований, был получен достаточно представительный материал, нуждающийся в обобщении.

Одним из наиболее важных результатов раскопок изучаемого периода стало выявление археологических памятников в городе и его окрестностях. Археологические памятники были обозначены на археологической карте, составленной Н.М. Егоровым в 1957 г. Особенность данного материала заключается прежде всего в том, что большая часть указанных памятников до настоящего времени не сохранилась. Согласно этой карте, курганы на территории города располагались не в одиночку, а входили в состав групп, представлявших собой цепи, вытянувшиеся в одном направлении. Всего Н.М. Егоровым выделено 7 курганных групп³⁴.

Погребальные обряды, зафиксированные в ходе раскопок изучаемых памятников, имеют следующие черты:

1. Наличие курганных насыпей над погребениями. Курганные насыпи имели круглую или овальную в плане форму, высота их колебалась от 1,5 до 13 м, диаметр – от 30 до 120 м, что отличает их от позднесредневековых старокабардинских курганов Пятигорья, имевших значительно меньшие размеры. Насыпи состояли из плотного грунта или глины, нередко с включением крупных камней. В 4 курганах были зафиксированы кромлехи, состоящие из речного булыжника или вертикально стоящих каменных плит. Местной особенностью является спиралевидный кромлех, зафиксированный в И.С. Гумилевским в кургане № 1 (1951 г.)³⁵. Наибольший интерес представляет конструкция кургана на восточной окраине пос. Горячеводского, исследованная в 1948 г., не имеющая аналогов среди памятников изучаемого периода Северного Кавказа. Она может быть реконструирована как культовое сооружение.

2. Погребения совершались в прямоугольных каменных ящиках из 4–6 массивных плит, иногда дополняемых сухой кладкой из небольших плиток, в прямоугольных ямах, обложенных камнем со следами деревянных конструкций, реже в небольших ямах овальной формы, также обложенных камнем. Довольно нетипичным является погребение в кургане, раскопанном Н.М. Егоровым в колонии Николаевской (1928), представлявшее собой прямоугольную грунтовую яму, в центре которой было засыпанное древесным углем возвышение, на котором лежал погребенный. Размеры погребений колебались от 0,75 x 0,42–0,49 до 2,7 x 1,8 м, но обычно составляли 1,8–2,2 x 0,6–0,8 м; за эти рамки выходит погребение в кургане в колонии Николаевской, имевшее размеры 4,1 x 3,2 м³⁶. В курганах, раскопанных И.С. Гумилевским, размеры погребений зависели от размеров погребенного³⁷. Данная корреляция прослеживается и в других погребениях изучаемой эпохи на территории Кавминвод, что было отмечено С.Н. Корневским³⁸. Могилы обычно были одиночными; в 4 случаях зафиксированы парные захоронения (Погребение № 5, 6 А, 7 кургана 2, раскопанного И.С. Гумилевским; погребение № 6 Базарного кургана), в 2 – кенотафы (погребения №1 и 2 кургана 1, раскопанного им же)³⁹. Перекрывались погребения каменными плитами или менее прочным материалом (возможно, бревнами), не сохранившимся до наших дней; над ними располагались каменные наброски.

3. Погребенные лежали вытянуто на спине, скорченно на боку или в сидячем положении. В парном погребении № 6 Базарного кургана мужской костяк лежал в вытянутом на спине положении, головой на восток, женский – в сидячем положении. Преобладающей ориентацией костяков являлась восточная или северо-восточная, реже – западная.

Погребальный инвентарь исследованных захоронений представлен керамикой, каменными орудиями труда, оружием из камня и бронзы и украшениями из разнообразного материала. Керамическая коллекция насчитывает 32 сосуда и

3 курильницы. Сосуды различаются по размерам, форме и качеству и представляют следующие типы:

1. Крупные сероглиняные сосуды с туловом грушевидной формы, широким горлом и крупным, отогнутым венчиком (встречены в погребении кургана в колонии Николаевской и в Рагозинском кургане). К последнему типу близок сероглиняный, богатоорнаментированный сосуд шаровидной формы с 4 ручками-ушками из погребения № 2 кургана на ул. Крестьянской.

2. Горшки и кружки небольших размеров (емкость до 1–2 л), часто с 1-й или 2 ручками. Несмотря на ограничение в размерах, данные сосуды отличаются разнообразием форм. Большая часть сосудов имеет плоское дно, исключение составляют миска из погребения № 2 кургана 1, раскопанного И.С. Гумилевским. Венчики сосудов отогнуты наружу или прямые.

Курильницы представлены 3 экземплярами, происходящими из погребения в кургане № 6, раскопанного В.Р. Апухтиным в 1902 г. Одна из курильниц, хранящаяся в Пятигорском краеведческом музее (инв. № 615), представляет собой полусферическую чашу на крестообразном поддоне с небольшой камерой, отделенной стенкой. Поверхность ее богато орнаментирована оттисками штампа и веревки и имеет следы охры.

Большая часть сосудов и курильниц покрыта орнаментом, который наносился на сырую глину различными простейшими инструментами. Орнамент размещался в виде горизонтального фриза на тулове (в верхней и средней частях), реже – в придонной части. Мотивами орнамента являлись параллельные горизонтальные и вертикальные линии, ряды равнобедренных треугольников (заштрихованных или пустых), заключенных между рядами линий или расположенных ниже их пояса углом вниз (при орнаментации придонной части, наоборот, углом вверх); горизонтальные параллельные ряды косых насечек разнообразной формы, составляющих либо елочный орнамент, либо наклонные прерывистые линии.

Элементами декора сосудов и курильниц являются: 1) оттиски веревочки толщиной от 1 до 2–3 мм; 2) зерновидный оттиск; 3) оттиски штампов – треугольного, круглого; 4) остроугольные врезные линии; 5) ногтевые оттиски; 6) каплевидные оттиски; 7) ногтевые зацепы; 8) врезные желобчатые линии; 9) шпечки-налепы.

Орудия труда представлены каменными теслами, шаровидным орудием с желобком, найденными в начале 30-х гг. на г. Бештау. Относятся они к эпохе энеолита или ранней бронзы.

Оружие представлено 5 каменными топорами, 2 бронзовыми ножами и кинжалом. Каменные топоры имеют полированную поверхность и относятся к группе орудий кабардино-пятигорского типа; 4 из них – граненые, небольших размеров, 1 – гладкий с цилиндрическим обухом и прямым корпусом (погребение № 6 А кургана № 2, раскопанного И.С. Гумилевским).

Украшения составляют более многочисленную и разнообразную по формам часть погребального инвентаря. Находки включают: бусы из золота, бронзы, сердолика и пасты, бронзовые подвески различной формы, пронизи, свернутые из листовой бронзы, бронзовые полушаровидные бляхи с пунсонным орнаментом и бронзовые булавки посоховидной и молоточковидной форм. Золотые бусы происходят из погребения № 1 Рагозинского кургана. Они имели цилиндрическую форму, диаметр ок. 0,4 см и длину от 0,2 до 0,8 см⁴⁰. Бронзовые молоточковидные булавки представлены 4 экземплярами, 2 из которых были найдены В.Р. Апухтиным в погребении кургана № 6, где помещались в пенал из человеческой кости.

Последующие раскопки курганов бронзового века как на территории Пятигорья, так и в прилегающих к нему регионов (Кабардино-Балкарии и Прикубанья)⁴¹, показали, что погребальные обряды и инвентарь перечисленных подкурганных захоронений имеет аналоги в других исследованных памятниках бронзового века

Пятигорья и Центрального Предкавказья и складываются в единую культурную общность, получившую название «северокавказская культура», а позднее «северокавказская культурно-историческая общность», под которой В.И. Марковиным понималась племенные группировки, жившие на Северном Кавказе от бассейна р. Кубани до низовьев р. Сулак⁴². Археологические памятники, исследованные на территории Пятигорья и Кисловодской котловины, органично входят в данную общность, но вместе с тем имеют и свои региональные отличия, что позволило выделить данный локальный вариант в Кавминводскую группу погребальных памятников эпохи средней бронзы⁴³. Время бытования ее определяется С.Н. Корневским периодом с XXIV–XXII по XVI/XV вв. до н.э.⁴⁴. Более дробная периодизация данных памятников затруднена ввиду фрагментарности исследований.

Таким образом, исследования курганных древностей бронзового века на территории Пятигорска в первой половине XX в. не только спасли от разрушения и дали богатый археологический материал, но и, будучи использованными для построения различных типолого-хронологических схем, способствовали сложению концепций бронзового века Северного Кавказа в отечественной и зарубежной археологической науке.

Примечания (Endnotes)

1. *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1960. С. 17; Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // *Древности Северного Кавказа*. М., 1999. С. 26–29.
2. *Корневский С.Н.* Памятники населения Центрального Предкавказья в бронзовом веке. М., 1990. С. 4.
3. *Савенко С.Н.* Изучение археологических памятников Кавминвод в XX веке. Основные итоги и перспективы // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000. С. 123–130.
4. *Кузнецов В.А.* Кавказские Минеральные Воды в древности и Средневековье. Пятигорск, 2005. С. 12–22.
5. *Апухтин В.Р.* Приложение к коллекции предметов древности Пятигорского округа в Харькове: Отдельный оттиск. Харьков, 1902.
6. *Апухтин В.Р.* Станица Горячеводская пятигорского отдела Терской области // Каталог выставки XII археологического съезда в Харькове. Дополнение. Древности, добытые из раскопок и случайных находок. Харьков, 1912.
7. Предмет хранится в собрании Пятигорского краеведческого музея, инв. № 718.
8. Всего В.Р. Апухтиным было найдено 3000 предметов и собрано у местных жителей – 200.
9. *Апухтин В.Р.* Указ. соч. 1902; 1912.
10. *Латынин Б.А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. М., 1967. С. 62.
11. *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
12. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 4.
13. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. 2005. С. 10–11.
14. *Гремяцкий М.А.* Происхождение человека // *Детская энциклопедия*. М., 1960. Т. 6. С. 41.
15. *Лунин Б.В.* К вопросу о действительном возрасте «Подкумского человека» в свете археологических данных // *СА*. 1937. № 4. С. 63–89.
16. *Егоров Н.М.* Курган у кирхи в колонии Николаевской: Отдельный оттиск. Пятигорск, 1929.
17. Архив Н.М. Егорова. Д. № 5. лл. 12–15, 95–98. Сосуд во фрагментах хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея, инв. № 571.
18. Архив ... Д. № 13, лл. 131–134.
19. Ценная археологическая находка // *Коммунар*. 2.03.1933. № 12 (303).
20. *Егоров Н.М.* Материалы для археологической карты районов КМВ. Пятигорск,

1958. С. 8 (Рукопись хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея).
21. Архив ... Д. № 5. Л. 67.
22. Архив ... Д. № 5. Лл. 68–70.
23. Архив ... Д. № 5. Лл. 68–70.
24. *Марковин В.И.* Указ соч. М., 1960. С. 54. Рис. 19; М., 1999.
25. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 128. Рис. 3.
26. *Сафронов В.А.* Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л.: Изд. ЛГУ, 1968. Вып. I. Приложение. Рис. 1.
27. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 60.
28. Архив ... Д. № 11. Лл. 90–94.
29. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 122. Рис. 4.
30. Архив... Д. № 11.
31. Архив... Д. № 11. Лл. 78–83.
32. Погребения № 4 и 5 были исследованы соответственно в 1959 и 1966 гг. Они относятся к эпохе ранней бронзы.
33. Архив ... Д. № 13. Лл. 133–134.
34. *Егоров Н.М.* Материалы для археологической карты районов КМВ. Пятигорск, 1958. С. 4–7 (Хранится в библиотеке Пятигорского краеведческого музея).
35. *Марковин Н.М.* Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 42. Рис. 3. 1.
36. *Егоров Н.М.* Курган у кирхи в колонии Николаевской: Отдельный оттиск. Пятигорск, 1929. С. 3.
37. *Марковин Н.М.* Указ. соч. 1999. С. 26–29.
38. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 28.
39. *Марковин В.И.* Указ. соч. 1999. С. 26–29.
40. Архив... Д. № 13. Лл. 131–134.
41. Напр.: *Афанасьев Г.Е.* Раскопки кургана бронзового века в винсовхозе Машук в 1975 году // Археологические открытия за 1975 год. М., 1976; *Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х.* Курганы эпохи бронзы у селения Чегем 1, Чегем 2 и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1; *Корневский С.Н.* Памятники населения Центрального Предкавказья в бронзовом веке. М., 1990; *Корневский С.Н., Петренко В.Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. 1982. № 2; *Марковин В.И.* Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М., 1999; *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
42. *Марковин В.И.* Указ. соч. 1999. С. 37.
43. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 102–107.
44. *Корневский С.Н.* Указ. соч. С. 98.

РОДОСЛОВНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Целью настоящей статьи является характеристика легендарной традиции как источник по этнической истории Северо-Западного Кавказа.

Изучение истории народов через их легендарную традицию осложняется вариативностью и путаностью их сюжетов, имен героев и других деталей. «Народные предания, – сетовал Хан-Гирей, – конечно, не могут быть выдаваемы за истинные известия, как бы они ни были основательны; но как других известий нет в Черкесии о начале сих племен, то мы должны по необходимости повторять их, очистив, сколько возможно, от грубого баснословия»¹. Для современного исследователя этногенетические легенды интересны с той точки зрения, что в них в условной форме содержится момент исторической памяти народа о своем далеком, а иногда и недалеком прошлом. С этой точки зрения обращает на себя внимание большинство этногенетических легенд на Кавказе, что представляют собой патронимические родословные, т.е. их сюжет заключается в генеалогии князей, предводителей или другого рода персонажей – патронимов (эпонимов, этнархов), имена которых становятся названиями племен.

Самая известная и изучаемая патронимическая легендарная традиция изложена в многочисленных вариациях родословной кабардинских владельческих фамилий. Один из наиболее полных ее вариантов содержится в изложении Ш.Б. Ногмова. «...Переплыв Черное море, они (*араб Абдан-хан и его семья*. – А.С.) пристали к берегу недалеко от Суджук-Кале. Обитавшие там адыгейцы приняли их ласково и позволили селиться по берегу моря до реки Хохоя. Через несколько лет Абдан-Хан умер, и молодой Кес (сын Абдан-хана. – А.С.), несмотря на свое несовершенство принял бразды правления... Через несколько лет он умер, оставив сына по имени *Инал*... Инал вступал три раза в брачный союз и оставил после себя пять сыновей: от первой жены – *Жайхота*, от второй – *Миньболата* и *Беслема*; а от третьей – *Унармеша* и *Кирмиша*... После смерти Инала подвластные решительно не хотели повиноваться сыновьям его... После долгих беспокойств они разделились на три части: одни из них остались в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а третьи ушли в Кабарду. От этих-то сыновей Инала производят свое родонахождение нынешние *кабардинские, кемиргоевские и бесленеевские князья*»² (Рис. 1).

Я. Потоцкий представляет генеалогию Инала от времен Ноя и его сыновей³ (Рис. 2).

Ш.Б. Ногмов и Я. Потоцкий не вдаются в подробности генеалогии ближайших потомков (внуков) Инала, ограничиваясь лишь отдельными намеками на сей счет. Пояснения по этому поводу находим у Хан-Гирея: «По смерти Инала его потомки и с подвластными своими разделились на две части, и одна из них осталась на прежних местах, то есть на южной стороне Кубани и называлась Бейслениею... а другая, гораздо сильнейшая, переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска... Как бы то ни было, после этого переселения пять князей из потомков Инала (по именам: Дянбат, Ххатоххжокко, Мсост, Тальостен и Кьлеххстен) разделили кабардинское поколение на пять уделов, или частей, получивших свои наименования от имени упомянутых князей таким образом: от Дянбота – **Дянботие**, Ххотоххжокка – **Ххотохажоккае**, Мсоста – **Мсостие**, Тальостена –

Талостение и Кълеххстена – **Кълеххстение**. Первые три удела принадлежат трем братьям – детям Кказья (от которых происходят нынешние многочисленные отрасли князей Большой Кабарды), для политического своего усиления соединились союзом и основали сильное отделение, получившее название Большая Кабарда. А два другие удела, принадлежавшие сыновьям Кканокка... для той же цели соединяясь союзом, составили другое отделение, ныне известные под именем Малой Кабарды»⁴. Здесь нам изложена родословная важнейших владельческих домов Большой и Малой Кабарды. В Большой Кабарде это были Атажукины, Мисостовы, Джамбулатовы-Бекмурзины и Джамбулатовы-Кайтукины. В Малой Кабарде – Таусултановы и Гиляхстановы-Мударовы⁵.

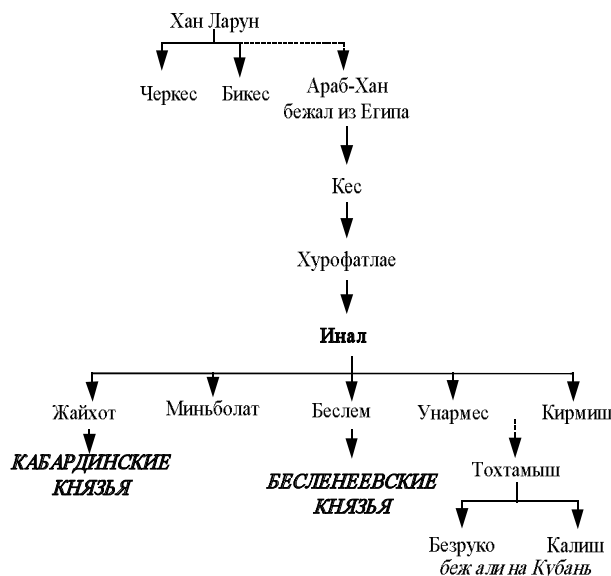

Рис. 1

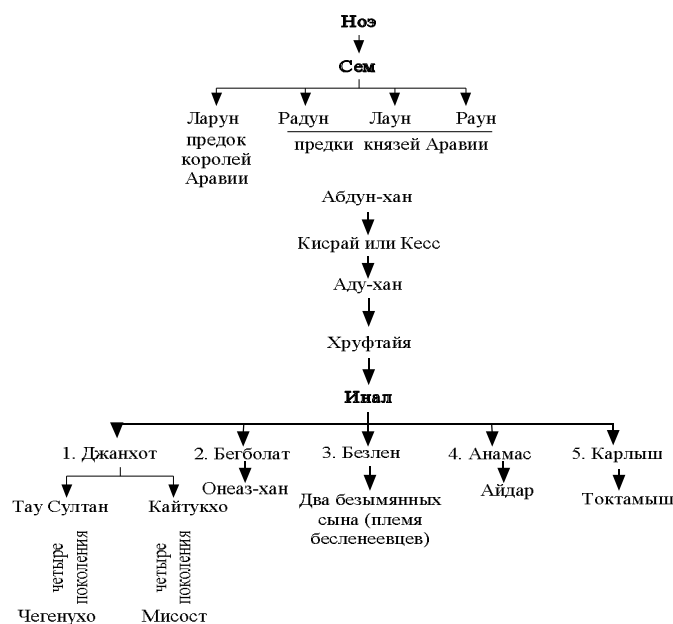

Рис. 2

О разделении Кабарды на Большую и Малую между потомками Инала сообщает и И.Ф. Бларамберг: «Он (*Инал. – А.С.*) оставил пятерых сыновей: Тау-Султана, Ахлава, Мудара, Беслена и Комукхву, которые после его смерти разошлись и поделили народ между собой. Старший сын Тау-Султан («господин горы») получил самую большую долю, именно от него происходит род князей этого имени, этот род до сих пор владеет западной частью Малой Кабарды. Ахлав и Мудар всегда жили в полном согласии, они являются основателями двух семейств, владеющих восточной частью Кабарды. Беслен и Комукхва отделились от братьев, но остались в союзе друг с другом – именно от них происходит род князей собственно Кабарды, которые называются также бесланехи».

Наконец, П.С. Паллас схематически так представляет генеалогию князей Большой (Казиевой) и Малой Кабарды (Рис. 3)⁶.

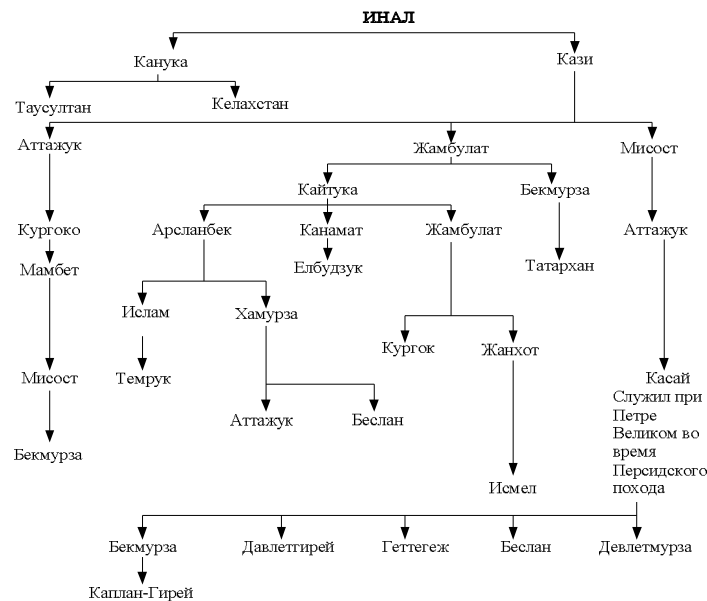

Рис. 3

В этом варианте упомянуты лишь двое из сыновей Инала, а именно те, от которых происходят собственно кабардинские князья. Видимо, с той же точки зрения родословная князей Черкасских⁷ знает единственного сына Инала Табулду и трех внуков, один из которых (Инармаз) является отцом родоначальника Черкасских – Идара. При этом Инал сам является бывшим «египетским султаном», а не его потомком, а имена внуков Инала (кроме Инармаза – Жангот и Минбулат) совпадают с именами трех из пяти его сыновей в предыдущих вариантах.

Любопытно сравнить с этими версиями ту, что приводит К.Ф. Сталь: «Родоначальником черкесских князей считается Инал-кес... У Инала, первого черкесского князя, по преданиям, было четыре сына: Темрюко, Беслан, Занок и Капарт. Инал властвовал над черкесами нераздельно и при жизни роздал сыновьям в управление народы, которые от имен этих сыновей получили свои названия. Темиргоевцы получили название от Темрюка, бесленеевцы – от Беслана, кабардинцы – от Капарта, одни только шапсуги не взяли названия от управлявшего ими Занок, четвертого сына Инала. Сам же Инал жил среди темиргоевцев. Темрюко, управлявший сими последними, был человек честлюбивый и «железного сердца». Не довольствуясь уделом, он пожелал быть князем над всеми черкесами, чего и достиг, лишив власти своего отца Инала. Но братья, не признавшие власти Темрюка и сделавшись сами самостоятельными, по очереди пропитывали престарелого и изгнанного отца.

Инал смирился с судьбою; не искал получить утраченную власть, но потребовал от сыновей своих, чтобы они всегда признавали князей темиргоевских старшими в память того, что он, властвуя над черкесами, имел пребывание у темиргоевцев. Таким образом, все князья черкесские считаются происходящими; от одного предка. Князья Болотоко, потомки Темрюко, владеют темиргоевцами, потомки Капартта: 1) Бек-Мурза, 2) Кайтука, 3) Мисост и 4) Атажукк – владеют Большою Кабардою; Канок и Шолохо – бесленеевцами; Сидок и Егельбоко – башильбаевцами; Багорсуко – махашевцами; Керкеноко – гатюкаевцами. Власть Занок над шапсугами прекратилась, но фамилия эта существует донныне и глубоко уважается шапсугами»⁸. В этой легенде Инал выступает отцом братьев-этноархов, давших свое имя подвластным им племенам.

Подробный разбор реальности Инала и времени его жизни не входит в задачи предлагаемой статьи. Это должно стать предметом отдельного исследования. Мы попробуем пока определить, какое же в принципе рациональное зерно может содержаться в легендах об Инале и им подобных. Констатируя, что разночтения обусловлены самим легендарным характером известий, что вполне естественно и даже предполагаемо для бесписьменной культуры⁹, обратим внимание на сходства.

1. *Патронимический характер* всех описанных случаев не является уникальным. Например, известна легенда о происхождении скифского народа от младшего сына первопредка Таргитая в эллинской версии – Геракла) по имени Скиф¹⁰. «Повесть временных лет» сообщает: «...радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи»¹¹. Связано это должно быть с представлением об этнической группе как группе изначально родственной. «Одним из признаков, объединявших в древности тех, кто обозначался общим самоназванием, было представление о единстве происхождения»¹².

Известна эта традиция и Кавказу. По сообщению хроники «Жизнь Картлийских царей» Леонтия Мровели (X–XI вв.) «...у армян и картлийцев, ранов и моваканов, эров и леков, мегрелов и кавкасианов – у всех [этих народов] был единый отец по имени Тагармос. Сей Тагармос был сыном Таршиса, внуком Иафета, сына Ноева... Среди сынов его отличились восемь братьев, герои многочисленные и славные, которых звали так: первого – Гаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос»¹³. Исследуя «обстоятельства возникновения многоязычия в Картли»¹⁴, Мровели не находит иного способа кроме, построения генеалогической схемы, по общему правилу возводимой все к тому же Ною и его потомкам, имена которых совпадают с названиями «происходящих» от них народов..

В общую схему вписываются и адыгские примеры: «Так, по традициям черкесов, – читаем у И.Ф. Бларамберга, – даже название шапсугов происходит от некоего Шапсуга и его потомков: Коббе, Сханета, Гоаго и Соотоха (*«братства»*, из которых состоит шапсугское «племя». – А.С.), семейства которых до сих пор существуют среди этой народности. Натухайцы ведут свой род от братьев Натхо, Нетахо и Гусие (*натухайские «братства»*. – А.С.). Бжедухи – от Бжедуха и его сыновей Хамала и Черчаны, по имени которых бжедухи до сих пор делятся на две ветви: хамышеевцы и черчинеевцы»¹⁵. Тут же И.Ф. Бларамберг сообщает о некоем «племени Пшаце», насчитывающим до 30 семейств и состоящем из потомков русского рыбака («пшаце»), попавшего в плен к шапсугам¹⁶. В эту же схему укладывается и легенда, пересказанная К.Ф. Сталем (о четырех сыновьях Инала), и версия происхождения шапсугов, переданная Хан-Гиреем: «Аравитянин именем **Смден**», спасаясь от наказания, бежал в Румелию с несколькими семействами подвластных или сторонников. При халифе Алия потомки беженцев переселились в

Тавриду, «где вместе с предками кабардинского поколения обитали на берегах р. Кабарта»¹⁷. Вместе с кабардинцами они впоследствии и переселились на Кавказ, где «отделились от кабардинцев, составив пять родов по фамилии Кобли, Схапте, Севотох, Натхо и Недтахо, которые под предводительством Абата вошли во внутрь гор... и, достигнув урочища **Тххапс**, там поселились»¹⁸. После этого произошло разделение: первые три рода, возглавляемые все тем же Абатом «из кабардинских владельцев»¹⁹, составили одну часть, названную по реке, на которой они «водворились», шапсугами, два других рода стали натухайцами.

Следует добавить, что, по всей видимости, та единица адыгского массива, которую мы определяем как «племя» и относим к этническим общностям, сами адыги полагали максимальным уровнем родственного объединения. Хан-Гирей называет адыгские «племена» не иначе, как «колена», т.е. поколения, ответвления генеалогического древа. В 1841 г. полковник русской службы Пшекуй Могуторов написал в своем докладе, что «племена» Ачмез принадлежат к «фамилии» Кобле²⁰. Таким образом, русскоязычные понятия «род», «племя», «фамилия» для адыга обозначали разные уровни одного и того же типа объединений. Это проявляется и в современном языке. Слово *лъэпкъ* в адыгейском языке по своему значению соотносится со словами «племя» и «народ» в русском языке и используется при переводе этих слов на адыгейский язык; между тем в кабардинском языке *лъэпкъ* означает «род»; в адыгейском слово «род» звучит как «*лакъу*». Ю.Н. Асанов, исследуя кабардинскую генеалогическую терминологию, пришел к выводу, что «лъэпкъ» и «тлако» – обозначения разного уровня родства: «...если в «тлякъ»-вой братской общине братья состояли в 1–4-й, то в «лъэпкъ»-вой – в 1–6-й степени родства»²¹. Родственные группы обязательно должны иметь общего предка.

2. *Образ Инала* является центральным во всех вариантах легенды, и это не может быть случайным. Независимо от происхождения Инала и родословной его сыновей, ощущается, что это имя играет огромную роль как элемент самосознания адыгских «племен». Сохранились воспоминания о высоком почитании Инала при жизни как человека, «причастного святости»²², о поклонении до последнего времени мавзолею Инал-куба в верховьях р. Бзыбь, на Святой горе. «Священными почитаются и различные места, названные именем Инала: Иналов родник (Инал и псынэ) близ Анапы, р. Инал, впадающая в Кубань справа, ниже аула Хумара, гора Инал в междуречье Баксана и Малки в верховьях этих рек, бухта Инала на Черном море, долина Инала в верховьях р. Шахе и др.»²³. Несомненно, с этим именем связано воспоминание об очень важном периоде в истории адыгов, вероятнее всего – о периоде (достаточно кратком) их политического единства²⁴. Эти воспоминания также могут служить подоплекой версии о родстве всех княжеских фамилий Кабарды и Черкесии, а также представления носителей легендарной традиции о том, что адыгские «племена» есть изначально единое целое.

Отдельно в этой связи следует упомянуть об арабском происхождении Инала. Более чем вероятно, что это уточнение к его биографии было связано с распространением среди адыгов ислама и необходимостью подчеркнуть священный статус княжеской касты («Мы солнечно-лунного происхождения из племени Курайши»²⁵). «Откуда взялся этот Инал, – рассуждает К.Ф. Сталь, – предание говорит неясно. Черкесы считают Инала происходящим от аравийских эмиров. Но это мне кажется выдумкой позднейших эфендиев, желавших дать аравийское начало черкесским князьям, принявшим магометанство»²⁶. В том же духе высказывался и А.В. Гадло²⁷. Между тем, версия о нечеркесском происхождении родоначальника князей²⁸ может быть гораздо старше адыгского ислама, поскольку здесь важна сама мысль об «инородности» происхождения власти – вспомним, насколько это важно было, скажем, для Руси (Рюрик) или средневековой Англии (Вильгельм Завоеватель). Это выделяло княжеские и королевские фамилии не только вместе

с дворянами из общей массы населения, но и среди самого привилегированного сословия, предоставляя им пресловутое «право победителя» повелевать покоренным народом

В связи с этим становится понятным желание произвести род своих владельцев именно от Инала. Даже «демократические» шапсуги этого не избежали – по версии К.Ф. Сталя, ими управлял сын Инала Заноко, а по версии Хан-Гирея предводитель шапсугов Абат происходил из «кабардинских владельцев», что косвенно указывало на его родство с Иналом.

3. Прослеживается связь легендарной истории адыгов с их *политической историей*. Мы привыкли в большинстве исходить из того, что политическая история следует этнической. На деле же, как правило, все наоборот. Политические процессы провоцируют этнические и приводят к формированию новых этнических общностей в рамках политических образований или в их межгранице («фронтире»); что в свою очередь порождает легендарные повести на эту тему. Обращает на себя внимание то, что почти все легенды посвящены разделу наследства между братьями с их последующим переселением. О том, какова географическая локализация источника версии, можно судить по тому, кто является старшим сыном Инала и в каком племени он изначально жил (у бесленеевцев, темиргоевцев, в Малой Кабарде и т.п.).

Например, у Ш.Б. Ногмова есть такой сюжет: «В давние времена из потомков адыгейских князей в Кемиргоевском племени княжили три брата. Их звали *Болотоко*, *Занн* и *Хотокой*... Наконец, Занн успел хитростью переманить на свою сторону многих из разных племен. Укрепившись таким образом, от подговорил некоторых приверженцев отделиться от соотчичей под видом переселения на более выгодное место. После того он стал опять просить убедительно старшего брата о дозволении переселиться на новое место. Последний, не подозревая его намерений делаться независимым, согласился и отпустил часть своего народа с арабами на назначенное место. Потомки этих переселенцев и доныне еще занимают те же места и называются *Занно*... На следующий год Хоттокой, следуя примеру брата, отделился также от своего племени с некоторой частью народа и ушел на избранное место. Потомки его и доныне называются *хатокоевцами*. Болотоко же, будучи благоразумен и тверд и не желая разорять народ свой переселением, остался на прежнем месте жительства с большей частью своего племени. Этот народ до сей поры удержал прежнее название *Кемиргой*, а Болотоко слывет в адыгейском народе «*князем из князей*»²⁹.

Ближе всего в родстве и дружбе друг другу оказываются родоначальники союзных «племен» и княжеских домов. Именно с сердечной дружбой предков связывает Хан-Гирей объединения князей Большой и Малой Кабарды. Напротив, Ш.Б. Ногмов «разделяет» сыновей Инала по разным матерям, и пытается рассудить: «Должно полагать, что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров»³⁰. Более вероятно обратное рассуждение: раздоры между князьями-родственниками следовало оправдать их «разноутробием».

Впрочем, все это вполне может быть не лишено реальных оснований. При условии историчности Инала и объединения адыгов под его властью, «сыновьями» верховного князя могли выступать его вассалы или наместники. Именно такая родственная терминология была характерна для вассально-сеньориальных отношений в Киевской Руси³¹. На Руси это было связано с общей генеалогией всех князей, восходящей к Ярославу Мудрому и его прапрадеду Рюрику. На Кавказе, возможно, – с действительно имевшим место обычаем установления искусственного родства между патроном и клиентом (например, через аталычество)³². Такая версия могла бы объяснить вариативность состава семьи Инала – ведь речь тогда должна идти не столько о генеалогии, сколько о политической географии. Не исключено, кстати, что такими наместниками (или одними из них) были и родные

сыновья Инала. Разлад в Иналовом семействе, ставший сюжетом патронимических легенд, должен, таким образом, стоять в том же смысловом ряду, что и войны диадохов Александра Македонского, раздел империи Карла Великого между его наследниками и княжеские усобицы на Руси в XI–XII вв.

С этим же, возможно, связано и то, что мы главным образом имеем дело не столько с родоначальниками «племен», сколько с их владельцами или вождями, основателями княжеств, а не народов: «*Бесленеевцы* отделились от Кабардинцев под предводительством их князя Каноок и по настоящее время не потеряли нити родства, соединяющего их с последними... *Темиргойцы*, *Хатукайцы* и *Хегаки* имели общего родоначальника *Болект*, который разделил владения свои между тремя сыновьями: Айтенок получил в удел *Темиргой* (Кемгуй), Хатиок дал полученному им уделу свое имя *Хатукай*, Занок владел уделом *Хейгак*. Княжеские дома эти признают и ныне узы родства, их соединяющие. *Бзедух* имел двух сыновей: Киркян и Хамышь, именами коих назвались два племени: *Киркинай* или Черченай, и *Хамышей*. У *мохошевцев* родоначальник *Богарсок*, у *Жанеевцев* – Бекхан»³³.

Можно сравнить легенды, пересказанные в работах конца XVIII–XIX вв., с вариантами, что приведены в труде турецкого путешественника XVII в. Э. Челеби. Пересказ этих легенд содержится в русском издании 1979 г.³⁴

Итак, беглый из Мекки в Багдад курейшит Кису, сын Пеше, перешел на службу к византийскому императору, затем – генуэзскому правителю Галаты в Стамбуле. Последний пожаловал ему и двум его братьям в потомственное владение земли по берегам Черного моря. Около Трабзона поселился Лазка – родоначальник лазов. Далее на север расположился Абаза. Сам Кису и его сын Шегаке достиг Анапы и дал начало племени шегаков.

Другой вариант этой легенды. Беглого араба зовут Джебаль аль-Хеме, а его сыновей – Лазка (удел в районе Трабзона), Миграл (окрестности Батума и долина р. Чорох), Абаза (берег Черного моря), Шегаке (крепость Анапа), Бербере (остров Тамань, там, где Э. Челеби помещает «область Бербере»), Мамелюке (горы Хабеш, «страна Мамелюке») и Бузудук (горы Обур). Территориально описанный ареал покрывает почти весь Северо-Западный Кавказ вместе с Западным Закавказьем, а в именах братьев слышатся этнонимы лазов, мегрелов, абазов, бжедугугов. Все они получают родственными между собой.

Следующее предание является как бы продолжением двух предыдущих. Шейх Пеше – глава бедуинов, а его сыновья – правители египетских провинций. Имена сыновей: Кису, Арабимеваль, Аранудизехт, Омур, Арнаут, Хатукай, Жанай, Бесней, Болкай, Кабартай. Проиграв своим врагам, Кису с братьями переселяется в Багдад, а оттуда по воле Хулагу-хана – на Кавказ. Бегство Кису с поля боя якобы описывается фразой «Сара Кису», из-за чего подчиненный ему народ называется «черкесы». Под власть потомков братьев-бедуинов – хатукаевцев, жанеевцев, бесленеевцев, болотокаевцев (т.е. темиргоевцев) и кабардинцев – попадут потомки Шегаке, Бзудука, Мемелюке и Бербере из первой части легенды. От этих родоначальников произойдут семьдесят потомков – владельцы черкесских племен, давшие им свои имена.

«Арабская» часть этих легенд почти повторяет родословную Инала, а биография Кеса, сына Пеше из «курейшитского» варианта, практически совпадает с биографией Араб-хана, прапрадеда Инала. Во всех случаях родоначальники адыгских «племен» имеют арабские корни (курейшиты либо бедуины, в последнем случае возникает египетский мотив). Это, может быть, связано с тем, что у легенд, приведенных Э. Челеби и Ш.Б. Ногмовым был некий общий источник, надлежаще адаптированный временем и самими авторами. Арабская тема, опять-таки, может быть связана с исламом. Обращает на себя внимание то, что патронимы, в версии Э. Челеби, пришли к власти не в результате завоевания, не по праву избрания

или наследования, а получив свои земли «в удел». Таким образом, получается, что тогдашние властители Ближнего Востока (а их наследники – турки) владели землями Кавказа и могли легитимно раздавать их своим наместникам. Это примечательно в связи с дипломатическим спором XVI–XVII вв. между Россией и Турцией: «...если русские в своей дипломатической риторике используют тезис об этнической близости с кабардинцами, то турки настаивают на том, что они являются собственниками земель, на которых живут кабардинцы»³⁵.

Интересна и этноисторическая составляющая повествования. Все причерноморские народы от Анапы до Понта Э. Челеби объединяет общим происхождением. Действительно, в культуре, социальном устройстве черноморских народов есть большое сходство, насельники северо-восточного побережья Черного моря у во времена Э. Челеби и позднее до самой первой четверти XIX в. объединялись под общим этнонимом абазы³⁶. «Настоящими адыгами признают: кабардинцев, бесленейцев, темиргойцев, хатукайцев и хегайков. Другие же племена, управляемые также феодально, как-то: бзедуггов, мохошевцев и жанеевцев называют иногда абадзэ... Разве это приписать тому, что первые из поясненных племен на южном скате гор никогда не жили, тогда как последние занимали некогда различные пункты морского побережья»³⁷. Любопытно в этом смысле, что под власть потомков бедуинов (большинство из которых – «настоящие адыге», и все – «управляются феодально») попадают лишь хегаки и «бербере» с Таманского полуострова, абазы же остаются независимы, между тем, как от К.Ф. Сталы имеем известия, что шапсугами управлял сын Инала. Это вновь свидетельствует о том, что К.Ф. Сталь и его информанты середины XIX в. уверенно относят шапсугов к адыгам (черкесам), а Э. Челеби со своими информантами (XVII в.) – не относят вовсе.

В имени Кису, как и в имени Кес (дед Инала), явно слышится намек на этнонимы «касог» и «черкес» (корень *кас-кес*), что также по сути превращает их в патронимов, причем всего черкесского массива, тем более, что именно от них происходят почти все черкесские князья (по версии Э. Челеби, Кису звали и первопредка-курейшита³⁸, и первопредка-бедуина). Можно присовокупить и то, что касожский племенной союз занимал как раз ту территорию, где, по мнению турецкого путешественника, осели Кису и Шегак.

Отдельная тема – миграция: судя по легендам, ни одно «племя» (за редким исключением) не живет на своей исконной территории. Изучение этой особенности также требует отдельной работы. Ограничимся пока упоминанием того, что во всех рассмотренных вариантах легенд расселение братьев-князей (в легендах об Инале) и распространение «аристократической» власти (в легенде о бедуинах) идет с востока на запад – от Центрального Кавказа и среднего течения Кубани к ее низовьям. При этом первопредки изначально продвигаются в обратном направлении – из Крыма и Причерноморья на Кубань и в глубь Кавказа. Возможно, в этом отразились воспоминания о реальных миграционных процессах в древности и раннем Средневековье и последующее распространение культурной и политической традиции восточных адыгов.

Родословные легенды и патронимические, генеалогические предания, таким образом, являясь продуктом коллективной памяти, отражают не столько реальную ситуацию тех времен, о которых говорится в легенде, сколько представление о ней, обусловленное положением дел времен рассказа и фиксации, но при этом, несомненно, содержат (в разной степени искаженные) воспоминания о действительно происходивших событиях. И при условии изучения этих легенд с привлечением дополнительной, доступной нам информации они служат весьма ценным источником по этнической истории народов, о которых рассказывают.

Примечания (Endnotes)

1. *Хан-Гирей*. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С. 202.
2. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 93–94, 96.
3. *Ян Потоцкий*. Путешествие в астраханские и кавказские степи // АБКИЕА. С. 228.
4. *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 155.
5. *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 163.
6. *Петр Симон Паллас*. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // АБКИЕА. С. 217.
7. История родов русского дворянства. В 2 кн. СПб., 1886. Кн. 1. С. 411–412. Репр. изд. М., 1991. С. 411.
8. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. От. 2. С. 66–67.
9. «Кабардинцы, как и прочие черкесы, – словно оправдывается Хан-Гирей, – не знают летосчисления, и времена прошедших событий у них теряются во мгле забвения: не только неизвестно им, когда и самые важнейшие происшествия совершились в отдаленные эпохи, но даже и близкие события, достойные внимания, превращаются в темные предания» (*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 155).
10. *Геродот*. История. Избранные страницы. СПб., 1999. С. 175–176.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 12. Пер. Д.С. Лихачева.
12. *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 45.
13. *Мровели Л.* Жизнь Картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. С. 21.
14. *Семенов И.Г.* Этногония кавказских народов в «Жизни Картлийских царей» Леонтии Мровели // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 180.
15. *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 132.
16. Там же. Здесь, однако, мы имеем дело, скорее всего, не с «племенем», а как раз в «фамилией», вернее, родственной общиной («хьэблэ»). Самостоятельность горных общин должна была придать Пшаце вид отдельного «племени».
17. *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 202.
18. Там же.
19. Там же. С. 203.
20. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 527. Л. 6 об.
21. *Асанов Ю.Н.* Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990. С. 61.
22. *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 155–156.
23. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик. 2007. С. 35.
24. «...в предании об Инале сохранилось воспоминание о периоде временной консолидации адыгов» // *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 195.
25. *Бгажноков Б. Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и асимметрия) // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 61.
26. *Сталь К. Ф.* Указ. соч. С. 66.
27. *Гадло А. В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 418.
28. Или черкесском, но не кавказском – например, из мамлюков.
29. *Ногмов Ш. Б.* Указ. соч. С. 96–97.
30. *Ногмов Ш. Б.* Указ. соч. С. 96.
31. *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. М., 1982. С. 65, 159.
32. *Смирнова Я. С.* Усыновление покровителя // Советская этнография. 1984. № 2. С. 87–92.

33. Люлье Л. Я. Черкесия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 10.
34. Челеби Э. Книга путешествия. Земля Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 57–58.
35. Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 40. Спор этот не прекращался и в XVIII в: «Сей народ (кабардинцы. – А.С.), составившийся в XV в. из казаков Малой России, уклонился тогда на жительство к городку Тереку и далее в урочище Пяти гор великих...» (Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774 гг.: Сб. док. В 2 кн. Нальчик, 1996. Кн. 1. С. 78).
36. См.: Анчабадзе Ю.Д. Абаза. (К этнокультурной истории народов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Т. 8.
37. Люлье Л.Я. Указ. соч. С. 11.
38. Вдобавок, Кису являлся старшим в компании беглых курейшитов, следовательно, эта легенда отдает касогам первенство в конгломерате черноморских племен.

ВИЗИТЫ В КУЛЬТУРЕ ОБЩЕНИЯ АДЫГОВ*

Общая характеристика

Визиты образуют особую систему социально заданных норм или правил общения. В традиционном обществе необходимо знать и по возможности точно исполнять эти правила. Каждый обязан наносить определенное число, предписанных обществом визитов, – друзьям, родственникам, соседям. Чтобы подчеркнуть, насколько это важно, насколько важны нити, связывающие человека с обществом, с социальными группами внутри общества, обычно говорят: *Яхмышьэ хабзэнишэц* – «Не наносящий визитов невоспитан»; *Яхмышьэри къамыльхуари зэхуэдац* – «Не наносящий визитов подобен неродившемуся». Точность, систематичность нанесения предписанных визитов служила и служит мерилем воспитанности, социальной надежности и зрелости человека.

Цели и специфическое содержание визитов отображаются в их названиях: *хьуэхьуакӀуэ*, *Ӏзубыд* – визиты-поздравления, *хьэдагъэ* – визиты оплакивания покойного, *хьыджэбзаплъэ*, *псэлыхьу* – визиты холостяков к девушкам с целью знакомства и женитьбы, *гуцэхэпхэ* – визиты, наносимые для участия в обряде укладывания новорожденного в люльку, *уэкӀулакӀуэ* – визиты бедных для получения материальной поддержки, *щыхьэкӀуэ* – визиты с целью оповещения о смерти человека и дате его похорон, *лъагӀунлъагӀу* – посещения друзей, родственников, знакомых с целью повидаться и т.д.

Эти примеры свидетельствуют о том, что благодаря визитам устанавливаются и поддерживаются межличностные и межгрупповые связи и отношения. Люди вступают в контакт и объединяют усилия для исполнения какого-нибудь важного для них социального акта, обычая, ритуала. Поэтому, как правило, название визита является одновременно обозначением обычая, обряда, с исполнением которого этот визит связан.

Но вместе с тем существует общее понятие о «визите». Лучше всего отображается оно в слове *зэӀэлыкӀуэ* – букв. «взаимопосещение». Тем самым подчеркивается, что визит имеет чаще всего бинарную структуру, предполагает ответный визит. К примеру, после свадьбы через два-три месяца отец новобрачного с группой родственников отправляется с подарками в дом родителей невестки для знакомства. У кабардинцев такой визит носит название *кӀэлыгъакӀуэ*. Через некоторое время родители невестки приходят (приезжают) в дом родителей зятя с ответным визитом, с ответными дарами – *къыкӀэлыкӀуэ*, *Ӏыхьэ хьыж*. Существует сверх этого общее название и тех, и других названных визитов: *благъэ зэгъэцӀыху* – «знакомство со свойственниками». Оно отражает цель и конкретное содержание подобных взаимопосещений.

Несмотря на огромное общее число визитов, имеется ограниченный набор признаков или параметров, которые отличают один визит от другого. Среди них – цель или конкретная задача взаимопосещений, наличие или отсутствие договоренности о визите, состав и численность посетителей. Специфическим

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Традиция, обычай, ритуал в культурной истории адыгов».

правилам подчиняется время нанесения и длительность визита, костюм и снаряжение, состав необходимых и уместных даров, типовых стандартов общения.

Цели визитов

Фактор цели имеет решающее значение, определяя во многом содержание всех других параметров визита. Трудно, однако, даже назвать, просто перечислить все многообразие целей и задач, конституирующих визит. Кроме простейших визитов с целью повидаться, имеется множество поздравительных визитов, визитов свадебного цикла, похоронных и поминальных визитов; специфичны визиты взаимопомощи, визиты примирения и т.д.

В любом случае визит прочно связан с понятием вежливости. Как правило, это выражение особого внимания и почтения к человеку, к его семье и роду. Поэтому, например, поздравление с тем или иным радостным событием в жизни человека (рождение сына, постройка дома и т.п.) в ходе случайной встречи считалось маловыразительной, поверхностной формой этикетного поведения, непригодной в отношениях с близкими друзьями, знакомыми, соседями, родственниками. Если кто-либо говорит о другом: *Гъузгум здытетым къызэхъуэхъуащ* – «Встретив на дороге (на улице), поздравил» – это надо понимать как выражение обиды на родственника или друга, поздравившего его в столь упрощенной форме, без нанесения визита, без соответствующих подарков и т.п.

Цель визита может быть достигнута лишь при соблюдении необходимых правил. Например, нельзя совмещать два психологически несовместимых визита. Человеку, прибывшему в аул на похороны, запрещается навещать здесь же своих друзей и родственников, развлекаться, выпивать с ними. Такой поступок обесценивает визит, нанесенный семье покойного. Если заболел близкий человек, неприлично передавать ему привет и сочувствие через третьих лиц. Необходимо самому пойти и проведать больного, посидеть, побеседовать с ним, расспросить о здоровье, пожелать скорейшего выздоровления. Отсюда само название таких визитов: *щIэунцIэ* – букв. «расспрос», «расспросы».

Обычно, чтобы проведать больного, к нему стекалось множество знакомых, друзей, родственников; за день число посетителей достигало порой нескольких десятков. Больного соседа полагается проведывать каждый день, если он тяжел – по два-три раза в день. Это были своего рода прощальные визиты, которые превращались в трогательные беседы о прожитой жизни, о смысле бытия на этом свете, возможной участи – на том.

Четко были установлены предсвадебные, свадебные и послесвадебные визиты. К числу предсвадебных относятся у кабардинцев визиты парня к понравившейся ему девушке с целью знакомства и женитьбы – *хъыджэбзаплъэ*, *псэлъыхъу*; визит сватов – *лъыхъу*; визиты представителей рода невесты в дом жениха с целью ознакомления с их состоянием – *унаплъэ*. За этим следует визит родственников жениха для уплаты калыма – *уасэ тын*¹; визит родственниц и соседок жениха в дом невесты для преподнесения ей в дар кольца – *Иэлын ИэрымIагъэ* (букв. надевание кольца); визит родственников невесты в домик или комнату жениха для ознакомления с его убранством – *лагъунаплъэ*; визит родственников жениха в аул и семью невесты, где ее торжественно передают из рук в руки и затем торжественно увозят из родительского дома, – *нысаишэ* и др.

Столь же многообразны похоронные и поминальные визиты. Похоронный визит, или «визит оплакивания покойного» – *хъэдагъэ* – наносится в течение 3–7 дней со дня смерти человека, включая день похорон. Через неделю после похорон назначается визит *щыгъын гуэшыж* – «раздача, вынос одежды», во время которого одежду покойника раздают совершившим омовение муллам, беднякам аула, ближайшим родственникам. В случае смерти мужчины раздаче подлежали в первую очередь доспехи покойника, соответственно визит и в целом обряд

назывался *Іэцэ гъэтІылыж* – букв. «низложение оружия, доспехов». Следующий по времени, теперь уже собственно поминальный, визит и соответствующий ему обряд приурочивается к сороковому дню после похорон. У кабардинцев он известен под названием *къурІэнаджэ* – букв. «чтение Корана», *махуэ плыщІ къурІэнаджэ* – «чтение Корана после сорока дней», у черкесов – *сэдэкъэ*, у адыгейцев – *ахътым, хъытым, мэфэтІокІумІу* – «сорок дней». Через год после похорон собирались на большие поминки – *илъэс сэдэкъэ, илъэс къурІэнаджэ*.

В визитах находят отражение радость встречи, чувство взаимной симпатии и дружеского единения. Особенно касается это визитов с целью повидаться – *лъагъунлъагъу*, а также поздравительных визитов – *Іэубыд* букв. «рукопожатие». В обстановке всеобщего веселья наносили друг другу визиты во время календарных праздников: окончание поста – *нэщІ укІыж*; шапс. *псыешъожъ*, праздник жертвоприношения – *къурмэн гъид*, Новый год – *Гъэрэ щІырэ щызэхэкІ* и др. При этом жмут друг другу руки, высказывают благопожелания, устраивают пиры.

Иногда визиты в той или иной, явной или неявной форме выражают иерархические отношения. По свидетельству Хан-Гирея, появление в ауле важного гостя обязывало всех более или менее знатных людей округа явиться к нему, чтобы засвидетельствовать свое почтение. «Такие посещения, – писал он, – продолжаются во все время пребывания гостей почти всякий день, если тому особенные обстоятельства не препятствуют в каких случаях; при последующем посещении гостей извиняются перед ними, объяснив причины, не позволившие исполнить этого долга»². В записях, оставленных путешественниками XVII–XX вв. содержатся подробные описания этих визитов.

Договоренность и оповещение о визите

Широко распространенной формой взаимопосещений является визит без приглашения. Например, узнав и радостном или печальном событии в жизни близкого друга, родственника или соседа, полагается нанести ему соответствующий визит, не дожидаясь специального приглашения.

Но случаи, когда без приглашения наносить визит не полагается, также хорошо известны. Например, без специального приглашения не может состояться послесвадебный визит зятя в дом родителей невесты – *мальхъэшиэ, мальхъэтехъэ*; адыг. *мальхъэгъаихэ*. О разрешении на такой визит и соответственно – о приглашении зятя в свой дом (для знакомства) – родители невесты оповещают заранее. В прошлом это происходило обычно лишь через несколько лет после свадьбы. И тогда зять с двумя-тремя друзьями и родственниками являлся в дом родителей жены с дорогими подарками для них, для других ближайших родственников жены.

Системе оповещения придавалось большое значение. В целях оповещения в разные концы округа рассылались вестники, или глашатаи – *гъуо, джакІуэ*; шапс. *шыугъаджэ*. Наиболее уважаемых и знатных людей, как сообщает Хан-Гирей, приглашал кто-либо из членов семьи или другой почтенный человек с поручением «извиниться перед особами, коих приглашают, что сами не могли к ним лично явиться»³. В Адыгее мне рассказывали, что однажды пожилая и уважаемая в округе женщина получила приглашение на свадьбу по почте, открыткой. Посчитав такое приглашение недостаточно выразительным и почтительным, она обиделась и отказалась пойти на торжество.

Без торжественно обставленного приглашения не могли явиться на танцы и игры девушки. Обычно к девушкам посылали специально назначенных всадников; получив разрешение родителей, они увозили девушек на торжество, усадив в седло перед собой. У кабардинцев эта церемония называлась *хъыджэбз хэи*.

Состав (распределение ролей) и общая численность посетителей

В группы из родственников, друзей, соседей собираются для нанесения визита по какому-либо важному поводу: для участия в сватовстве, в свадьбе, в ритуале передачи платы за невесту (калыма), в обряде укладывания новорожденного в люльку, в похоронах и т.д. В таких случаях гласно или негласно избирается старший группы, которому подчиняются все другие. Общепринятое название такого руководителя: *гупым и нэхъыжь* – «старший группы», *емыкухъы* (малокаб.) – «несущий ответственность», но существуют дополнительно к этому названия, отражающие конкретную задачу той группы, которую ему доверено возглавить. Например, старшего группы, отправляющегося за невестой, называют *фызышэ тхъэмадэ* – «тамада свадебного поезда». Старшего группы на похоронах называют *хъадэгъэпашэ* – «руководитель оплакивания покойного».

У шапсугов избирают также старшую группы девушек, отправляющихся на игрище, и называют ее *пцъацъэ тхъамат* – «тамада девушек». По описанию Л. Сиюховой, эти девушки собирались в условленном месте, куда за ними приезжали верхами молодые люди. Каждый из них через посредников вручал свою плетъ девушке, которая ему нравились. Если девушка отвечала парню взаимностью, то принимала плетъ и садилась к нему в седло, свесив обе ноги налево. При этом мужчина сидел за седлом, «правой рукой придерживая девушку за талию, а левой управляя конем»⁴.

Состав группы – общая численность, соотношение в ней мужчин и женщин, представителей старшего, среднего и младшего поколения – определялся традицией. Например, для участия в обряде *гуцхэхпхэ* – укладывания ребенка в люльку – приходили только женщины и дети. Обряд ухода за раненым – *цлонцаклуэ* – собирав обычно молодежь обоего пола. В визитах с целью примирения кровников принимали участие только мужчины. В группу, отправляющуюся в дом невесты, чтобы торжественно ее увезти, включалось обычно два-три десятка всадников, готовых охранять свадебный поезд. На арбе или тачанке ехали две молодые женщины, выбранные для сопровождения невесты. С ними сидел также один мальчик, которого должны были одарить одеждой и яствами невеста и ее родители.

Численность и социальная значимость посетителей ассоциируется иногда с понятиями о престиже и авторитете людей, которым посвящаются эти визиты. Известно, что у черкесов, как и у всех других народов, такую значимость приобретает число и состав участников свадьбы, похорон, поминок. Традиционно в похоронах и поминках знатного человека принимало участие от 300 до 500 и более человек⁵. Большое значение придают этому и сейчас, обращая внимание не только на численность собравшихся, но и на число важных персон, первых лиц и т.д.

Дарообмен

Обычное право и этикет адыгов предусматривают большое число видов и форм дарения: от дара, устанавливающего вассальную зависимость рыцаря от князя, – *уэркъ тын*, до обмена подарками во время обручения – *Іэужь*. Акту дарения придавалось особое значение, как способу материального закрепления социальных, моральных связей и обязательств. Даже в том случае, когда человек в силу обстоятельств не мог явиться с визитом сам, соответствующие условиям момента дары он передавал через посредников. Например, князья и дворяне через своих подданных присылали на поминки лошадей, предназначенных для посвящения умершему, «чтобы, – как пишет Хан-Гирей, – почтить память покойника и оказать должное уважение его родственникам»⁶.

Многие дары имели важное символическое, даже магическое значение. Например, в княжеской среде по случаю рождения мальчика тот, кто давал новорожденному имя, дарил ему стрелу с белыми (ассоциирующимися со знатностью) перьями и эта стрела прикреплялась к колыбели мальчика как

оберег от нечистой силы⁷. В среде простого народа давший новорожденному имя дарил ему рубашку – *цлэфлэц джанэ*. Вообще почти все виды и формы дарения, связанные с рождением и воспитанием ребенка, были известны заранее. Например, через одну-две недели после его появления на свет устраивался упоминавшийся выше обряд первого укладывания новорожденного в люльку. И эту люльку вместе со всеми постельными принадлежностями приносила обязательно делегация от имени родителей роженицы. Такое правило сохраняется и сейчас, хотя вместо традиционной люльки дарят детскую кровать и коляску.

Щедрыми дарами ознаменовывалась церемония возвращения отданного на воспитание ребенка. Судя по описаниям К. Коха, обычно аталык (воспитатель) приезжал с большой свитой и преподносил отцу своего воспитанника лошадей, седла, кинжалы и т.п. Для женщин передавались платки, золотые, серебряные украшения и другие вещи⁸. Вручение подарков происходило «или в то время, когда хозяин приветствует гостей, или чаще, когда хозяин с сыном располагается в каком-либо подходящем месте на воздухе. Каждый гость по очереди подходит к хозяину и передает ему подарки, называя их обычно на цветистом языке «незначительными». Слуги принимают все это и несут или везут подарки в определенное место, где все это выставляется для всеобщего обозрения и восхищения»⁹.

Развитию широкой, разветвленной системы дарообмена способствовал хорошо известный этнографам эффект синкретизма вещи и духа; каждый предмет, в том числе и преподносимый в дар, наделялся свойствами его обладателя. В силу этого дарообмен ассоциировался с обменом определенными человеческими свойствами, с установлением и поддержанием между людьми духовной близости¹⁰. Остатки подобных представлений сохранялись у адыгов еще в XVIII–XIX вв. Об этом свидетельствует обычай обмениваться одеждой, который поддерживался и был даже усилен идеями рыцарской щедрости. К этому надо добавить, что получивший дары, почти целиком или частично раздавал их родственникам, друзьям, соседям. Еще Интериано заметил, что у адыгов во время похорон «самый близкий из родичей (умершего. – Б.Б.) собирает принесенные дары и все время раздает присутствующим, и чем более он любил и чествовал покойного, тем менее этих даров хоронилось с ним»¹¹.

При желании в визитах, сопровождающихся дарами, можно усмотреть и определенный экономический смысл: в них как будто бы прослеживаются черты меновой торговли, в связи с чем Н.И. Зибер писал: «Взаимное обращение подарков, по всей вероятности, является первоначальной почвой, на которой развивается внутренний обмен, подобно тому, как взаимный грабеж порождает обмен внешний»¹².

Временные характеристики

Иногда они задаются достаточно строго. Например, визит сватов к родителям невесты – *лъыхъу* – рекомендуется наносить после обеда, но не затемно. На похороны желательно отправиться утром, до выноса покойного, который совершают обычно около 12 часов. Навестить больного нужно в отведенное для этого время, лучше всего в первой половине дня, исключая целиком вторник. Вторник считался несчастливым, гибельным временем и днем, негодным для отправки в путь, для каких-либо важных дел и начинаний. Возможно, это суеверие, связанное с падением во вторник 29 мая 1453 г. Константинополя, когда черкесы были в основном православными христианами.

Непригодным для визита к больному считалось, как сказано, послеобеденное время – из соображений, видимо, опять-таки магических, в силу ассоциации восхода солнца с жизнью, а заката – со смертью. Можно и сейчас услышать наставление: *Махуэ хэцлэгъуэу цлэупцлэкуэ умыкхуэ, емыкхуэ* – «На закате

солнца больного не навещай – неприлично». По свидетельству С.Х. Мафедзева, послеобеденное время представлялось адыгам стихией нечистой силы; если кто-либо и приходил в это время к больному, ему запрещалось обращаться к больному с расспросами о здоровье, «об этом узнавали шепотом у родственников»¹³.

С другой стороны, визит молодежи к человеку с ранением или переломом, известный под названием *цIопцIакIуэ*, наносили, наоборот, вечером, с тем чтобы до рассвета петь, танцевать, веселиться, шуметь и таким образом отпугивать активизирующиеся как раз в это время нечистые силы. Как явствует из многочисленных описаний обряда и специальных работ, ему посвященных¹⁴, основная задача посетителей – произвести в комнате раненого шум, символизирующий победу жизни над смертью. Остальные функции обряда вторичные. Отсюда стук молотком по железу, смех, песня, шумные игры, беспрецедентная свобода в выражениях. В подобных случаях, характерных для обряда вообще, «основное значение имеет не фактическое содержание ... фраз, а семантика их произнесения»¹⁵. В целом *цIопцIакIуэ* – это довольно продолжительный визит, если учесть, что в остальных случаях задерживаться у постели больного более получаса считалось неприличным. «Визит к больному должен продолжаться не более промежутка времени, достаточного для доения четвероногого животного», – писал М. Садык, автор книги о традиционном этикете среднеазиатских народов¹⁶. Данное правило применимо в целом и к адыгскому этикету.

Вообще говоря, в выборе продолжительности нанесения визита всегда нужно проявлять деликатность и такт, чтобы не вызвать осуждения или насмешек. В одном из аулов Адыгеи мне рассказали анекдотичный случай, когда однажды старичок пришел в гости к соседу, в ходе беседы незаметно для себя прикорнул и заснул в кресле. Так и проспал до утра, пока его не хватились домашние.

Но чрезмерная краткость визита тоже считалась не вполне уместной: пробыть у больного менее десяти минут, уйти с похорон до захоронения умершего или сразу после этого (не возвратившись в дом, где случилось несчастье), считается нарушением приличий ничуть не меньшим, чем непомерно длительное пребывание в гостях. Плохой, не совместимой с адыгством считается привычка прийти, «заскочить» на какое-либо важное мероприятие, «отметиться» и спешно уйти или сбежать.

Костюм и снаряжение

Согласно общему правилу, для нанесения визита одеваются во все самое лучшее, что расценивается как проявление элементарного уважения к себе и к людям, которым наносится визит.

В сравнительно недавнем феодальном прошлом этому придавали большое значение. У женщин главными атрибутами парадной одежды, одинаково пригодными для нанесения визитов и приема гостей, были массивный серебряный пояс и такой же нагрудник, напоминавший кольчугу. Девушки дополнительно к этому надевали на голову островерхую шапочку, украшенную золотым шитьем.

Традиционная одежда мужчин – черкеска со всеми ее атрибутами: газыри, украшенный серебряными бляшками и подвесками пояс, на поясе – кинжал и шашка, на голове – различных форм каракулевая шапка. Князья и дворяне облачались в старинные доспехи, подчеркивая высокую значимость своего происхождения и положения. «Черкесская знать, – писал в этой связи Д. Асколи, – даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом, в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченного серебра»¹⁷.

Подробно и очень красочно описывает эту черту черкесской жизни Дж. Лонгворт, которого поразили своим великолепием визит вежливости, нанесенный ему натухайским князем Индароко: «Вместо ружья у него были арбалет и колчан со

стрелами, оружие, которое даже среди черкесов служило скорее для украшения, чем для практического использования, а в глазах европейца ассоциировали его владельца с давно ушедшими веками, призраком которых явился этот воин во всем великолепии своей амуниции. Все это вместе с дамасским мечом, который, как я заметил, неизменно надевается с прочим старинным оружием, было при входе в мою комнату снято с хозяина его слугой, или оруженосцем, и развешено на стене, после чего оруженосец молча занял место подле своего хозяина»¹⁸.

В отличие от других визитов, на похороны, поминки и к больному являлись в одежде строгих тонов, без украшений. Близкие родственники умершего не надевали на себя оружие, даже кинжал – неизменный атрибут черкесского национального костюма. Без кинжала, без традиционного пояса, сняв шапку, наносили визит с целью примирения с кровным врагом. Между тем на похоронах и поминках головной убор считался и считается сейчас совершенно необходимым. Его нельзя снимать на всем протяжении визита.

В составе взаимопосещений в рамках свадебного обряда парадная форма была необходима в качестве подарков и ритуальных переодеваний. Во время визита *нысашэ* гостей, приехавших за невестой, «обирали», что называется с ног до головы. «Самовольно берут нарядную черкеску, дорогую шапку, револьвер и даже (иногда при полной бесцеремонности) отбирают дорогое оружие, как-то: кинжалы в золоченной оправе, украшенные драгоценными камнями, шашки и пояса из литого золота или серебра... Взамен отнятого дают молодым людям все старое, изорванное, грязное...»¹⁹. Несмотря на это, делом чести каждого человека в составе свадебного поезда считалось явиться в дом невесты при полном параде, символизирующем рыцарскую щедрость.

В свою очередь, родственники невесты обязаны были одеть ее перед отъездом в самый дорогой наряд, включая украшения из золота и серебра. На самом деле это были дары для ближайших родственников жениха. После прибытия невесты в дом жениха женщины снимали с нее одежду и украшения и распределяли между собой. Эти вещи считались частью множества других подарков, предназначенных для родственников жениха, известных под общим названием *нысэ тын* – «дар невесты».

Стандарты общения

Обычно к каждому визиту приурочен набор самых важных, ключевых слов и высказываний, отражающих специфические причины, условия и задачи социального взаимодействия. Главным образом это различного рода пожелания. К примеру, явившись для поздравления с рождением ребенка главам семьи высказывают стереотипные пожелания типа: *Алыхьым кьыфхуигъэхъу* – «Аллах для вас пусть даст ему вырасти»; *ГъуицIыпсэрэ, псэ быдэу тхъэм фхуицI* – «Железной, крепкой душу его Бог для вас пусть сделает». Кроме того, существуют специальные благопожелания, приуроченные к рождению мальчика, девочки, первенца. По случаю рождения мальчика говорят: *Лъэпкъ тхъэм фхуицI* – «Родом Бог его для вас да сделает»; *Лъапсэ быдэ тхъэм ицI* – букв. «Корни его крепкими Бог да сделает»; *Къудамэ быдэ тхъэм ицI* – «Ветвью крепкой (вашего рода) Бог да сделает его» и др.

Несколько иначе строятся поздравления с рождением девочки: *ИурыцIэ (жыIауцIэ) тхъэм фхуицI* – «Послушной, исполнительный Бог для вас пусть ее сделает»; *УнэкIафэ тхъэм ицI, яшауэ тхъэм фигъэлъагъу* – «Счастливой в семейной жизни Бог ее да сделает, замужней Бог пусть даст ее вам увидеть».

Существуют также особенно выразительные высказывания, используя которые посетитель может блеснуть своим красноречием. Например, если поздравляют с рождением первенца-девочки, то уместно сказать: *Зэкъуэишылъм я шыпхъу нэхъыжэ тхъэм ицI* – «Старшей сестрой семи братьев Бог да сделает».

Аналогичным образом организованы все другие типовые взаимопосещения. Так, в частности, строится поведение посетителей во время похорон. Самое главное здесь – выразить надлежащим образом соболезнование родственникам покойного. Это должен сделать старший группы – *хьэдагъэпашэ* после традиционной молитвы, которую зачитывает мулла. Обычно используются две-три стандартные формулы, например: *Алыхьыу дыкъэзыгъэцIам ахърэтыфI къырит. ЖэнэткIэ тхъэм игъэгүфIэ* – «Аллах, создавший нас, пусть даст ему хорошую загробную жизнь. Пусть даст ему возрадоваться райской жизнью». Существуют, кроме того, специальные формулы, которые используются, когда умирает молодой человек, ребенок, женщина. Если умирает ребенок, обычно говорят: *Шафихъэт иууэ тхъэм къывитыж* – «Пусть вернет вам его Бог вашим всадником-защитником». Тем самым подчеркивается, что душа ребенка безгрешна, что ее заступничество и ходатайство перед Всевышним может обеспечить родителям попадание в рай.

Если умирает ребенок до 3 лет, чаще всего используются благопожелания типа: *Джэнэт бзу тхъам ешI* (адыг.) – «Райской птицей Бог его да сделает»; *Жэнэт бзууэ тхъэм игъэбыбыж* – «Райской птицей Бог пусть даст ему улететь».

Перед уходом с похорон высказывают серию новых пожеланий с акцентом на том, чтобы близкие родственники покойного сумели преодолеть это испытание и жить после этого счастливой жизнью: *Алыхьым фицмыгъэгүпцэкIэ. Иужь махуэ тхъэм фхуицI. Къэнар фыкIэлыгъэунэ* – «Аллах да не даст вам забыть это горе от еще худшей беды. После этого горя счастье вам да пошлет. Оставшиеся живите, не зная бед».

Важные функции в составе визитов выполняли и выполняют разного рода другие – неречевые стандарты и атрибуты общения. Например, по традиции, сохраняющейся в Адыгее, для выражения соболезнования используется не слова, а специфические жесты. Глава группы посетителей выходит из строя на один шаг и, причем, обязательно с левой ноги и затем медленно поднимает левую руку к левому виску. Движения левой ногой и левой рукой символизируют здесь траур и печаль. Выразив, таким образом свое соболезнование, необходимо развернуться непременно направо, то есть левым плечом вперед, что также ассоциируется с трауром. В Кабарде такие формы выражения соболезнования действовали вплоть до 20–30-х гг. прошлого века. Кроме того, они были распространены в Осетии и об этом пишет в очерке «Особа» К. Хетагуров, ср.: «Малознакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто – с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойного и, постояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие»²⁰.

С этими традициями перекликаются правила поведения всадников, которые, объезжая округу, сообщают нужным людям о смерти и времени похорон известного человека. Обычно этот всадник, именуемый *цыхъэкIуэ* (букв. «горевестник»), разъезжает без оружия; плетку против обыкновения держит в левой руке, а поводья – в правой; встретив кого-либо в пути, выполняет траурные приветствия – взмах левой рукой вместо обычного взмаха правой рукой. По прибытии в назначенный пункт он останавливается слева от ворот усадьбы и спешивается с коня справа, а не слева как обычно. Выполнив свою миссию, он точно так же садится в седло и, развернувшись левым плечом, уезжает. Дополнительно к этому надо заметить, что особым правилам подчинялось само сообщение о смерти человека. Вместо слов «умер», «погиб», ушел на тот свет, нужно было сказать о покойном, что его уже нет – *цыIэжкым*. В Малой Кабарде вместо этого используют другое, совершенно неупотребительное в других случаях слово – *узгынтIауц*.

Еще одной иллюстрацией специфического использования символических действий в составе визита можно считать визит примирения кровных врагов, который в недавнем прошлом был распространен в Восточной Кабарде. В дом

потерпевшего отправлялась группа почетных родичей обидчика, в том числе и сам обидчик. Они входили во двор потерпевшего без традиционного пояса, с обнаженными головами, держа шапку обязательно в левой руке. Их встречали предупрежденные заранее родственники потерпевшего. Обменявшись очень сдержанно приветствиями (без рукопожатия), договаривались об условиях примирения. Если приходили к общему мнению, в действие вступала основная часть обряда. Приносили принадлежности для бритья; кровники пожимали друг другу руки; обидчик надевал свою шапку и, сняв шапку с потерпевшего, брил ему голову. Затем, то же самое проделывал потерпевший с обидчиком. Далее следовала кульминационная фаза примирения: обидчик принимал от хозяев чашу с махсымой, кто-либо из присутствующих бросал в нее золотое кольцо или монету; не спеша, с достоинством, обидчик и потерпевший поочередно выпивали содержимое чаши и обнимались²¹.

Определенное символическое и магическое значение имели в составе данного обряда волосы соперника, напиток, металлический предмет. Согласно традиционным верованиям, каждая из названных вещей обладала силой, способной нанести вред человеку, стоило только задать им такое направление. Овладев волосами другого человека, можно было вызвать у него тяжелую болезнь, напиток мог обернуться ядом, металлический предмет – орудием, которым будет нанесен смертельный удар. Таким образом, мы имеем здесь своего рода пророчество беды, гарантию расправы над тем, кто нарушит условия примирения. Такой была в прошлом распространенная во всем мире практика заключения мира или приведения к присяге.

При этом смысловой доминантой ритуала оставалось овладение волосами убийцы, о чем свидетельствуют аналогичные ритуалы других народов Кавказа. Например, у аварцев обычно убийца – канлы – подходил к родственникам убитого на коленях. И тогда один из них брал нож и срезал прядь волос с головы стоящего на коленях убийцы. Затем, взяв его за плечи, поднимал с колен. Сверх того, поднимая убийцу с колен, исполнитель обряда срезания волос мог сказать: *Суждаядла Аллагьасда цева гурони чIезе кколари* – «На колени только перед Аллахом нужно становиться»²². Это означало, что убийца прощен, что ритуал возымел действие и стал своего рода моральной компенсацией ущерба, нанесенного семье и роду убитого. И самое главное – он стал гарантом, залогом примирения и прекращения кровной вражды.

* * *

Суммируя наиболее значимые особенности визитов в традиционном адыгском обществе, мы убеждаемся в том, что функционирование визитов осуществляется благодаря принципам, правилам и нормам мышления и поведения, которые релевантны условиям цели и конкретной задачи каждого визита. Во всем своем разнообразии эти правила отражают особенности социального устройства, повседневного быта, духовной жизни традиционного адыгского общества. Мы видим, в частности, что в культуре общения адыгов типовые взаимопосещения наполняются специфическим социальным, национально-культурным, историческим содержанием.

Но то же самое относится и к любой другой внутренне организованной общности. Будучи механизмами производства и воспроизводства социальных связей и отношений, визиты занимают особое место в соционормативной культуре стран и народов, из них складывается общая картина быта и повседневной жизни человечества.

Примечания
(Endnotes)

1. В прошлом это был визит родственников невесты в дом жениха, они принимали от родителей жениха и угоняли полученных в качестве калыма коров и быков. Соответственно визит назывался *уасэ Их* – «получение платы за невесту» или *уасэху* – «угон платы за невесту».
2. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 295.
3. *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Нальчик, 1974. С. 208.
4. *Сиюхова Л.М.* Адыгский народный транспорт // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 175.
5. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 623.
6. *Хан-Гирей*. Избранные произведения. С. 65.
7. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. С. 275.
8. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли. С. 599.
9. Там же. С. 603.
10. *Краулей А.Е.* Мистическая роза. СПб., 1905. С. 385.
11. *Интерьяно Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 52.
12. *Зиббер Н.И.* Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937. С. 131.
13. *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979. С. 172.
14. Среди работ последних лет см.: *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 5–24; *Мафедзев С.Х.* Указ. соч. С. 63.
15. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 135.
16. *Садык М.* Кодекс приличий на Востоке. Б.м., б.г. С. 52.
17. *Асколи Э.Д.* Описание Черного моря и Татарии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 63.
18. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002. Т. 1. С. 59.
19. *Васильков В.В.* Очерк быта темиргоевцев // СМОМПК. Тифлис, 1901. С. 91.
20. *Хетагуров К.* Особа (этнографический очерк). Собр. соч. М., 1974. Т. 2. С. 228–282.
21. Инф. Кабардов Ж.Дж., 1907 г.р., Нижний Акбаш, Кабардино-Балкария. Аналогичный вариант обряда записан в другом районе Кабарды. – Инф. Ордоков Г.И., 1897 г.р., Исламей, Кабардино-Балкария.
22. *Магомедсалихов Х.Г.* Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана: традиции и трансформация в период советской модернизации: докт. дисс. Махачкала, 2011. С. 130–131.

ПАМЯТНИКИ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЯТИГОРСКА *

Пятигорск является одним из исторических городов России. Его территория издавна была населена людьми. Об этом свидетельствуют памятники седой древности, обнаруженные археологами и местными жителями при застройке города. Люди редко обращают внимание на фрагменты глиняной посуды и костей, которые находят при вскапывании дачи или огорода, при рытье траншеи или котлована. Тем не менее в Пятигорске выявлено множество археологических объектов.

Начало систематическим исследованиям памятников предскифского и раннескифского времени в окрестностях Пятигорска было положено в 1881 г. профессором права Варшавского университета Д.Я. Самоквасовым. Материалы раскопок Д.Я. Самоквасова были опубликованы в Трудах V Археологического съезда в Тифлисе и других изданиях. Находки его хранятся в Государственном историческом музее¹. В начале XX в. дело Дмитрия Яковлевича продолжил его ученик археолог Всеволод Ростиславович Апухтин. Коллекция древностей В.Р. Апухтина стала основой археологической коллекции современного Пятигорского краеведческого музея².

В начале 20-х гг. XX в. изучение местных древностей начал краевед Николай Михайлович Егоров. Значительная часть современной археологической коллекции Пятигорского краеведческого музея собрана им в 1924–1941 гг. Ценнейшим источником являются книги поступлений этого музея, куда краевед вносил свои записи об археологических находках³. Н.М. Егоров активно помогал в изучении северокавказских памятников столичным ученым (А.А. Иессену, Е.И. Крупнову и др.)⁴.

В конце 1920–1940-х гг. совместно с Н.М. Егоровым раскапывал и собирал древности в окрестностях Пятигорска краевед Андрей Петрович Рунич. В 1957–1975 гг. Андрей Петрович проводил самостоятельные археологические раскопки. Собранный в результате этой деятельности превосходная коллекция хранится частями в Пятигорском, Кисловодском, Ставропольском, Ессентукском краеведческих музеях⁵.

Сведения о памятниках предскифского и скифского времени на территории современного Пятигорска и его окрестностей обобщены в книгах Е.И. Крупнова⁶ и В.Б. Виноградова⁷.

Работы В.И. Козенковой, опубликованные в виде сводов археологических источников с 1989-го по 1998 г., на сегодня являются наиболее полными и содержательными исследованиями, обобщающими результаты изучения древностей предскифского и скифского времени района Пятигорья (в т.ч. и территории города Пятигорска)⁸. К сожалению, в этих сводах практически не использованы достаточно представительные материалы, найденные после 1980 г.

Во второй половине 80-х гг. XX в. в изучение памятников предскифского и скифского времени, будучи научным сотрудником Пятигорского краеведческого музея, включился и автор настоящей статьи.

* Настоящая статья представляет собой переработанный и дополненный текст доклада, прочитанного автором в 2003 г. на заседании кафедры социально-гуманитарных наук Пятигорского государственного технологического университета.

Поселение и могильник предскифского времени в пос. Горячеводском. На территории Пятигорска, в западной части пос. Горячеводского (бывшая станица Горячеводская) на естественной возвышенности (высокая терраса реки Юца) расположены так называемые Большие Горячеводские курганы. В состав этой группы раньше входило 5 крупных насыпей. Курганы располагались цепью, вытянутой с ССЗ на ЮЮВ. Находки из этих курганов, сделанные пятигорскими краеведами в 30–60-х гг. XX в., позволяют считать, что большие земляные насыпи были сооружены в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н.э.) и использовались для захоронений в эпоху средней бронзы (II тыс. до н.э.)⁹.

Один из курганов этой группы, получивший название Больничный, или Госпитальный (остатки его насыпи сохранились у Госпиталя инвалидов отечественной войны (далее – госпиталя)), использовался людьми и в эпоху финальной бронзы – раннего железа. Насыпь Больничного кургана в 1950-х гг. имела высоту 12,8 и диаметр около 120 м. На вершине кургана располагалось воронкообразное углубление размерами 19 x 17,5 м при глубине 2 м.

У северной полы этого кургана еще в 1920-х гг. краеведом Вадимом Руничем было открыто древнее поселение (территория современного госпиталя). Это поселение в 1933-м и 1935 г. осматривалось Н.М. Егоровым. Здесь им были собраны фрагменты керамики с прорезной и оттисковой орнаментацией, типичной для эпохи финальной бронзы – начала железного века (VIII в. до н.э.) (Рис. 1).

Здесь же, к северу от Больничного, кургана находился синхронный могильник, состоявший из небольших курганов и бескурганных погребений. Могильник изучался пятигорскими археологами Н.М. Егоровым и А.П. Руничем. В одном из курганчиков при проведении траншеи строителями были обнаружены каменные ящики, инвентарь которых не сохранился. Бескурганные каменные ящики этого могильника разрушались станичниками для добычи каменных плит. В 1935 г. при земляных работах здесь были обнаружены остатки погребения: фрагменты разбитого кувшина и человеческие кости. Заложенный рядом шурф показал наличие каменного навала на глубине до 0,5 м. При разборе навала были найдены кости животного. Ниже находились плиты поврежденного каменного ящика размерами около 0,6 x 0,7 м при глубине 0,3–0,5 м, сложенного из четырех плит. В могиле были кости четверых погребенных. Кости эти были плохой сохранности. Характер труположения не указан. Из погребального инвентаря был найден только костяной наконечник стрелы. В заполнении могилы встречались также разрозненные фрагменты керамики (территория поселения). Невдалеке от этого погребения был раскопан еще один каменный ящик, вероятно, ограбленный¹⁰.

Расположение поселения и могильника финала бронзовой эпохи у Больничного кургана позволяет предполагать, что он, сооруженный в период ранней и средней бронзы, использовался в качестве укрепления-убежища в кобанскую эпоху.

Поселение предскифского времени у Константиновского кожзавода было открыто в 1970-х гг. краеведом Н.С. Колоколовым¹¹. Поселение располагалось на восточной окраине современного Пятигорска, на берегу ручья, у крупного кургана эпохи бронзы. Насыпь кургана, очевидно, использовалась обитателями поселения в качестве укрепления-убежища. Найденные фрагменты керамики датируются VIII–VII вв. до н.э. Конкретные причины возникновения поселений предскифского времени у подножий курганов ранней и средней бронзы в районе Пятигорья пока не выявлены¹².

Памятники VIII–IV вв. до н.э. концентрируются у Перкальской скалы, расположенной в северной части Пятигорска. Эта природная возвышенность – северный отрог горы Машук – расположена в лесном массиве. Скала сложена из травертина¹³ и имеет в плане вытянутую подромбовидную форму. Скальные выступы имелись

и имеются только на вершине возвышенности, видимо, служившей в древности естественным укреплением-убежищем. Склоны скалы закрыты слоем глины и лесного чернозема. К сожалению, вершина Перкальской скалы сильно пострадала при добыче камня в конце XIX – перв. пол. XX в. Однако согласно записям книг поступления Пятигорского краеведческого музея¹⁴, данным, опубликованным В.И. Козенковой¹⁵, и по моим собственным наблюдениям¹⁶, на склонах и у подножия Перкальской скалы сохранились два древних поселения и могильник. Они были осмотрены археологическим отрядом Пятигорского краеведческого музея в 1989-м и 2003 г. под руководством автора этих строк.

Перкальское I поселение, по данным В.И. Козенковой, было обнаружено Н.М. Егоровым. В 1929 г. обследовано А.А. Иессеном. Небольшие раскопки выявили толщину слоя 0,4 м. В шурфе обнаружены фрагменты обожженной обмазки с отпечатками прутьев¹⁷.

Согласно данным разведок 1989-го и 2003 г., памятник расположен в 1,7 км к востоку от железнодорожной станции Лермонтовская (Рис. 2). Судя по выходам на поверхность культурного слоя (находки фрагментов керамики и битых костей животных), древнее поселение занимало часть пологого северного склона Перкальской скалы. Большая часть склона и часть поселения покрыты лесом. Размеры поселения (по находкам керамики) составили: с севера на юг 154 м и с востока на запад – 275 м, а площадь его приблизительно равна 3 га. Мощность культурного слоя определить не удалось, т.к. на поселении отсутствуют промоины, современные ямы и т.п., в которых возможно было бы сделать зачистку.

Следы искусственных фортификационных сооружений на этом поселении не выявлены. В минуты опасности здешнее население скрывалось на вершине Перкальской скалы. Постоянного (не сезонного) источника воды в настоящее время вблизи поселения нет. Вероятно, он ранее был, но не сохранился из-за проводившихся в последней четверти XIX – середине XX в. на Перкальской скале взрывных работ при добыче камня.

Культурный слой поселения Перкальское I имеет частичные повреждения, связанные с глубокой распашкой длительное время существовавших здесь огородов, а также с периодической посадкой саженцев в действующем ныне лесопитомнике. Следы древних жилищ (впадины, остатки стен, каменные кладки) на поверхности поселения отсутствуют. На части территории поселения, находящейся в лесу, видны отдельные камни. Однако они, возможно, появились здесь во время работ по добыче, сортировке и перевозке камня на располагавшейся вблизи каменоломне.

Собранный на поселении Перкальское I подъемный материал представлен в основном фрагментами лепной орнаментированной и неорнаментированной керамики. Кроме того, на территории поселения (в лесу и в кротовинах) были найдены битые кости крупного и мелкого рогатого скота, встречались куски обожженной турлужной обмазки, мелкие древесные угли. В центральной части поселения найдены также железный втульчатый трехлопастной наконечник стрелы и небольшая крица, или железный шлак. Орнаментированная штампом и прорезным геометрическим орнаментом глиняная посуда, аналогичная найденной на поселении Перкальское I, хорошо представлена на бытовых памятниках и в составе погребального инвентаря могильников позднейшего предскифского времени и раннескифской эпохи в районе Пятигорья и в Кисловодской котловине¹⁸. Железный наконечник стрелы датируется скифским временем (VI–IV вв. до н.э.)¹⁹. Судя по приведенным аналогиям, поселение Перкальское I следует датировать финалом предскифского и раннескифским временем (VII–V вв. до н.э.)²⁰.

Поселение Перкальское II расположено у северо-западного подножия Перкальской скалы, в 530 м к северо-западу от ее вершины, в 1,3 км к востоку от

железнодорожной станции Лермонтовская и в 200–250 м от поселения Перкальское I (Рис. 2). Судя по находкам на поверхности фрагментов глиняных сосудов и осколков костей животных, древнее поселение занимало часть северо-западного подножия Перкальской скалы, имеющего небольшой уклон к северу. Северная часть и край южной части поселения покрыты широколиственным лесом. По центральной части древнего поселения Перкальское II проходит просека, высоковольтная линия электропередач, проложены коммунальные сети (водопровод и т.п.). Часть территории поселения, свободная от леса, использовалась местными жителями под огороды. В настоящее время огороды заброшены и частично попали под лесонасаждения. Выходы на поверхность культурного слоя имеются и в лесу, и на бывших огородах.

Наиболее выразительные фрагменты глиняных сосудов (Рис. 3–1, 2; 4–1–4) были найдены вблизи трансформаторной подстанции, при строительстве которой, видимо, был поврежден культурный слой. Размеры поселения (по находкам керамики) составили с севера на юг 175 м и с востока на запад – 200 м, а площадь его приблизительно равна 3 га. Следы искусственных фортификационных сооружений на этом поселении в настоящее время отсутствуют, хотя возможно, они имелись. В частности, балка, проходящая у северной окраины поселения, могла использоваться как естественное препятствие, дополнительно усиленное неглубоким рвом и стеной. Однако следы этих сооружений найти не удалось.

Кроме того, древние обитатели поселения могли использовать в качестве естественного укрепления-убежища вершину Перкальской скалы. Источник воды, вероятно, находился в только что упомянутой балке, где и сейчас наблюдается повышенная влажность грунта.

Выраженные признаки древних жилищ (впадины, остатки стен, каменные кладки) на современной поверхности поселения не найдены. Наземных признаков могильника, непосредственно связанного с поселением Перкальское II, не обнаружено.

Кроме фрагментов керамики, на территории поселения (в лесу) были найдены мелкие осколки костей крупного и мелкого рогатого скота, а также древесные угли. В центральной части поселения найден также бронзовый площик (наконечник стрелы) (Рис. 3–3).

Богато орнаментированная штампом и прорезным геометрическим орнаментом глиняная посуда, технологически близкая найденной на поселении Перкальское II, изредка встречается на бытовых памятниках и в составе погребального инвентаря могильников предскифского времени в Кисловодской котловине и в северо-восточной части Пятигорья²¹. Бронзовый наконечник стрелы (площик) датируется предскифским временем (VIII–VII вв. до н.э.)²² и подтверждает предложенную датировку керамики. Судя по приведенным аналогиям поселение Перкальское II следует датировать предскифской эпохой (VIII–VII вв. до н.э.)²³.

Перкальский могильник скифского времени расположен на территории Пятигорска²⁴ на восточном склоне Перкальской скалы в 250–300 м к востоку от поселения Перкальское I (рис. 2). Здесь имеется мощное отложение глин, где заложены карьером в 30-х гг. XX столетия был задет могильник скифского времени, описанный Н.М. Егоровым под названием Перкальский²⁵. Обнаруженные здесь Н.М. Егоровым погребения – грунтовые ямы и каменные ящики – были без каких-либо наземных признаков²⁶. Место расположения археологического памятника мне было указано краеведом А.П. Руничем. Могильник у Перкальской скалы был осмотрен мной и кратко описан в ходе разведок 1989 г.²⁷ Тогда же был составлен план небольшого выступа, где Н.М. Егоровым были обнаружены древние погребения. С севера от глиняного карьера (размеры 20 x 35 м, глубина – 8,5 м), захватившего нижнюю восточную часть могильника, проходит заброшенная грунтовая дорога из Пятигорска в колонию Каррас (сейчас поселок Иноземцево). Со

слов А.П. Рунича, опубликованные в вышеуказанной работе погребения были исследованы им и Н.М. Егоровым как в срезе карьера, так и на упомянутой дороге. При осмотре дороги каких-либо следов от могильных сооружений обнаружить не удалось, но в стенке карьера нами были замечены заплывшие ямы, возможно, являющиеся следами раскопок Н.М. Егорова. В самом карьере (сейчас он заброшен и частично занят под свалку Перкальского арборетума – филиала Ботанического института им. В.Л. Комарова) был найден фрагмент глиняной полусферической чашки с геометрическим прорезным орнаментом. Этот фрагмент по местным аналогиям может быть датирован VIII–VII вв. до н.э.²⁸

По данным В.И. Козенковой, Перкальский могильник был обнаружен Н.М. Егоровым в 1933 г. В 1933–1934, 1940 и 1950 гг. здесь исследовано 5 погребений (4 грунтовых, иногда с каменной выкладкой сверху; 1 – из крупных каменных плит). Большинство погребений разрушено, кроме погребения № 4. Суммарная датировка могильника – VII–V вв. до н.э.²⁹

К сожалению, материал из раскопок Н.М. Егорова на Перкальском могильнике лишь частично введен в научный оборот³⁰. В 1991 г. мною опубликованы прорисовки вещей и данные о погребальном обряде неразрушенного погребения, вскрытого 12 мая 1934 г. (по А.П. Руничу). Эти данные не во всем совпадают с опубликованными Н.М. Егоровым. Приводим описание указанного погребения А.П. Руничем. Погребение было грунтовым с кольцевой обкладкой из камней (кромлехом? – В.Ф.) в слое дерна. Скорченный скелет лежал на правом боку головой на запад. Перед лицом стояла туалетная чашечка (Рис. 6–1), в которой находились мелкие янтарные бусы (Рис. 6–5). В области пояса обнаружены четыре орнаментированных кружка из листового золота, которые, вероятно, украшали пояс (Рис. 6 – 3, 4). В ногах стояла корчага (Рис. 6–2). Среди камней над этим погребением был найден железный клевец с бронзовой втулкой (Рис. 6–9).

Теперь приводим описание того же погребения по данным Н.М. Егорова. Под дерном на глубине 0,3–0,35 м обнаружен небольшой, овальной формы круг из камней. Погребение в грунте находилось на глубине 1,5 м. Захороненный лежал на правом боку; ноги подогнуты. Ориентировка западная. Перед лицом стояла туалетная чашечка (Рис. 6–1), в ней бусы: 140 мелких янтарных, 5 крупных янтарных угловатых (Рис. 6–5), 5 пастовых глазчатых (Рис. 6–8), 1 круглая стеклянная, слегка иризированная, и 1 из горного хрусталя (Рис. 6–7). Чашечка с бусами плохой сохранности, дно вогнутое внутрь конусом, цвет коричневый, поверхность лощенная; по бортику прорезной орнамент, затертый белой пастой. В области пояса найдены 4 золотые пластинки общим весом 0,8 г, из них пара красноватого оттенка (диаметр 39 мм) и с одинаковым рисунком, другая пара (диаметр 35 мм) – желтого цвета и иначе орнаментирована (Рис. 6 – 3, 4). В ногах погребенного стоял глиняный сосуд типа корчаги (Рис. 6–2). В этом же погребении найден бронзовый наконечник стрелы (Рис. 6–6). Относительно биметаллического клевца Н.М. Егоров сообщает, что он является случайной находкой на этом же могильнике.

Очевидны расхождения в данных исследователей (А.П. Рунича и Н.М. Егорова), оба принимавшие участие в раскопках этого погребения. Степень достоверности их сведений сейчас установить невозможно. Н.М. Егоров датировал этот выразительный комплекс VI в. до н.э., с чем следует согласиться³¹.

Могильник у Комсомольской поляны. У северного подножия горы Машук расположена т.н. Комсомольская поляна. Рядом находятся заброшенные каменоломни по добыче известняка. Вероятно, здесь в июне 1931 г. при разработке каменоломни были разрушены несколько погребений, находившихся не глубоко от поверхности в слое чернозема. Найдены короткие железные мечи, датируемые V–IV вв. до н.э.³². Точное место расположения могильника неизвестно.

Могильник у микрорайона Энергетик расположен в северной части Пятигорска. Точное место расположения не установлено. В монографии В.Б. Виноградова опубликованы рисунки находок из грунтового погребения, вскрытого в 1966 г.: глиняной чашки с прорезной геометрической орнаментацией и наконечника стрелы. Судя по этим вещам, могильник датируется VIII–VII вв.³³.

Погребение в Широкой балке. К северу от микрорайона Бештау расположена т.н. Широкая балка, берущая начало у южного подножия горы Бештау. Ниже балка плавно переходит в улицу Широкою (бывшая Атарбекова). В 1950 г. в верховьях Широкой балки (за ст. Лермонтовской) было разрушено подкурганное (?) погребение. В Пятигорский краеведческий музей поступили железные кинжал и наконечник копья, бронзовые наконечник копья, удила, псалии, бляшки от конской упряжи. Датировка комплекса – рубеж VII–VI вв. до н.э.³⁴.

Поселение Сосновая горка расположено на курганообразной естественной возвышенности к северу от станции Скачки. Осмотрено автором этих строк в 1990 г. Здесь найдены фрагменты керамики, которые датируются предскифским временем.

Могильник на проспекте Калинина был открыт 18 июня 1941 г. при строительных работах (к западу от городской больницы). Разрушено несколько погребений. Исследован Н.М. Егоровым. Непотревоженным оказалось грунтовое захоронение. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на запад. Здесь найдены: навершие булавы из черного мрамора, бронзовые наконечники стрел и оселок. В погребальный комплекс входил также обломок железного ножа. Из разрушенных могил происходят еще два оселка³⁵. Датировка – VIII–VII вв. до н.э.

Несколько погребений предскифского и скифского времени происходят с **Константиновского плато**, расположенного в восточной части Пятигорска между горами Машук и Лысой. Другое название этой местности – Бикет. На этой возвышенности был расположен курганный могильник, один из крупнейших на Северном Кавказе. Во втор. пол. XIX в. здесь насчитывалось свыше 5000 курганов. К 50-м гг. XX в. их осталось около 300. Археологами здесь выявлены погребения самых разных исторических эпох, начиная от бронзового века до позднего Средневековья³⁶. По сведениям В.И. Козенковой:

1. Из раскопок Д.Я. Самоквасова в 1881 г. к сер. I тыс. до н.э. относится комплекс из кургана 4: бронзовое зеркало с ручкой и глиняная коричневая лощеная миска с нарезным геометрическим орнаментом (хранение – Государственный исторический музей).

2. В 1882 г. Д.Я. Самоквасовым куплен бронзовый кинжал или меч, найденный при распашке огорода в колонии Константиновской. В том же году на Константиновском плато А.С. Уваровым раскопано погребение (могила 3), обозначенное сверху четырехугольной булыжной выкладкой. Материал датируется предскифским временем: бронзовый серп, два тесловидных топора, обломок бронзового обушного топора, бронзовая булава с лопатообразным навершием, зооморфная привеска кобанского типа и др.

3. В 1909–1911 гг. в окрестностях колонии Константиновской проводил исследования В.Р. Апухтин. Первой пол. I тыс. до н.э. датируются бронзовая булава с витым стержнем и навершием в виде трубочки, а также более 10 наконечников стрел скифского типа VI–IV вв. до н.э.³⁷

30 марта 1955 года А.П. Руничем на Константиновском плато было исследовано разрушенное грабителями подкурганное захоронение скифского времени. В составе погребального инвентаря – бронзовое зеркало с деревянной ручкой, железные нож и колчаный крюк, а также сероглиняная кружка. Комплекс датируется VI–V вв. до н.э.³⁸

Могильник у Ленинских скал (западный склон горы Машук) расположен у т.н. Теплого нарзана. Здесь при строительных работах командиром 89-го кавалерийского полка в 1933 г. было обнаружено погребение в каменном ящике на

глубине 0,5 м. «Из погребального инвентаря в Пятигорский музей поступили от П. Старовойтова следующие предметы: 3 бронзовых кинжальных клинка, бусы, несколько пластинчатых бронзовых колец, глиняная миска, обломок серпа из гладкого отшлифованного камня»³⁹. Кинжалы датируются эпохой финальной бронзы.

Поселение на горе Горячей в курортной части Пятигорска. Многослойный памятник на вершине и склонах горы Горячей был известен еще в начале XX в. Часть фрагментов керамики датируется предскифским и скифским временем. Видимо, с этим поселением связаны следующие два памятника.

Погребение на территории Нижней радоновой лечебницы. Обнаружено в центре города при рытье котлована под бассейн радоновой воды. Погребение было полностью разрушено. Место находки осмотрено Н.М. Егоровым 3 июня 1939 г.: «Рабочие сохранили только незначительные кости от скелета, части двух глиняных горшков и обломки меча. По их словам, погребение было завалено грудой крупных обломков камня (травертина). Ориентировано оно было с запада на восток и находилось на глубине 1,5 м». В музей поступили: «каменное округлое точило длиной 11 см с отверстием на конце; конец меча (из трех кусков), сильно поржавевшего, длина – 16,5 см, ширина – 7 см и к нему обломок ручки; четыре обломка (с частью ручки) от крупного толстодонного глиняного сосуда (кувшина), высотой около 25 см; три обломка от маленького, круглодонного сосуда (типа чашки-кружки, высотой около 6–7 см, окружность в средней, наибольшей выпуклой части, – около 21 см, внутренний диаметр отверстия – около 3,5 см). Оба сосуда грубой, ручной работы»⁴⁰. Материал, вероятно, датируется IV в. до н.э.

Могильник у санатория Горячий ключ расположен у западного подножия горы Горячей в старом центре города. По сведениям краеведа М.И. Рыбенко, при строительстве нового корпуса санатория «Горячий ключ» в 1956–1958 гг. было разрушено древнее погребение⁴¹.

Могильник у Грязелечебницы в центральной части города был частично поврежден 21 мая 1926 г. при рытье канализационной траншеи. Погребение находилось в грунтовой яме с откосами, на глубине 1,5 м и вещей не содержало. В.Б. Виноградов датировал его скифским временем⁴².

Могильник на ул. Лысенковской расположен в центральной части пос. Горячеводск. Грунтовое захоронение было обнаружено в 1969 г. на глубине 0,7 м. Детали обряда неизвестны. Из погребального инвентаря сохранились глиняный кувшин с рифлением по тулову, миска без орнамента и небольшая мисочка с прорезным геометрическим орнаментом. Комплекс датируется VI–V вв. до н.э.⁴³

Поселение в нижней части Провальской Балки у мясокомбината. Было известно еще в начале XX в. Осматривалось Н.М. Егоровым. В 1929 г. А.А. Иессеном заложен небольшой шурф. Толщина культурного слоя – 0,8 м. В слое отмечено наличие зольных прослоек. Найдены бронзовое шило, обломки сосудов с прорезным геометрическим орнаментом⁴⁴. В 1986–1990 гг. осматривалось В.А. Фоменко. Поселение имеет укрепленную часть (цитадель), в значительной степени разрушенную каменоломнями. Нижняя часть поселения застроена. Часть подъемного материала датируется предскифским и скифским временем⁴⁵.

Могильник на улице Фабричной расположен напортив мясокомбината в нижней части Провальской Балки, открыт в 1946 г. В 40–60-х гг. XX в. были разрушены несколько погребений. Одно погребение было доследовано в 1960 г. А.П. Руничем. Могила представляла собой каменный ящик, сложенный из плит. Внутренние размеры захоронения – 120 x 80 при высоте стенок 56 см. На дне на правом боку лежал сильно скорченный скелет, ориентированный головой на юго-запад. Перед лицом усопшего стояла черноглиняная корчага, на горловине которой располагалась кружка темно-серого цвета, орнаментированная

вдавленными линиями. Непосредственно перед лицевыми костями найдена сердоликовая бусина. У кистей рук лежали три бронзовых наконечника стрел, два из которых двулопастные. Немного дальше находилась уздечка, от которой сохранились три шайбовидных перекрестия ремней, украшенные солярным узором. В области пояса были положены железные кинжал и нож, несколько дальше лежала костяная застежка с перехватом (Рис. 5А)⁴⁶. Инвентарь погребения позволяет отнести его к VI в. до н.э. В пользу этого говорят наконечники стрел и шайбовидные перекрестия, имеющие аналогии в местных памятниках⁴⁷.

В марте 1958 г. в Пятигорский краеведческий музей поступил комплекс вещей из разрушенных в окрестностях мясокомбината женских погребений: фрагменты черноглиняной чашки с прорезным «косым шахматным» орнаментом, 2 прясла (одно орнаментировано оттисками штампа), 2 бронзовые булавки, игла, наконечник стрелы из того же металла, а также бусы из различных материалов в количестве 8 штук (Рис. 5Б). Данный погребальный инвентарь имеет аналогии в женских погребениях Минераловодского могильника⁴⁸ и датируется в пределах VI в. до н.э.⁴⁹.

Поселение на юго-западной окраине пос. Свобода. На правом берегу р. Подкумок на возвышенности на ул. Нагорной в 1930 г. Н.М. Егоровым найдены фрагменты глиняной посуды начала I тыс. до н.э.⁵⁰.

Поселение у ул. Кладбищенской в пос. Свободы было открыто Н.М. Егоровым в мае 1931 г., располагалось оно в центральной части поселка у старого кладбища. Фрагменты керамики, судя по описанию, относятся к VIII–VI вв. до н.э.⁵¹.

Поселение за улицей Пролетарской расположено на мысообразной возвышенности к северу от горы Дубровка (за пос. Свободы). Здесь, на берегу реки Грязнушка, найдены выходы культурного слоя, который по фрагментам керамики с прорезной геометрической орнаментацией датируется предскифским временем. Осмотрено в 1990 г. автором этих строк. Повторно осмотрено в марте 2010 г. совместно с С.Н. Савенко. В настоящее время большая часть поселения застроена.

Находка статуэтки у станции Скачки на западной окраине Пятигорска. Бронзовая фигурка мужчины высотой 5 см найдена В.Д. Лакаташ 1 июня 1939 г. в песке левого берега реки Подкумок в 0,5 км выше железнодорожной станции Скачки⁵². Статуэтка, возможно, датируется VIII–IV вв. до н.э.

Находка статуэтки в окрестностях Пятигорска. Бронзовая статуэтка мужчины с птицей в руке найдена в карьере в 1932 г. О.А. Брилева датирует эту статуэтку IV–III вв. до н.э.⁵³.

Были, конечно, и другие находки комплексов и предметов предскифского и скифского времени на территории Пятигорска и в его ближайших окрестностях. Например, по данным В.И. Козенковой, в 1913 г. в Пятигорске при земляных работах найдены (вырыты) человеческие кости и бронзовые украшения (браслеты и кольца)⁵⁴.

Таким образом, к настоящему времени на территории Пятигорска выявлено не менее 11 поселений и 15 могильников VIII–IV вв. до н.э. К сожалению, некоторые из перечисленных археологических объектов полностью или частично разрушены в ходе строительных и других земляных работ. Кроме того, следует заметить, что обильные материалы района Пятигорья (в т.ч. и с территории современного Пятигорска), относящиеся к предскифско-скифской эпохе, опубликованы лишь частично и, соответственно, не введены в широкий научный оборот.

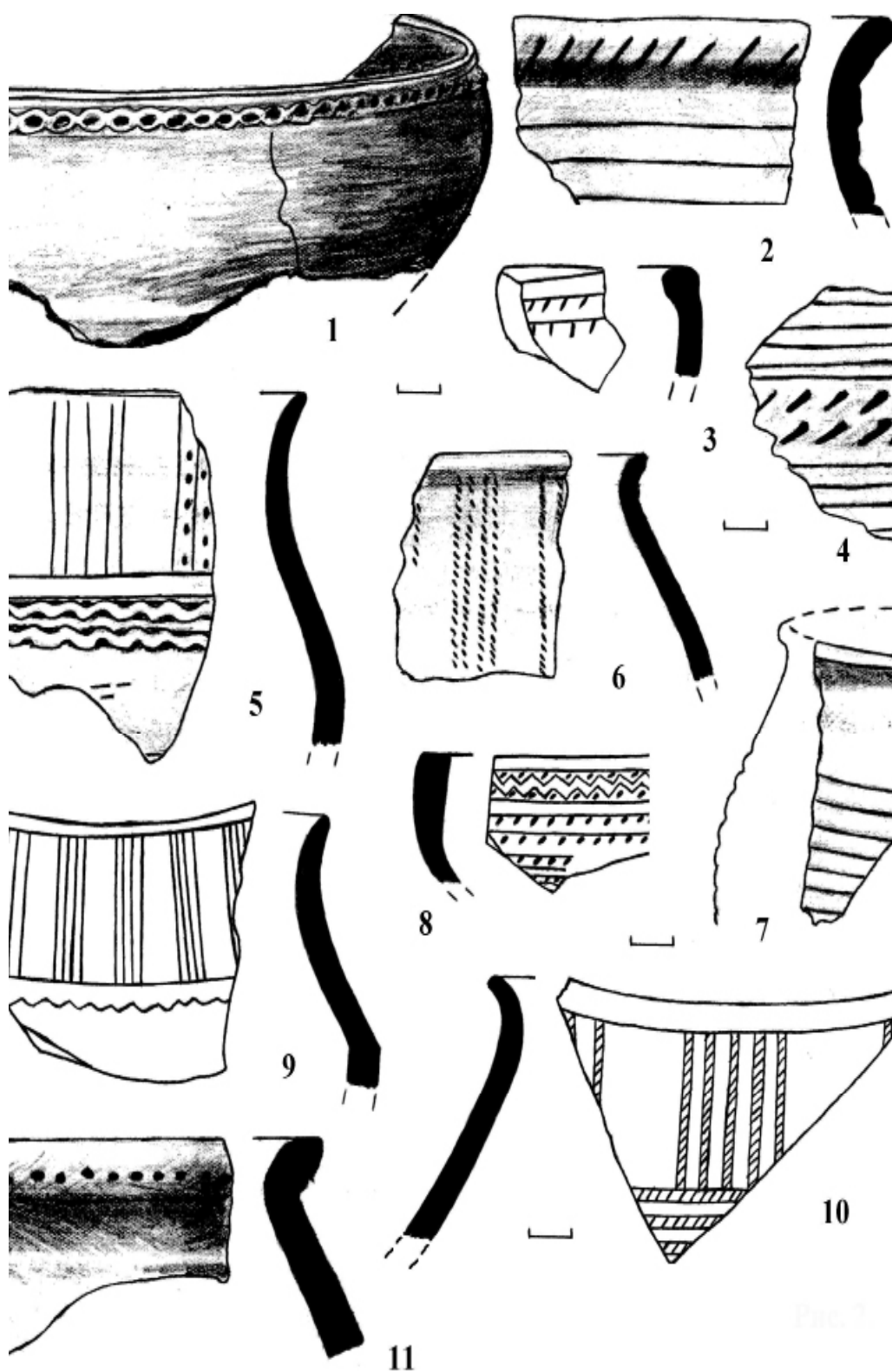

Рис. 1. Фрагменты керамики с Горячеводского поселения
предскифского времени (по Н.М. Егорову)

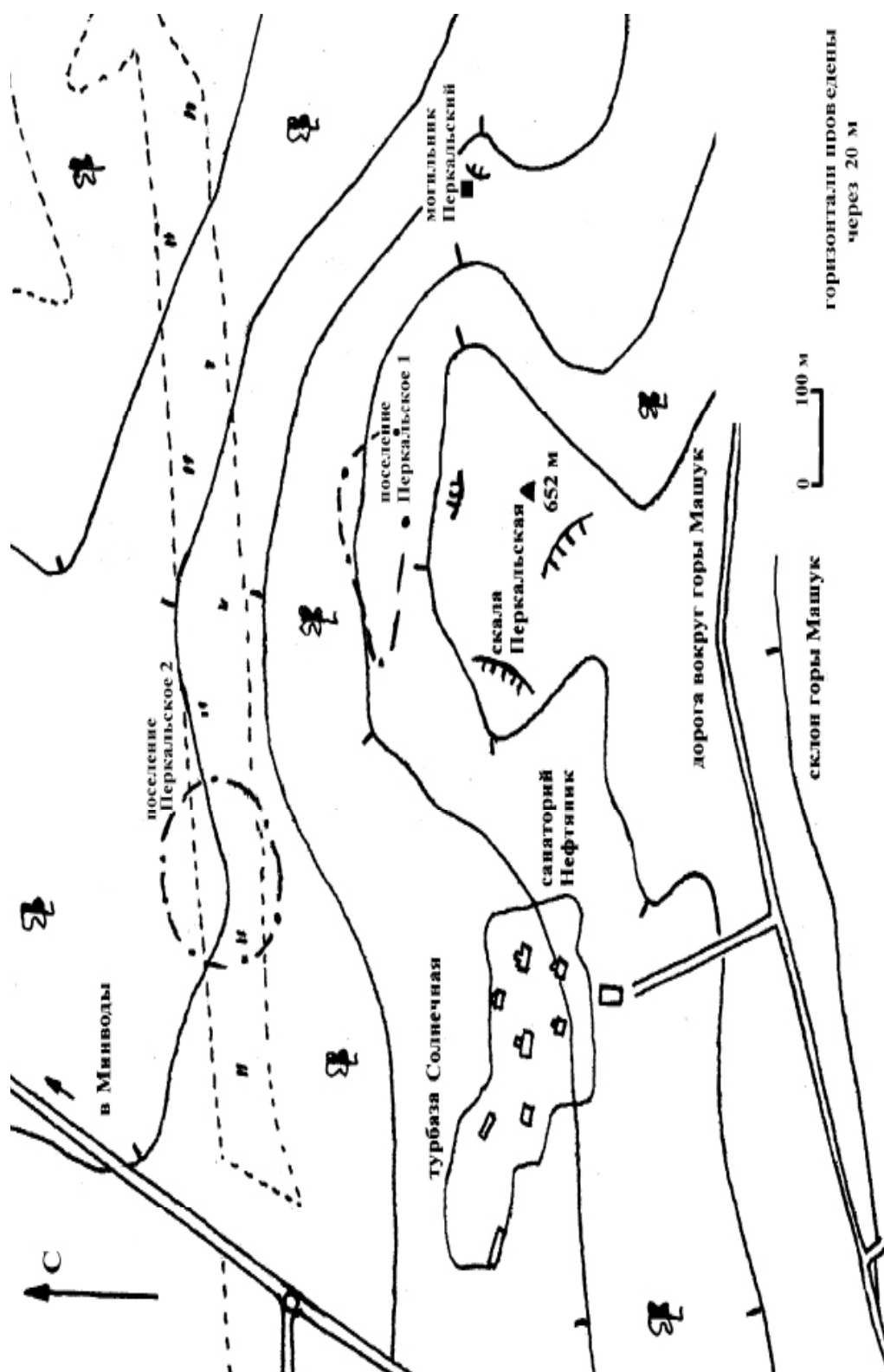

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников у Перкальской скалы

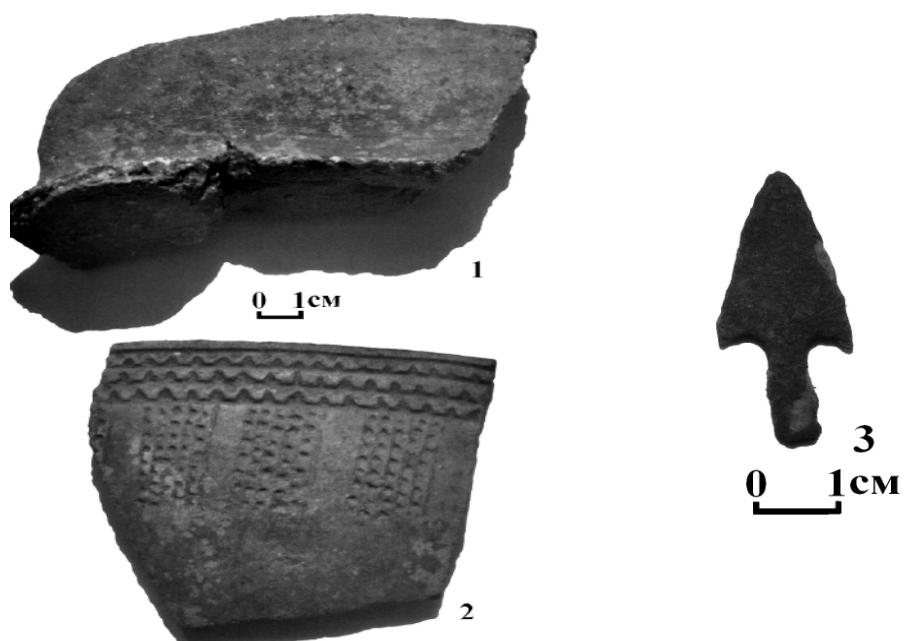

Рис. 3. Подъемный материал с Перкальского II поселения
(1, 2 - керамика, 3 - бронза)

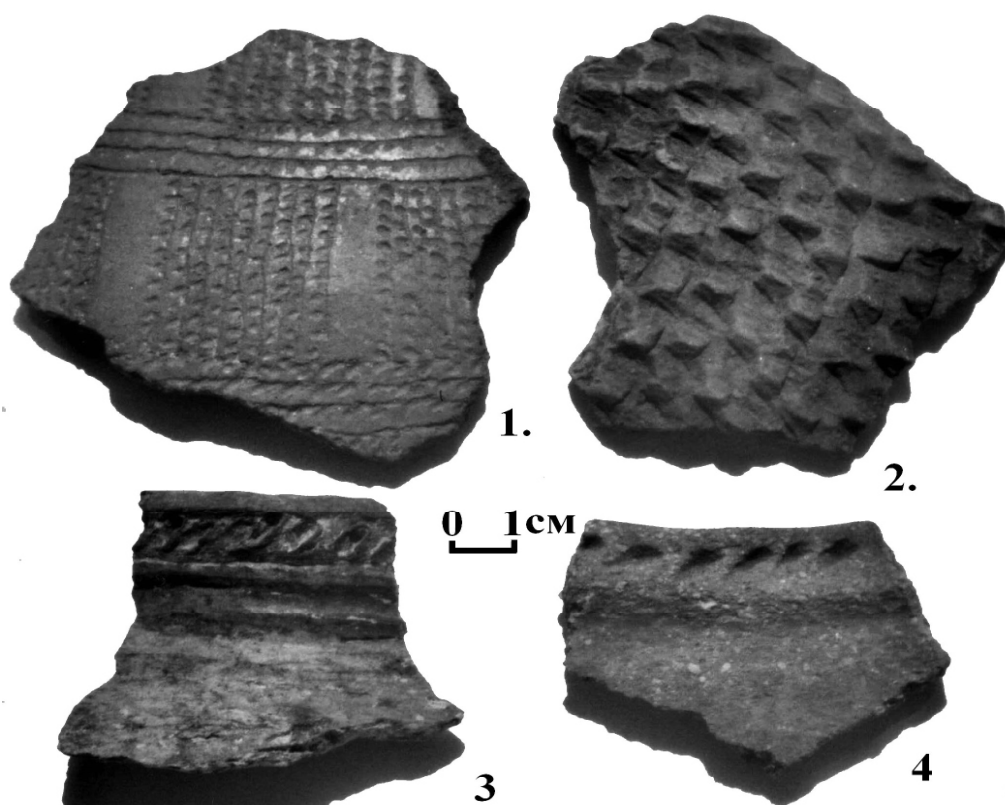

Рис. 4. Подъемный материал с Перкальского II поселения (1-4 - керамика)

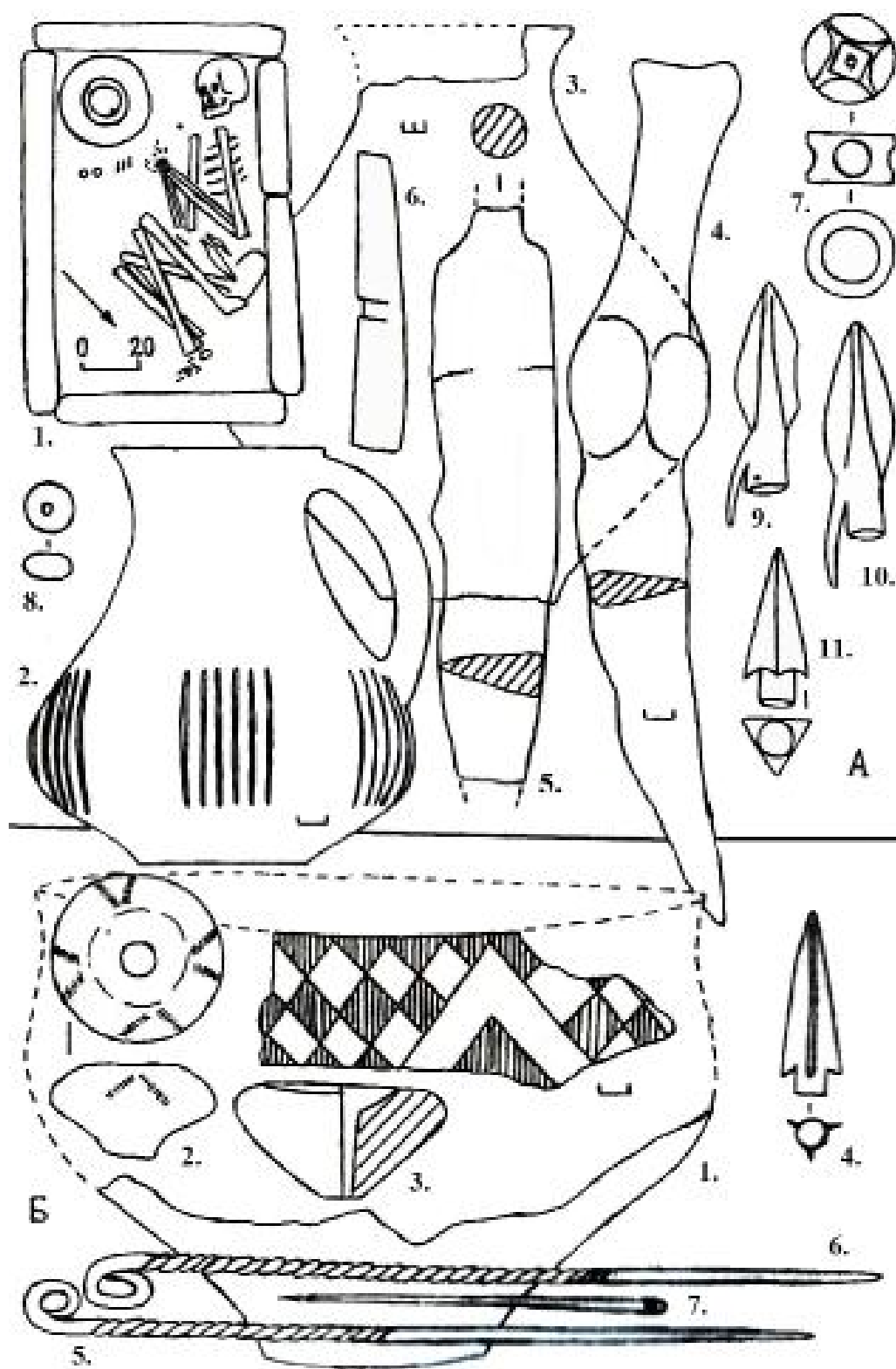

Рис. 5. Находки из погребений могильника на ул. Фабричной

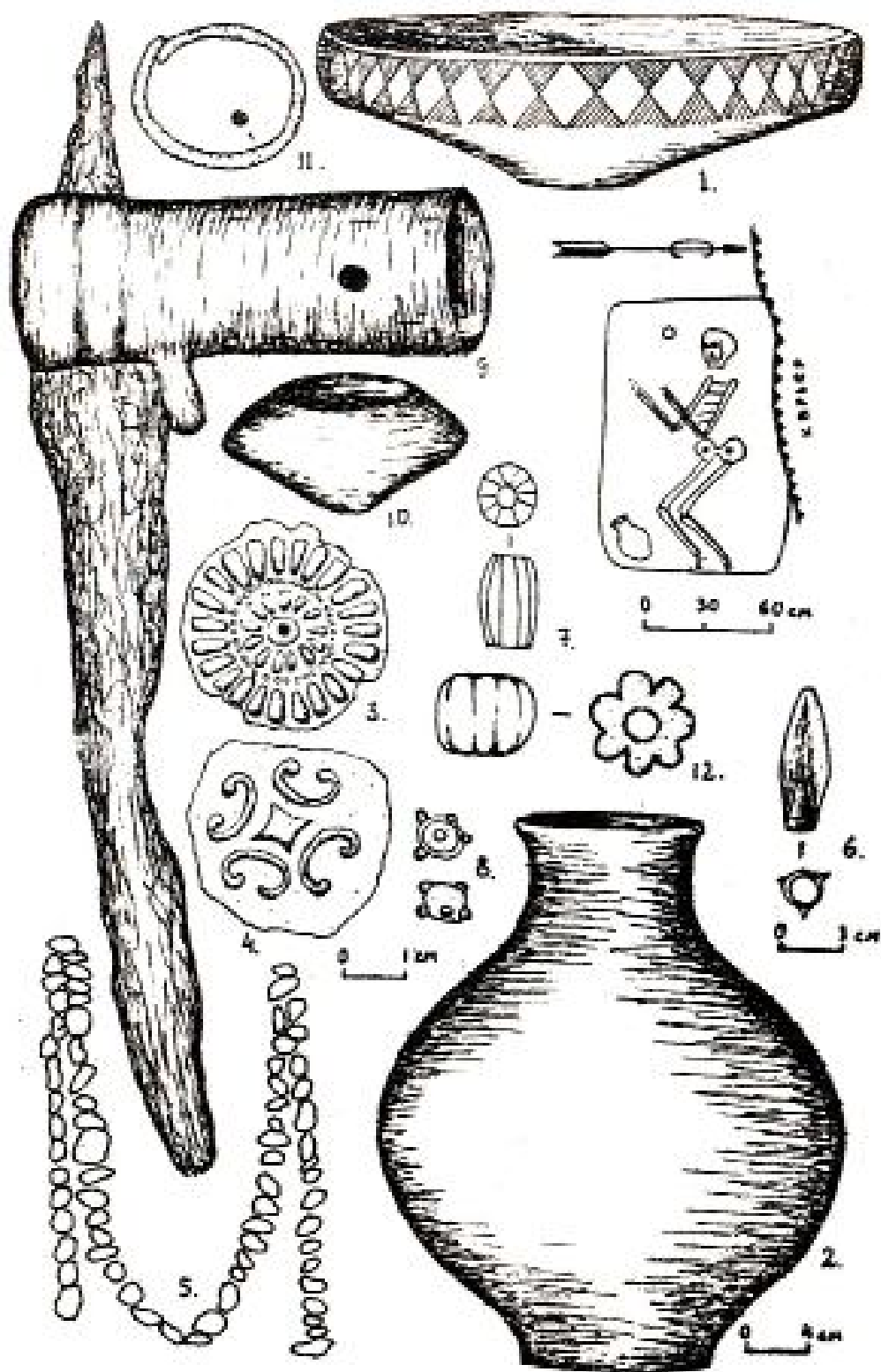

Рис. 6. Находки из погребения Перкальского могильника

Примечания
(Endnotes)

1. *Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887; Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д.Я. Самоквасова // Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. М., 1908; *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской Земли (от каменного века до христианского времени). М., 1908.
2. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. С. 57–58; См. также: *Коваленко А.Н., Савенко С.Н.* В.Р. Апухтин: археолог, краевед, музейный деятель. Пятигорск, 2011.
3. Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Пятигорск. Ч. 1 (1924–1931), Ч. 2 (1931–1942). Хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея.
4. *Кузнецов В.А.* Н.М. Егоров. Некролог // Советская археология. М., 1966. № 3. С. 292–293.
5. *Фоменко В.А.* Краевед А.П. Рунич (к 100-летию со дня рождения) // Наука и современность. Пятигорск, 2012. С. 145–150.
6. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 142–144, 182.
7. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 61–62, 67, 188–189, 319, 335, 340.
8. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5; *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1998. Вып. В 2–5; *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1995. Вып. В 2–5.
9. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 277; Архив Н.М. Егорова (хранится в Пятигорском краеведческом музее).
10. *Фоменко В.А.* Горячеводское поселение предскифского времени // Научные труды Пятигорского государственного технологического университета. Пятигорск, 2003 № 23. Ч. 1. С. 60–61.
11. *Фоменко В.А.* Пятигорский краевед Николай Сергеевич Колоколов (1912–2001 гг.) // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2008. Вып. 9. С. 158–161.
12. *Фоменко В.А.* Горячеводское поселение ... С. 60–61.
13. Травертин, известковый туф или «машукский камень» – порода осадочного происхождения, использовалась при строительстве зданий и малых архитектурных форм в Пятигорске и соседних селениях, а также для производства извести. См. *Гниловской В.Г.* Занимательное краеведение. Ставрополь, 1974. С. 196.
14. Например, см.: Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Запись № 210 от 10 октября 1925 г.
15. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 44.
16. *Фоменко В.А.* Отчет об археологических разведках отряда Пятигорского музея краеведения в районе Кавказских Минеральных Вод за 1989 г. (Отчет хранится в научном архиве ИА РАН); *Фоменко В.А.* Археологические исследования в окрестностях городов Пятигорска и Железноводска в 1989–1994 гг. // Историческое регионоведение – вузу и школе. Армавир, 1995. С. 34–35; *Фоменко В.А.* Отчет археологического отряда Пятигорского краеведческого музея о разведках на территории города Пятигорска Ставропольского края за 2003 г. Пятигорск, 2004. С. 6–15. (Отчет хранится в научном архиве ИА РАН).
17. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... № 129. С. 44. Табл. X.
18. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен ... С. 187–197.
19. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение ... С. 138.
20. *Фоменко В.А.* Отчет археологического отряда С. 6–9.
21. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен ... С. 187–197.
22. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение ... С. 136.
23. *Фоменко В.А.* Отчет археологического отряда ... С. 10–14.
24. В недавней работе В.И. Козенкова ошибочно указывает, что Перкальский могильник расположен в Кисловодской котловине. См.: *Козенкова В.И.* Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье //

Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа // XXVIII Крупновские чтения. М., 2014. С. 160–162.

25. *Егоров Н.М.* Могильник скифского времени близ города Минеральные Воды // Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР. М., 1955. Вып. 58. С. 59–61.

26. Там же.

27. *Фоменко В.А.* Отчет об археологических разведках ... Л., 5–7.

28. *Фоменко В.А.* Отчет об археологических разведках ... Л., 5–7.

29. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 44; *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013. С. 103. Рис. 54 – 1, 2, 4; *Козенкова В.И.* Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа // XXVIII Крупновские чтения. М., 2014. С. 160–162.

30. *Егоров Н.М.* Могильник скифского времени ... С. 59–61.

31. *Фоменко В.А.* О Перкальском могильнике скифского времени близ Пятигорска // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990). Грозный, 1991. С. 63–66.

32. *Егоров Н.М.* Книга поступлений Пятигорского краеведческого музея: Записи № 6441–6443, 6904–6906 от 20 июня 1931 г., 20 сентября 1931 г. и 27 сентября 1938 г.; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ ... С. 335. Рис. 19 – 25–26; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 42 (ошибочно указан год находки – 1954).

33. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ ... С. 335. Рис. 19 – 31, 32; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 44.

34. *Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 122–123. Рис. 12; *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 127–128. Рис. 78.

35. Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Ч. 2. Записи № 7803–7807 от 9 июля 1941 г.

36. *Семендяев М.В.* Археологические памятники Константиновского плато // История и современность российской государственности в регионе КМВ. Пятигорск, 2003. С. 93–96.

37. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 45.

38. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ ... С. 319. Рис. 3 – 5, 6; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 45.

39. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 44.

40. Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Ч. 2. Запись № 7035 от 11 июня 1939 г.

41. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 42.

42. Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Ч. 1. Запись № 764 от 21 мая 1926 г.; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ ... С. 62; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 42.

43. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ ... С. 340. Рис. 24 – 8–10; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... – С. 46.

44. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 44, Табл. IX. Рис. 10–22.

45. *Фоменко В.А.* Отчет о работе Пятигорского отряда на территории городов Пятигорск, Лермонтов и Предгорного района Ставропольского края в полевой сезон 1990 г. Черкесск, 1991. С. 7–9 (Отчет хранится в научном архиве ИА РАН).

46. К сожалению, в более ранних публикациях материалов этого захоронения содержится ряд неточностей, в основном касающихся погребального обряда, что выяснилось при работе с архивом участника раскопок А.П. Рунича. Ср.: *Рунич А.П.* История древнего памятника // Кавказская здравница. Пятигорск, 21.03.1978; *Дударев С.Л., Рунич А.П.* К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. Грозный, 1992. Рис. 8 – 1–11.

47. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Вып. III. С. 134. Рис. 14–42. С. 135. Рис. 15–68; *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Минераловодский могильник VI–IV вв. до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвали, 1976. Вып. XX. С. 37. Рис. III – 12, 13; С. 38.

Рис. III – 2, 3, 9; *Членова Н.Л.* Могильник Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 240. Рис. 3 – 1, 6.

48. *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Указ. раб. С. 39. Рис. IV – 6, 16, 18; С. 25–26.

49. *Фоменко В.А.* Погребения VI в. до н.э. из долины реки Подкумок // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. 1997. С. 10–12.

50. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 43.

51. Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Ч. 2. Запись № 6440 сделана в мае 1931 г.; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 42.

52. Книга поступлений Пятигорского музея краеведения. Ч. 2. Запись № 7030 от 10 июня 1939 г.

53. *Марковин В.И.* Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 93. Рис. 11–5; *Брилева О.А.* Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. М., 2012. С. 346. Кат. 463.

54. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович – заведующий отделом археологии, этнологии и этнографии КБИГИ, доктор исторических наук (Нальчик).

Березин Яков Борисович – главный специалист ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края (Ставрополь).

Бубенок Олег Борисович – заведующий отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, доктор исторических наук, профессор (Киев).

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник Центра археологических исследований Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ).

Кодзоев Нурдин Даутович – ведущий научный сотрудник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия (Магас).

Кузнецов Владимир Александрович – ведущий научный сотрудник сектора археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Северной Осетии и РФ (Нальчик).

Новичихин Андрей Михайлович – старший научный сотрудник Анапского археологического музея, кандидат исторических наук (Анапа).

Прокопенко Юрий Анатольевич – профессор Северокавказского федерального государственного университета, доктор исторических наук (Ставрополь).

Ртвеладзе Эдвард Васильевич – заведующий отделом истории искусств Института искусствоведения Академии наук Узбекистана, доктор исторических наук, профессор, академик АНУ (Ташкент).

Семендяев Михаил Васильевич – заведующий научным отделом Пятигорского краеведческого музея (Пятигорск).

Сивер Александр Викторович – доцент кафедры истории и философии Государственного морского университета им. Ф.Ф. Ушакова, кандидат исторических наук (Новороссийск).

Фоменко Владимир Александрович – заведующий сектором археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент (Нальчик).

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich – leader of archeology, ethnology and ethnography department of Kabardino-Balkarian Institution of Humanitarian Researches, Doctor of Historical Sciences (Nalchik).

Berezin Yakov Borisovich – the Chief Specialist state unitary enterprise «Heritage» Ministry of culture of Stavropol region (Stavropol).

Bubenok Oleg Borisovich – leader of the department of Eurasian steppe orientalism Institute named after A.E. Krymskiy Ukrain NAN, Doctor of Historical Sciences (Kiev).

Burkov Sergei Borisovich – Higher Senior Officer of archeological researches centre of North Ossetian state university named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz).

Kodzoev Nurdin Dautovich – leading research worker of Ingush research institute named after Ch. Akhriev, Honored Scientist of Ingushetia republic (Magas).

Kuznetsov Vladimir Aleksandrovich – leading research worker of archeology sector of KBIHR Doctor of Historical Sciences Honored Scientist of North Ossetia and Russian Federation (Nalchik).

Novichikhin Andrei Mikhailovich – senior research fellow of Anapa archeological museum, Candidate of Historical Sciences (Anapa).

Prokopenko Yuri Anatol'evich – professor of North Caucasian federal state university, Doctor of Historical Sciences (Stavropol).

Rtveladze Edvard Vasil'evich – leader of department of history of Arts of Art studies Institute of Uzbekistan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, professor, academician of Uzbekistan Academy of Sciences (Tashkent).

Semendyaev Mikhail Vasil'evich – leader of scientific department of Pyatigorsk local history museum (Pyatigorsk).

Siver Aleksandr Viktorovich – assistant professor of history and philosophy chair of State Marine university named after F.F. Ushakov, Candidate of historical sciences (Novorossisk).

Fomenko Vladimir Aleksandrovich – leader of archeology sector of Kabardino-Balkarian Institution of Humanitarian Researches, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Nalchik).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов</i>	5
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Касы и страна касов на Северном Кавказе	7
<i>Березин Я.Б.</i> Поселение у железнодорожного моста в г. Кисловодске	18
<i>Бубенок О.Б.</i> Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности	26
<i>Бурков С.Б.</i> Находки фигурных форм из «египетского фаянса» и стекла эпохи раннего железного века на территории Чечни	45
<i>Кодзоев Н.Д.</i> Пути сообщения и средства передвижения в Ингушетии (с древнейших времен до наших дней)	61
<i>Кузнецов В.А.</i> Первые шаги ислама на Северном Кавказе	67
<i>Новичихин А.М.</i> Находка бронзового котла предскифской эпохи на Северо- Западном Кавказе	72
<i>Прокопенко Ю.А.</i> О земледельческой культуре населения Центрального Предкавказья в середине – второй половине I тыс. до н.э.	75
<i>Ртвеладзе Э.В.</i> Верхний Чегем. Археологические экспедиции 1961–1962 гг.	86
<i>Семендяев М.В.</i> Исследования памятников бронзового века на территории города Пятигорска в первой половине и середине XX в.	92
<i>Сивер А.В.</i> Родословные легенды об этногенетических процессах на Северо- Западном Кавказе	100
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Визиты в культуре общения адыгов	110
<i>Фоменко В.А.</i> Памятники предскифского и скифского времени на территории Пятигорска	120
Сведения об авторах	136

CONTENT

<i>Editor's note</i>	5
<i>Bgazhnokov B.Kh.</i> Kases and country of kases in the North Caucasus	7
<i>Berezin Ya.B.</i> Settlement at the rail bridge in Kislovodsk city	18
<i>Bubenok O.B.</i> First mentions about kasogs in Old Russian annals and the degree of their credibility	26
<i>Burkov S.B.</i> Findings of figure forms of «Egyptian» faience and glass of the early iron century on the Chechnya territory	45
<i>Kodzoev N.D.</i> Lines of communications and means of transport in Ingushetia (from the earliest times to the present day)	61
<i>Kuznetsov V.A.</i> Islam's first steps in the North Caucasus	67
<i>Novichikhin A.M.</i> Finding of bronze boiler pre-scythian epoch in the North-West Caucasus	72
<i>Prokopenko Yu.A.</i> About agriculture of Central Fore-Caucasus people in the middle – second half of the first millennia B.C.	75
<i>Rtveladze E.V.</i> Upper Chegem. Archeological expeditions 1961–1962	86
<i>Semendyaev M.V.</i> Researches of monuments of bronze century on the territory of Pyatigorsk city in the first half and middle of XX century	92
<i>Siver A.V.</i> Genealogy legends about ethno genetic processes in the North-West Caucasus	100
<i>Bgazhnokov B.Kh.</i> Visits in Circassians Communication Culture	110
<i>Fomenko V.A.</i> Monuments of pre-scythian and Scythian time in the territory of Pyatigorsk	120
The authors of this issue	137

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Выпуск 3

ISBN 978-5-91766-091-2

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Художественное оформление *Б.Х. Бгажнокова*
Макет и техническое редактирование *А.В. Гергоковой*
Корректор *Л.О. Тамазова*

Подписано в печать 23.12.2014 г. Формат 70x108 ¹/₁₆. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 12,2. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 117